Сергей Вахрин
Наталья Татаренкова

Тайны памятных имён

Русская Америка

В новом альбоме «Тайны камчатских имен. Русская Америка» два автора. Я пригласил к работе над новой книгой сотрудницу Командорского государственного заповедника, которая много лет проработала хранителем фондом Алеутского краеведческого музея, Наталью Александровну Татаренкову — одного из крупнейших специалистов по истории фамилий коренных жителей Командорских островов.

Русская Америка в нашей книге — это несколько взаимосвязанных, но вполне самостоятельных историй, связанных с камчатскими фамилиями.

Одну мы уже назвали — это история заселения Командорских островов алеутами — коренными жителями Русской Америки (Алеутских островов) и креолами — потомками русских зверопромышленников, породнившихся с коренными жителями Русской Америки — индейцами, эскимосами и алеутами.

Следующая тема — это история, связанная с открытием неведомой Большой Земли или Аляксы (Аляски) — эпоха великих географических открытий на Русском Северо-Востоке и покорение Великого океана.

И третья тема — это история промышленного освоения и собственно самого административного существования Русской Америки — территории Российской империи на другом земном континенте, закончившаяся национальным крахом – продажей этой русской земли…

Существует легенда, что в период Опричнины, когда войска царя Ивана Грозного громили и грабили Новгород, часть новгородцев ушла на Русский Север и на лодьях, преодолев огромное расстояние, добралась до устья Индигирки, где новгородцы образовали поселение, сохранившееся и по сей день — Русское Устье. Вел, согласно легенде, этих людей князь Куракин (Карякин или Корякин).

Но не все новгородцы решили остаться в Русском Устье — эти последовали дальше, к Большой Земле, прошли через пролив, который, как уже позже выяснилось, отделял Азию от Америки и был назван именем человека, который обязан был решить эту географическую задачу, но с ней не справился… — Беринговым проливом.

Аляску (Аляксу) или Большую Землю открыли в 1732 году русские мореходы, служившие на Камчатке, в том числе и казаки. Они совершили это географическое открытие на том самом боте «Святой Гавриил», на котором отправился в первое, неудачное, плавание со своими помощниками — Алексеем Чириковым и Мартыном Шпанбергом будущий капитан-командор Витус Беринг, руководитель как Первой, так и Второй Камчатской экспедиций, ставшей основной частью Великой Северной экспедиции по изучению Северного морского пути из океана Ледовитого в океан Великий или Тихий. Членами экипажей этих судов были и камчатские казаки — Поляковы, Портнягины, Верхотуровы…

Но России принадлежал бы только факт географического открытия, а не сама эта «Земля российского владения», если бы Емельян Софронович Басов, сержант Охотской команды, не воодушевил своих земляков на промышленный «вояж» за бесценным мехом морских бобров-каланов, которых во множестве водилось тогда в северных тихоокеанских водах — на Командорских (где нашел свою последний приют капитан-командор Беринг) и Алеутских островах, и на побережье Аляски — и эти имена самых отчаянных сохранились в фамилиях коренных жителей Камчатки — Трапезниковых, Красильниковых, Лапиных, Кузнецовых...

Более полувека снаряжались богатыми российскими, в том числе уже и сибирскими, купцами с Камчатки на Аляску промысловые экс-

педиции, которые проникали все дальше и дальше на Американский материк, обживая эту землю, создавая первые русские поселения.

И весьма символичным было рождение на необитаемом острове в Тихом океане, который сегодня носит имя Беринга и где вынужденно зазимовал по пути в Русскую Америку рыльский купец Григорий Иванович Шелихов с женой Натальей первого ребенка — дочери Шелихова Авдотьи, будущей жены первого директора Российско-Американской компании Михаила Матвеевича Булдакова (на старшей сестре Авдотьи Григорьевны — Анне — был женат Николай Петрович Резанов, организовавший на средства РАК первое в истории России кругосветное плавание и принявший в нем участие).

В 1799 году была создана Российско-Американская компания (РАК), благодаря существованию которой были организованы из столицы Российской империи — Петербурга — многочисленные кругосветные экспедиции на Камчатку и в Русскую Америку, прославившие многие имена русских флотоводцев, совершивших многочисленные открытия — в том числе и нового континента — Антарктиды.

Но в 1867 году Аляска была продана Северо-Американским Соединенным Штатам (так тогда называлась эта страна) за семь миллионов двести тысяч долларов. Как позже выяснилось, это была даже не сумма продажи — а компенсация расходов русской эскадры, которая в 1863 году по приказу императора Александра II пришла поддержать правительство Авраама Линкольна гражданской войне между Севером и Югом (на стороне которого были Англия и Франция).

То есть Аляска досталась США даром (лишь бы она не досталась Англии и Франции) — Российская империя была не в состоянии ее удержать, что показала героическая оборона Петропавловского порта в 1854 году — уже в 1855 году русские войска оставили Камчатку, будучи не в состоянии выдержать второй удар англо-французской эскадры, хотя на призыв губернатора Василия Завойко о защите Камчатки прибыли в Гавань (как на Камчатке называли Петропавловский порт) и аборигены — все, кто мог держать в руках оружие.

Командорские острова, богатые пушным зверем, оказались тогда отрезанными от большого мира и жили самостоятельной жизнью, переходя из рук одних арендаторов (американской компании Коль) в другие (Русского Товарищества котиковых промыслов). Позже эти два маленьких острова (Беринга и Медный) образовали самостоятельный Командорский уезд со своим уездным начальником. Уездные чиновники, камчатские казаки и священники — это был мир, связывающий местное население с Большой Землей.

Основное занятие островитян в то время — котиковый промысел и охрана лежбищ от браконьеров, которые наносили непоправимый ущерб: к 1911 году от двухмиллионного (во времена первых промысловых экспедиций) стада осталось… девять тысяч зверей. Промысел пришлось на долгие годы прекратить.

Командорских жителей от вымирания и одичания спасла Советская власть. В годы существования Советского государства Командорские острова считались его жемчужиной и каждый советский человек мечтал здесь побывать. А коренные жители, наоборот, могли теперь, получив образование, жить и трудиться по новому своему призванию в любой точке Советского Союза.

Но, что удивительно, статистические данные о численности коренного населения Командорских островов повторяются из года в год — это половина всего населения, проживающего на острове Беринга в единственном селе Никольском — оно же и районный центр Алеутского муниципального района.

И именно об истории этих династий рассказывает в этой книге Наталья Александровна Татаренкова (название очерков, автором которых она является, мы будем давать курсивом).

Сергей Вахрин,
член Союза писателей России

Иван Голыгин

Океан Великий

Путь к океану лежал неблизкий. Сначала по суше — начатый Ермаком Тимофеевичем в 1581 году и завершенный Иваном Юрьевичем Москвитиным на берегу моря Ламского (будущего Охотского) в 1639-м. Затем Амур-батюшка вынес сюда и суденышки Поярков, Василия Даниловича, якутского письменного головы. И тогда, в 1645-м, предпринята первая попытка русских людей покорить море-океан, раскрыть его тайны и пройти по морским дорогам к незнаемой еще земле в той стороне, где восходит над морской волной солнце красное… Но не смогли поярковцы оторваться от берегов моря Ламского и пробились лишь на север, к зимовью, заложенному на морском берегу еще Иваном Москвитиным.

В это же время далеко на Севере, в Нижнеколымском остроге, замышляет поход на восток для поиска богатой соболями реки Погычи приказчик московского купца Усова Федот Алексеев Холмогорец. К нему для сбора ясака прикомандирован и казак Семен Иванов сын Дежнев.

20 июня 1648 года начат был тот поход на семи кочах. И хоть раскидало и суда, и людей, и судьбы по студеным волнам, но были это уже волны Великого Тихого океана. И непокорный, он был покорен ими, живыми и погибшими, обретшими бессмертие и неизвестным по сей день потомкам, великими мореходами и сыновьями российскими…

Архангелогородский коч

Наследник мореходa

Отец Ивана, Осип Голыгин, тоже оставил имя свое в истории как казак-мореход. Известно, что в 1662 году шел он с Андреем Горелым на коче — поморской кочмаре, трехмачтовом плоскодонном судне с двойной обшивкой — на Индигирку, но их «*замороз взял в Омолоевской губе*», то есть не пропустили морские льды… Так что и Ивану Осиповичу с самого детства море знакомо было, и под парусами, стало быть, ходил не раз, и не только рассказы о мореходах славных слушал с жадностью, но и сам знал многих.

Осип Голыгин или в море погиб, или зацепила его в тундре стрела недобрая, а может, просто сдал казак на старости лет, но в 1670 году поверстан на его место казачье сын Иван. 20 июня сошлись в круг по старинному, с Запорожья и Дона принесенному обычаю казаки якутские и подписали эту бумагу:

«*Се аз Якутцкого острогу дети боярские Петр Андреев сын Ярышкин, Григорий Федоров Пущин, Леонтей Трифонов, сотник казачей Третьяк Васильев сын Смирнягин, атаман казачей Семен Дежнев… поручилися семи в Якутцком остроге по казачье сыне по Ивана Осипове сыне Голыгине… быти… Ивану… за нашею порукою в Якутцком остроге великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… в казачьей службе.*

И будучи за нашею порукою зернью и карты не играть и за пьянством не ходить, и не каким воровством не воровать, и великого государя службы не збежать, и великого государя денежное и хлебное, и соляное жалование не снесть. А буде они Иван… за нашею порукою, будучи великого государя в службе, учнут каким воровством воровать, зернью и карты играть или учнут за пьянством ходить, или великого государя денежное и хлебное, и соляное жалование снесут — и на нас, на порутчиков великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича… пеня, а пеню, что великий государь укажет».

«Пенжинский прикащик»

Камчатка, как известно, открыта и присоединена к России анадырским приказчиком, казачьим пятидесятником Владимиром Атласовым в 1697–1698 годах. Но под атласовской Камчаткой подразумевается в данном случае только сам полуостров — земли ительменов и курилов. Материковая же его часть — корякские земли — была освоена русскими гораздо раньше. Так, в 1679 году на реке Аклан (Оклан), притоке реки Пенжины, был основан Акланский острог (Пенжинское зимовье) для сбора ясака (налога пушниной) с местного населения, и сюда ежегодно отправлялись из Якутска казачьи отряды во главе с приказчиком.

В начале восьмидесятых годов приказчиком Пенжинского зимовья был назначен казачий десятник Иван Осипович Голыгин. Путь сюда от Якутска лежал долгий: морской дорогой, проторенной еще Семеном Дежневым «*со товарыщи*», пользовались редко, точнее, совсем не пользовались — опасно, да и лед очень часто забивал летом этот проход в Великий океан. Шли пешком или ехали по зимнику — сбитому морозами снежному насту — на собаках или на оленях. Так вот добирались до Анадырского острога, оттуда через водораздельный хребет переваливали в верховья Пенжины, к «*ясашному*» зимовью — рубленому дому о двух половинах: в одной — жилье казачье, в другой — казенка, где коротали свой век корякские заложники-аманаты. Рядом с домом — амбар холодный, здесь и хранился ясак — «*мягкая рухлядь*», пушнина для государевой казны.

В 1683 году возвращается пенжинский приказчик Иван Голыгин в Анадырь. И вот тут-то начинается тайна…

Река Голыгина

В Анадырском остроге-крепости, как по тем временам и положено, держит ответ пенжинский приказчик перед анадырским комендантом за свой поход и ясачный сбор. И

вот что интересно — до нас дошел список сданного им здесь имущества, где, кроме всего прочего, перечислены судовые снасти и якорь. Зачем они были ему нужны там, на Пенжине, ведь не «просто так» тащил он многопудовый груз за тысячи верст через хребет и тундру?

А может быть для того, чтобы строить суда и сплавляться к устью Пенжины-реки и «*взымать ясак*» с тамошних понизовых жителей? А может быть для похода не только на низовья Пенжины готовил он снасти и строил суда — на реке-то можно было и без снастей обойтись — она, хоть и широкая (и в наши дни судоходная), но не настолько же опасная, чтобы к плаванью по ней сыну морехода как к «*вояжу морскому*» готовиться следовало?

А может быть другие цели и планы были у Голыгина, и готовился он к непростому плаванию — по морю Ламскому? И только ли готовился? Может был и сам поход тот морской? Не потому ли у южной оконечности Западной Камчатки, где заворачивают стремительные течения через Курильские «переливы» в океан Великий, одна из небольших речушек и по сей день зовется рекой… Голыгина? Может быть…

Возможно ли это?

Вроде бы известно сегодня каждому, что Охотское море русские моряки смогли покорить только в 1716 году, когда был пройден на лодии «Восток» морской путь от Охотска до Большерецкого острога. А тут — в 1683 году? Сказки какие-то…

Но в сборнике документов «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», который вышел в 1952 году, есть такое вот примечание составителя М.И. Белова:

«*… в 1648 г. Матвей Коткин на коче в караване с другими торговыми людьми отправился с Лены на Колыму… Одним из его порученников являлся Тарас Васильевич Стадухин, пенежанин, брат Михаила Стадухина. Тарас прослужил на Колыме до 70-х годов XVII века и в воеводстве князя Ивана Барятинского (1666–1670 гг.) совершил оттуда плавание вдоль берегов Чукотского полуострова на реку Пенжину*».

Выходит, возможно.

А вот и некоторые подробности того, самого первого, вояжа вокруг Камчатки: «*Ходил Стадухин в девяносто человеках*», — значит, не менее, чем на трех кочах (на шести по Белову. — п/ж). Но знаменитый Нос (Большой каменный нос, Чукотский нос, мыс Дежнева. — п/ж) ему не довелось обогнуть, и Стадухин возвратился обратно. Он перешел «*через Нос на другую сторону*», возможно, преодолев перешеек между Колючинской бухтой и заливом Креста.

Там, «*на другом море*», путники построили кочи, всего вероятнее, из выкидного аляскинского леса, и двинулись к устью Пенжины, для чего им надо было обойти Камчатский полуостров. У немирных «*иноземцев*» Тарас Стадухин взял в полон «*одну бабу*», и она рассказала об острове против пенжинского устья. На острове жили бородатые люди в долгом платье. Русских они звали своими братьями. (Марков С. Земной круг. — М., 1978. С. 509).

Значит, все-таки возможно!

Еще одна тайна

1 марта 1683 года Голыгин вышел из Анадыря и в октябре этого же года прибыл на реку Колыму — к месту своего нового назначения. Любопытно, что дорога с Анадыря на Колыму в это время была полностью перекрыта воинственными ходынцами. Именно Голыгин эту дорогу освободил, но на обратном пути с Колымы, пойдя походом на ходынцев, засевших на Анюйском хребте. Спрашивается, а как, каким образом сам-то Голыгин попал на Колыму, если со своими людьми — их было 5–6 человек — десятник никак бы не смог пройти, пробиться через ходынские земли?

Чуда не было, если, конечно, не считать чудом то, что Голыгин осмелился пройти из Анадырского острога в Нижнеколымский вокруг Чукотского носа, дорогой, которую пробил голыгинский «*порутчик*», якутский казачий атаман Семен Дежнев, но уже позабытую. И шел он по Ледовитому океану на кочах, построенных из пенжинского строевого леса и выдержавших шторм моря Ламского и моря Восточного.

А вот и доказательства: по спискам того же 1683 года в собственности Голыгина Ивана Осиповича числились «*коч да карбас морской, да лодка набойница, для кочевых всяких припасов…*» Это — из работ М.И. Белова. И он же отмечал: поездка Голыгина была столь важна, что «*о том писано к великому государю к Москве*». «Отписка» эта, к сожалению, пока так и не найдена.

И потому тайна и по сей день еще остается тайной…

Камчатский бунт, год 1690-й…

Да-да, ошибки здесь нет никакой: именно в 1690 году, за семь лет до похода Владимира Атласова, в Якутске произошел «камчатский» бунт… А в числе его участников был Иван Осипович Голыгин. Вот документ о событиях тех лет:

«*…198-го году* (это от сотворения мира, а от рождения Христа — 1690-го. — **С.В.**) *июля в 14 день. По указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев, слушав распросных и пыточных речей и сыску, и всего подлинного дела, и выписки*

великих государей из указу и из Соборного Уложения, и из грамот великих государей и из Новоуставных статей, приговорил воров и бунтовщиков, которые с воры и з бунтовщики с Филькой Щербаковым, с Ывашкою Паламшиным с пытки говорили и винились, хотели в Якутцком великих государей пороховую и свинцовую казну пограбить и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градцких жителей побить досмерти и животы их, а на гостине двое торговых и промышленных людей животы ж их пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки — сына боярского Мишку Онтипина казнить смертью, а товарищей ево, Мишкиных же, десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенщикова, Игнашка Шишева, посацкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в быту с пытки говорили и винились, вместо смертной казни бить на козле кнутом и в проводку нещадно и сослать их в ссылку с женами и з детьми в Нерчинский острог…»

Итак, казаки собирались бежать не близко — не далеко, а на самую что ни есть Камчатку.

Путь вокруг Носа до Анадыря морем да и прямой, по тундре, пеший был известен достаточно хорошо. Значит, не только слышали бунтари якутские, что есть она на белом свете, но и ведома была им эта земля, своими глазами видели они пушные богатства тех мест, а иначе стоило ли им своей головой рисковать, да «*порутчиков*» своих под кнуты и «*правило*» подводить? Да и дело очень уж серьезный оборот приняло — вплоть до готовности пойти на убийство и грабеж. Значит, на карту успеха немало было поставлено.

Кто же убедил их идти на смертельный риск? Уж не Голыгин ли?!

Настораживает в этой истории и еще одна, очень важная, на мой взгляд, деталь: виновных в заговоре и бунте воевода Петр Зиновьев отправляет как можно дальше от той окраинной земли — Камчатки, лежащей на полдень от Анадырь-реки, — в «*Ыркуцкий острог… на усть Яны к морю… на заморские реки в Омоленское зимовье…*» — от той, заметьте, земли, которая известна и самому воеводе, и тому, к кому обращен этот документ — «отписка».

Обратите внимание, что здесь не дается никакого комментария этому, вроде бы, доселе незнакомому гидрониму «Камчатка», и сам тон повествования очень даже спокойный: хотят идти за Нос, на Анадырь и на Камчатку реки… Даже ведь не на Погычу (Пахачу), весть о которой сорвала с Колымы в 1648 году отряд промышленных людей, и куда не попали ни они сами, ни кто-то другой — по крайней мере до этого, 1690 года сведений о посещении легендарной соболиной Погычи русскими землепроходцами и мореходами не было… И все-таки эти якутские бунтари собирались на, казалось бы, совсем никому не известную Камчатку…

…Приговор же тем временем приведен в исполнение:

«*А десятник Ивашко Голыгин да рядовые казаки Ивашко Ондронов, Софонко Ильин, Микитка Гребенщиков, Игнашка Шишев, да посадцкой Офонька Балушкин биты на козле кнутом и в проводку нещадно и сосланы в ссылку*». Подчеркнем, что сосланы были даже жены и дети тех, кто не выдержал пыток на дыбе, вымогательств правды «подноготной» — «*чтоб на то смотря впредь так воровать и бунтовать и градцких жителей побивать и грабить иным всяческих чинов людям было неповадно*».

Явно запугать хотел кого-то воевода. И потому десятник «*Ивашко Голыгин з женою с Оринкою да з дочерьми с Офимицею, да с Матрешкою, да с Настькою*» отправился в далекий Нерчинский острог…

Две версии

И все же десятнику Ивану Осиповичу Голыгину повезло — он был прощен и возвращен на службу. Более того, служба его продолжалась там, куда он и стремился с товарищами своими — за Носом Чукотским, вместе с анадырским приказчиком Владимиром Владимировичем Атласовым.

Нет, в походе камчатском Иван Осипович не был: исторические источники утверждают, что именно в это время он погиб на Чукотке. Но сама идея похода и, главное, маршрут движения атласовского отряда, а именно — выход на равнинное западное побережье Камчатки и продвижение на юг вплоть до того места, откуда можно будет увидеть в море острова незнаемые, до Носа, где Камчатка смыкает свои берега, и дорога снова поворачивает на север, — могли быть предложены им. И вот тогда уже совсем не случайно самая дальняя река, до которой дошел Атласов и откуда он, якобы, увидел и Нос Камчатский, и вулкан Алаид, сегодняшний остров Атласова, и Шумшу, совсем не случайно носит имя Голыгина…

Сразу скажем, что есть и иная, более распространенная версия на этот счет.

С Атласовым служил и племянник Ивана Осиповича — Иван Васильевич Голыгин. Ходил он в доатласовские камчатские походы с Лукой Морозкой Старициным (по другим сведениям это был также Иван Осипович), открыл после остров Карагинский, а потом, предполагают, погиб на южно-камчатской реке Нынгачу, которая потому и переименована в реку Голыгина… Но это только предполагают — никаких подтверждений тому до сего дня не имеется. Так что, может быть, и не был здесь, никогда этот Иван Васильевич.

А если река все же названа в честь Ивана Осиповича Голыгина, то, думается, есть для этого веские основания, и тогда это единственный и вечный памятник одному из несправедливо забытых русских мореходов-первооткрывателей.

Shilaev V. 2013

АКСЕНОВЫ

В первой половине — середине XIX в. на территории Русской Америки находилось несколько русских промышленников по фамилии Аксеновы. Двое из них — Александр (?–1849) и Самуил, он же Самойло (?–1854), состояли на службе в Атхинском отделе. Здесь в 1843 г. Александр женился на креолке Татьяне Худяковой. По всей видимости, семья не покидала пределов о. Атки, в то время как судьба тюменского крестьянина Самуила оказалась тесно связанной с Командорскими островами. Он родился в Устьницынской волости Тобольской губернии, а затем много лет служил на территории Русской Америки. В 1840-х гг. Самойло промышлял на о. Медном, откуда в 1850 г. (или 1852 г.) был зачислен в колониальное гражданство. Так Аксенов стал официальным «пенсионером» РАК.

Вместе с ним жила его семья: в 1829 г. Самойло взял в жены креолку Акулину Дмитриеву, а после ее смерти, в 1832 г., заключил брак с Аксиньей Соколовой. К сожалению, из всех детей Аксенова удается проследить судьбу одного лишь Варфоломея — сына от первого брака.

Аксенов Евпл Минеевич (ок. 1833 г. р.).

Сохранились документы, согласно которым в середине XIX в. креол Евпл Минеевич Аксенов (ок. 1833 г. р.) справлял должность пономаря в Николаевской церкви на о. Атка. В 1845 г. Евпл поступил учиться в Новоархангельскую Духовную семинарию. Там он успешно освоил: катехизис, Священную историю, русскую и славянскую грамматику, географию, арифметику, церковный устав и нотное пение. В 1850 г. Евпл по собственной просьбе и последовавшей за ней резолюцией архиепископа Иннокентия (Вениаминова) был уволен в Епархиальное ведомство. В этом же году посвящен в стихарь и назначен пономарем в Николаевскую церковь.

В информации о причте Атхинского прихода сохранилась заверенная священником Лаврентием Саломатовым характеристика Аксенова. Евпл был физически здоров, деятелен, справедлив и откровенен, но при этом неуступчив, ворчлив и не всегда почтителен. За болтливость и ворчливость трижды получал выговоры, которые встречал равнодушно, но потом исправился. Память имел посредственную, но читал и пел отлично. От водки не отказывался, но в склонности к пьянству не замечен. Отличный чеботарь (сапожник).

Евпл Аксенов был женат на креолке Марии Григорьевне (ок. 1837 г. р.), женщине доброй и богомольной, имевшей «усердие помогать бедным». Известны имена их старших детей: Елена (ок. 1858 г. р.), Самсон (ок. 1860 г. р.), Антипатр (ок. 1861 г. р.).

По всей видимости, если Евпл не раз посещал Командорские острова вместе с окормлявшим острова Атхинского отдела священником Саламатовым, но, скорее всего, никогда не задерживался на них надолго.

Аксенов Варфоломей Самойлович (ок. 1829–1856).

Утверждение Н.А. Гребницкого, что командорские Аксеновы прибыли с о. Атки наводит на мысль, что мать Варфоломея Акулина была уроженкой именно этого острова. Но едва ли мальчик мог помнить ее. Знания о своих предках он почерпнул из рассказов отца и мачехи.

Всю свою недолгую жизнь Варфоломей прослужил в на Командорских островах, главным образом на о. Медном. В 1845 г. он женился на дочери новгородского крестьянина креолке Ефросинье Ивановне Козыревой (ок. 1829 г. р.), вскоре на свет появились: Степан (ок. 1847 г. р.), Екатерина (ок. 1849 г. р.), Гавриил (ок. 1851–1890-е) и Анна (ок. 1854 – ок. 1892). После безвременной кончины супруга молодая вдова родила сына Семена (1860 г. р.), а затем вышла замуж вторично — за Ивана Хабарова (ок. 1843 г. р.). С этого момента Иван Яков-

Видъ Ново Архангельской Крѣпости на Острову Ситхѣ въ восточнаго Большаго Рейда

левич стал официальным главой семейства, и все дети, как общие, так и от первого брака Ефросиньи, были записаны на его имя. В более поздних документах детей Варфоломея можно встретить то под фамилией «Хабаровы», то «Аксеновы», а иногда она и вовсе указывалась двойной. Но при этом второе имя, соответствующее современному отчеству, всегда соответствовало имени родного отца.

В мае 1867 г. старшая дочь Екатерина Варфоломеевна вышла замуж за Евгения Игнатьевича Артамонова (1840 г. р.). Ее младшая сестра Анна соединила жизнь с креолом Сергеем Алексеевичем Сушковым (ок. 1855–1909). Имя Степана больше нигде не фигурирует, но в одном из документов упоминается некая Васса (Ананьевна) Аксенова (1858 г. р.), по всей видимости, приходившаяся Степану супругой. С высокой долей уверенности можно утверждать, что братья были женаты на родных сестрах Поповых, переехавших в 1872 г. вместе с родителями, братьями и сестрами с о. Атту на о. Медный. При этом Степан Варфоломеевич женился на младшей Вассе, а Гавриил — на старшей Хионии Ананьевне Поповой (ок. 1854–1899). Хиония скончалась во время эпидемии кори, унесшей жизни многих островитян. Ее супруг умер за 6–8 лет до этого. В силу своих физиологических особенностей Хиония, ровно как и ее сестра Васса, не могла иметь детей. Скорее всего, женщина воспитывала приемных: в списках жителей с. Преображенского за 1893 и 1894 гг. указана «вдова Феона» и «дети ея» Степан и Надежда, дальнейшая судьба детей неизвестна.

Таким образом, в настоящее время кровными потомками Самуила и его сына Варфоломея Аксеновых являются исключительно пра-правнуки Екатерины Артамоновой и Анны Сушковой. Что касается внебрачного Семена, он получил отчество отчима, которого считал своим отцом. В метрических книгах Семена Ивановича можно встретить то под фамилией Хабаров, то Аксенов. В то же время все его дети и внуки записаны как Аксеновы.

По семейной легенде, Анну Варфоломеевну привезли на остров в возрасте 12–13 лет во время свирепой эпидемии, не затронувшей Командоры. В то же время из посемейных списков следует, что Анна родилась на о. Медном и не была сиротой. Скорее всего, речь шла не о ней, а о ее матери, Ефросинье Козыревой, либо, что более вероятно, о матери ее мужа, Анастасии Михайловне Сушковой, урожденной Лестенковой (ок. 1827 – 1909). Память подростка навсегда запечатлела ужасающую картину: по обессилевшим телам умирающих женщин в тщетном поиске живительного молока ползают груднички, а кто постарше, пытаются разбудить, растормошить бездыханных матерей. Шокированная страшной трагедией, Анастасия до конца дней не могла спокойно слышать детского плача.

Аксенов-Хабаров Семен Иванович (1860 г. р.).

Семен Иванович (1860 г. р.) считался грамотным и уважаемым человеком. Он прожил долгую насыщенную жизнь и скончался в возрасте около 70 лет.

За это время он был женат дважды: первым браком – на креолке Ксении Ильиничне Голодовой (ок. 1863–1890), ее семья, как и семья Поповых, переехала на Командоры с о. Атту в 1872 г., и вторым – на некой Ольге Митрофановне (? – до 1925). Ксения Ильинична родила Марию (ок. 1881 г. р.), Александра (1886 г. р.) и Сергея (1888–1940), а Ольга Митрофановна – Константина (ок. 1893–1972), Ксению (1895 г. р.), Елену (1897–1898), Екатерину (1899–1899), Елену (1901 г. р.), Лидию (1903 г. р.) и Моисея (1905–1948). Были и другие дети, скончавшиеся в младенчестве.

• О. Медный. Алеуты: П. Березин, Сергей Семенович Аксенов, Игн. Бадаев, И. Хабаров. 1910 г. Суворов, 1912

Мария Семеновна Аксенова в 1898 г. вышла замуж за Игнатия Венедиктовича Бадаева (1872–1925). Ксения Семеновна в 1913 г. стала женой Емельяна Ивановича Климова (ок. 1887–1915) и пережила супруга как минимум на 10 лет. Их младшие сестры, по всей видимости, умерли в младенчестве.

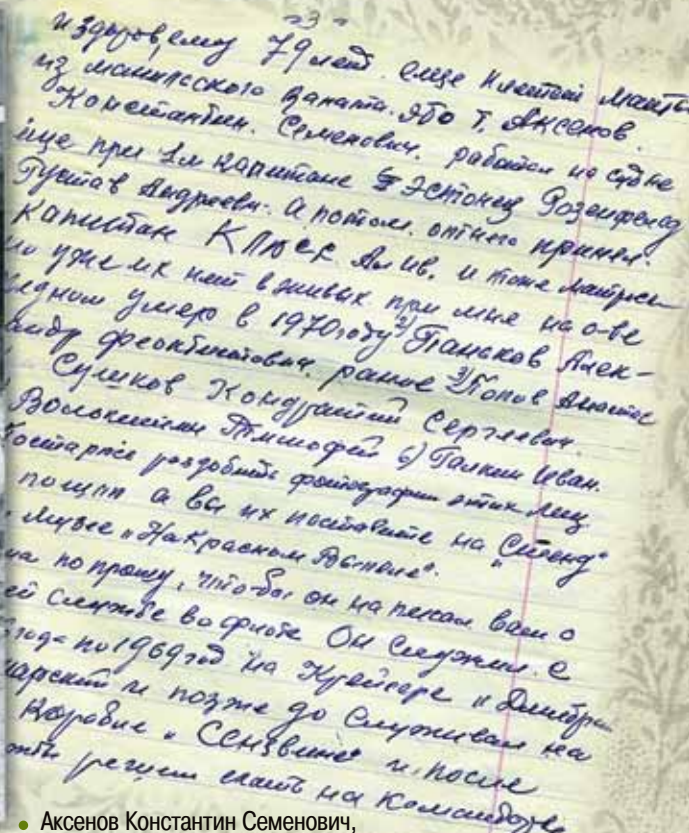
Александр Семенович был женат дважды. Его первая жена, Александра Михайловна, урожденная Сушкова (1889–1915), скончалась от чахотки. Второй брак был заключен в 1916 г. с овдовевшей Лукерьей (Лукией) Илларионовной Степновой, урожденной Бадаевой (1887–1953). Лукерье было суждено пережить и второго мужа. Ее третьим избранником стал Елисей Егорович Корсаковский (1875–1953).

Сергей Семенович женился на Вассе Ампильевне Худяковой (1896 г. р.), но уже в 1920-х гг. брак распался, и Васса ушла к Степану Ксенофонтовичу Ладыгину (1886 г. р.). Старшая дочь Сергея и Вассы Ефросинья (1914–1964) вышла замуж за Емельяна Сергеевича Сушкова (1891–1949). О судьбе Марии (1916 г. р.) известно только то, что она пережила большинство своих братьев и сестер. У Вассы Ампильевны родилось семеро детей, восьмым стал сын Степана Ксенофонтовича Никифор. Малыш появился на свет в деревне Глинка летом 1924 г., но прожил всего около двух месяцев. Несмотря на то, что Степан признал отцовство, этот союз нельзя было назвать полноценным браком — в 1925 г. у Вассы жила не с новым мужем, а с сестрой Ксенией Ампилиевной Худяковой (1910 г. р.) и двумя дочерями — Фросей и Машей. Женой Сергея Семеновича стала Марфа Ивановна Дуришина (1915–1939). У них родились дети: Лукерья (1921 г. р.), Вячеслав (1935 г. р.), Анатолий (1939 г. р.).

Константин Семенович Аксенов, больше известен на острове как «дедушка Француз». Константин на долгое время уезжал с Командор и служил на сторожевой парусно-паровой яхте «Адмирал Завойко» (после революции судно переименовано в «Красный Вымпел»). Вот что вспоминал о старике Александр Алексеевич Волков: «…будете … еще писать о «Красном Вымпеле» не забудьте включить наших командорцев Алеутов которые служили на нем в период с 1912 года по 1917 и по 23-й год. …Вот передо мной сидит бывший старший матрос рулевой, мой сосед, еще жив и здоров, ему 79 лет. Еще плетет маты из манильского каната. Это т(оварищ) Аксенов Константин Семенович.

• Аксенов Константин Семенович, «дедушка Француз». Фото Черникина

• с. Преображенское. Сем. арх. Аксенова, фото Маракова С.В.

• Аксенов Александр Моисеевич
1932–1982 гг. Собрание АКМ

• Аксенов Владимир Моисеевич.
Собрание АКМ. Фото С.В. Маракова

Работал на судне еще при 1-м капитане» (Фрагмент письма А.А. Волкова К.А. Шопотову, 17 апр. 1972 г.).

Моисей, младший сын Семена Ивановича, был женат на Сусанне Игнатьевне (1907–1950). У них родились дети: Владимир (1927 г. р.), Александр (1932–1982), Анна (1935 г. р.) и Моисей (1940 г. р.). Анатолия (1937 г. р.) и Петр (1938 г. р.), вероятно, умерли в младенчестве.

Семен Иванович и его сыновья Александр и Сергей были награждены медалями «За Храбрость» на Георгиевской ленте за защиту острова Медного от японцев во время войны 1904–1905 гг.

Аксенов Моисей Моисеевич (1940–2010).

Моисей Моисеевич — последний промысловик командорского рода Аксеновых. Вся его жизнь и судьбы его близких были связаны с пушным промыслом: старший брат Александр работал на зверокомбинате о. Медного; сестра Аннушка (по мужу Венюкова) в 1952 г. переехала на о. Беринга и устроилась на песцовую звероферму, многократно была отмечена грамотами и орденами за передовую работу. Только Владимир перебрался на Камчатку, а потом уехал в Арзамас, да так и не вернулся.

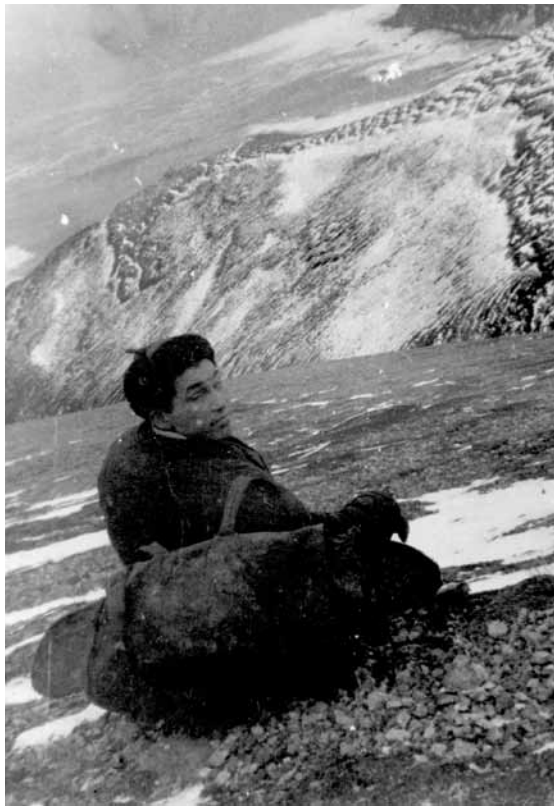
Маленький Мося рано приобщился к походной жизни островитянина. Поначалу мать боялась за своего младшенького и не отпускала на берег одного. В тундру — пожалуйста, а с морем шутить нельзя. Когда мальчик немного подрос, отец сам смастерил ему специальный крючок, и по весне Моисей вместе со всеми бегал за осьминогами и аюхашкой — так алеуты называют рыбу-прилипалу.

• Аксенова Анна Моисеевна.
Сем.арх. Аксенова, фото Маракова С.В.

Зато с дедом можно было куда угодно — хоть в остров на дальние ухожи, хоть в море на рыбалку. Дедушкой Моисей называл родственника по материнской линии Степана Ксенофонтовича Ладыгина (1886–1959).

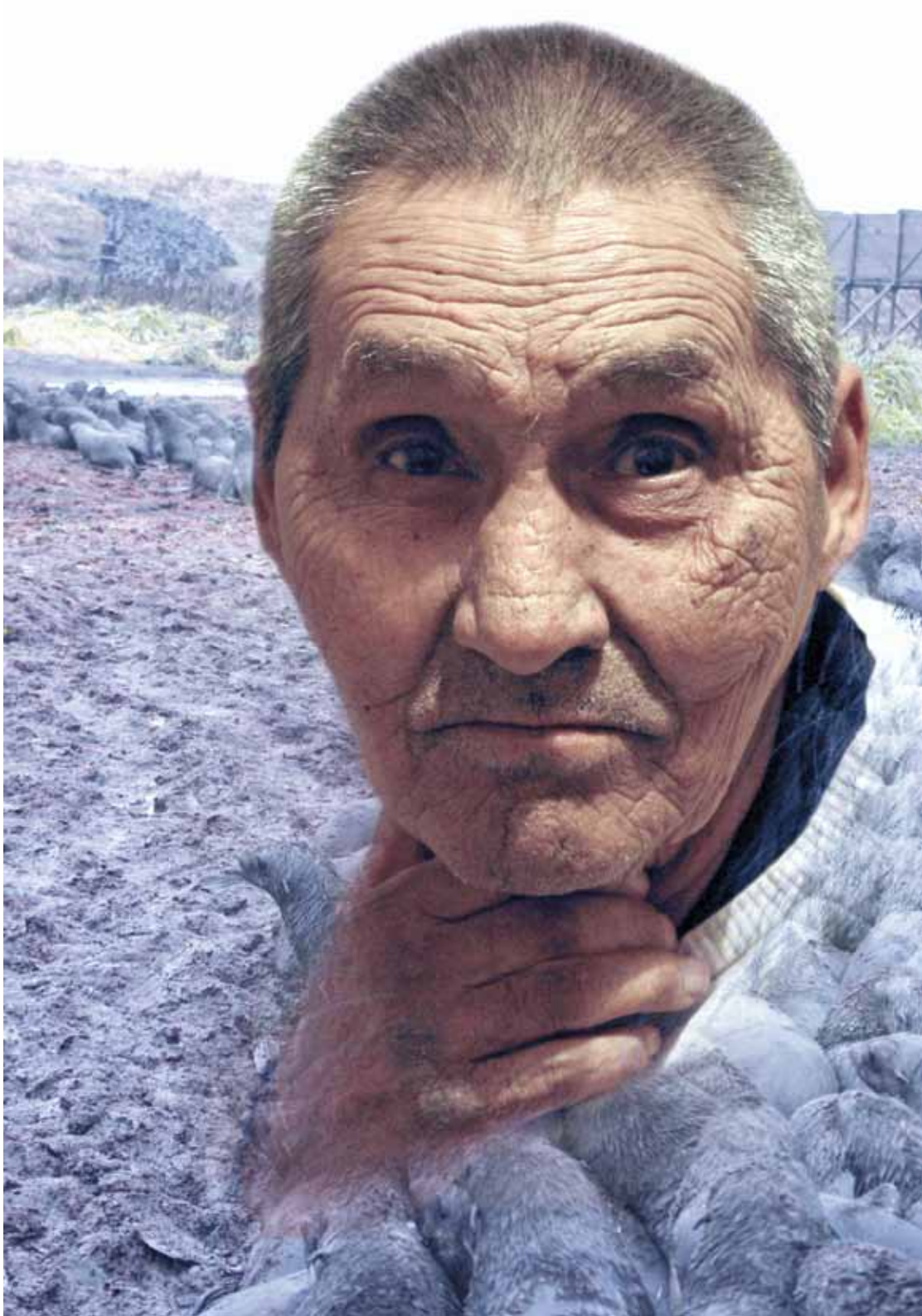
В конце мая, сразу после окончания занятий в школе, ребята устраивались на подработку в зверокомбинат. «Старики» уходили в море рано, часов в 5 утра, детвора — вместе с ними. В 4 часа подъем — спать хочется, глаза не открываются. Но дед спуску не дает: «Вот я тебе!» И — в море на полдня. Поначалу, как и всех, укачивало, потом привык. Дед брал с собой самодельный поводок метров 40 в длину, закреплял на нем крючки и свинцовое грузило — вот и вся снасть. Рыбы было много: тяжеленный белокорый палтус, зеленый окунь, треска. Судачков, тех и вовсе таскали одного за другим. Основную часть улова сдавали в зверосовхоз, остальное приносили домой на еду.

• Аксенов Моисей Моисеевич на Медном. Сем.арх. Аксенова, фото Маракова С.В

Моисей ходил с дедом и по ухожам: в 9 лет жил на Матвеевском, в 13 — на Глинке. Старики показывали в тундре следы босых «ножек» чалакаках. Этих сказочных человечков никто толком не видел, но все знали, что они существуют: рыбу промоют, повесят подвялить на зимнюю подкормку песцам, а те ночью придут и заберут, сколько им надо. Или из бочки утащат. Ловить бесполезно — под кочку спрячутся, и нет их.

Острова и его обитателей медновчане не боялись. Мальчишки с подросткового возраста разносили пес-

цовую подкормку и помогали во время котикового промысла — что кому по силам. Время шло, и вот уже 17-летний Моисей стал самостоятельным и отправился на зимний песцовый промысел. Участки распределяли по осени — кому что достанется. Мать с отцом любили Жировскую, а Моисей чаще промышлял на Перешейке и Юго-Восточном.

В январе с началом промысла собирались группой человек по 12, становились на короткие широкие алеутские лыжи, подбитые нерпой, и отравлялись в путь. Вверх идти легко — нерпичья шкура не дает скатиться назад, а вниз — один миг. Никаких лыжных палок. В руках – длинный шест с небольшим жестким крюком на конце — чтобы можно было зацепиться и подтянуться. За спиной — поклажа. Считалось, что самый плохой груз — это просушенные песцовые шкуры, потому что легкие. Тяжелый рюкзак ощущаешь, а легкий «плечи сажает».

Сперва шли все вместе, потом расходились по 2 человека по ухожам — каждый на свой участок: Жировскую, Гладковскую, Корабельную, Ожидания... Старшие показывали путь: сюда не суйся, здесь козырьки снежные, обвалы часто бывают, сорвешься — может и в море унести. Старики умели без метеопрогнозов предсказывать погоду, но работа есть работа, иной раз попадали и в пургу. Алеут знает каждый камушек, каждый изгиб тропы, не пропадали даже в снежную бурю.

• Дыбовский. Вид на д. на о. Медный

В плохую погоду сидели по юрташкам и старались не выходить: кто штопал, иные любили перекинуться в картишки или сыграть в другую азартную игру. Моисей такие дни не любил. Ему нравилось ходить, подмечать что-то новое, найти выброшенную морем диковинку и показать друзьям. Остров никогда не переставал удивлять.

С 1962 г. Моисей Моисеевич работал механиком-мотористом на катере зверокомбината.

Последние годы жизни дед Мося часто вспоминал свой родной Медный, свою маму. Мама любила кошек, и всех кошечек называла Лапками, а котиков — Никитками. Кошки были отважные — защищали дом от наглых песцов. Песцы их боялись.

Старик вспоминал свое детство, и слезы катились по щекам. Это был очень добрый и очень мягкий человек. Никогда не жаловался, не ругался и не ворчал. Всех всегда жалел. Даже котиков во время промысла гнал тихонечко, как овечек, так, что ни один зверь не пугался. Так же тихо и сам ушел из жизни.

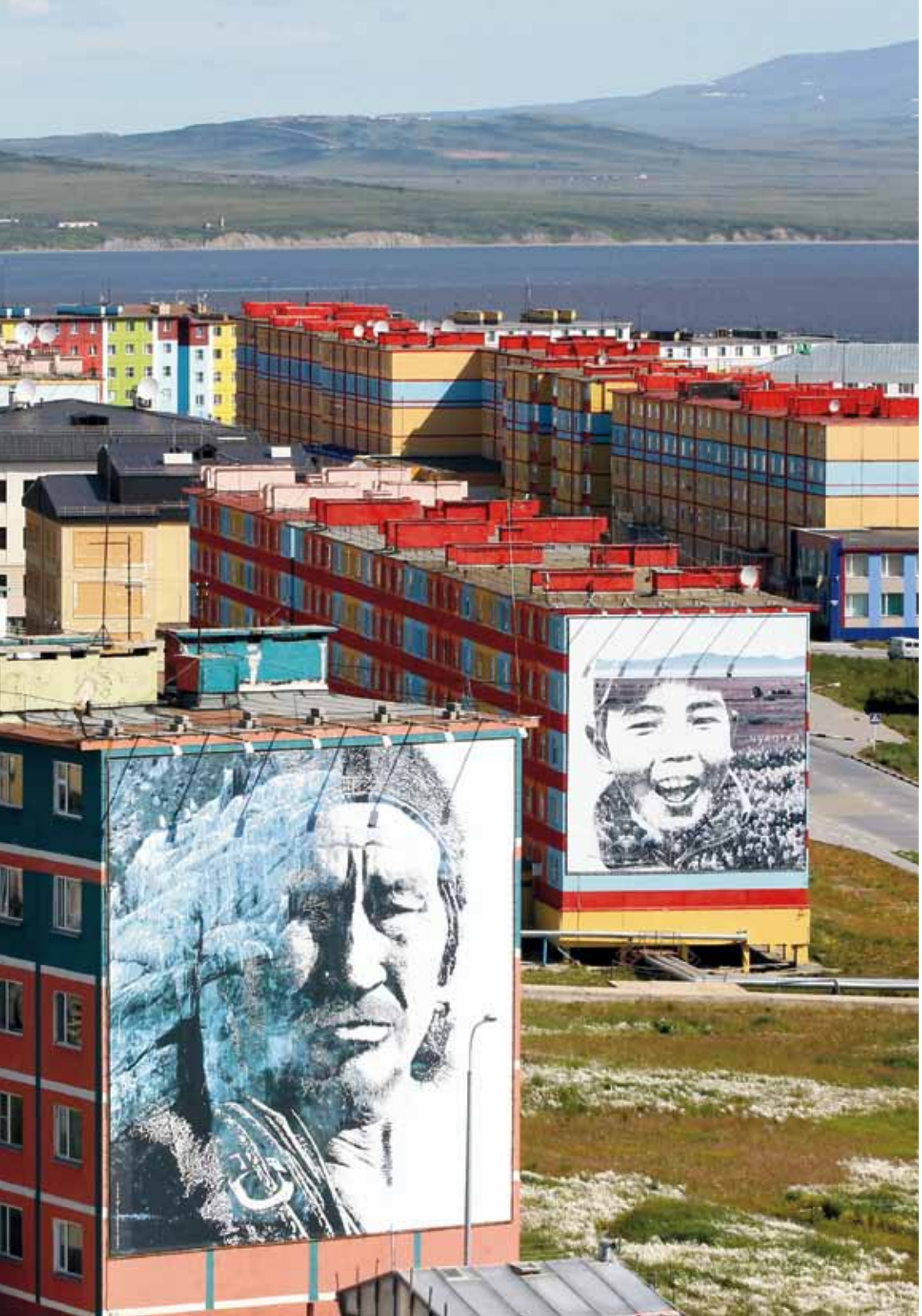
АНКУДИНОВЫ

Исходя из тех материалов, которые удалось отыскать, первые служилые Анкудиновы появляются на Камчатке в 1706 году. Это был приказчик Верхнекамчатского острога Федор Анкудинов. Вполне возможно, что он происходил из того же казачьего рода якутских казаков, что и Герасим Анкудинов (или Анкидинов), спутник Семена Дежнева в 1648 году по знаменитому плаванию, позволившему открыть путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, или Великий океан. Недалеко от Чукотского носа коч Анкудинова разбило, и бывшие на нем люди перебрались на судно другого спутника Дежнева — Федота Попова. В проливе (который совершенно, на мой взгляд, несправедливо будет назван Беринговым) во время бури кочи Дежнева и Попова разъединились, и о дальнейшей судьбе Анкудинова и его спутников точных сведений нет. Если же верна гипотеза историка Бориса Петровича Полевого о том, что кочи Попова зимовали в бассейне реки, впоследствии получившей название Камчатка, то первым «камчадалом»

из рода Анкудиновых был все-таки не приказчик Федор, а Герасим. Поэтому нам интересны и некие подробности об этом человеке, которые сообщают историки: «по словам И. и В. Магидовичей, соперник С. Дежнёва, подавшего повторную просьбу (после неудачного плавания в 1647) о назначении его ответственным за сбор ясака, Анкудинов обещал (как и Дежнёв) сдать в казну те же 280 соболей и вдобавок подняться на государеву службу своим животом [средствами], судном и оружием, порохом и всякими заводы». Взбешённый Дежнёв предложил тогда сдать 290 соболей и обвинял Анкудинова, будто тот «прибрал к себе воровских людей человек с тридцать, и хотят они торговых и промышленных людей побивать, которые со мною идут на ту новую реку, и животы их грабить, иноземцев хотят побивать же...» Власти Колымы утвердили Дежнёва, но, вероятно, не чинили препятствий и Анкудинову, который со своими «воровскими людьми» и кочем присоединился к экспедиции во главе с купцом Ф. А. Поповым. 20 июня 1648 года из Колымы вышли в море и повернули на восток 7 кочей (7-й принадлежал Анкудинову), на которых было 90 чел. Дежнёв и Попов находились на разных судах. В проливе (Лонга), возможно, у м. Биллингса во время бури разбились о льды 2 коча. Люди с них высадились на берег; часть была убита коряками, остальные, вероятно, погибли от голода. На 5 оставшихся судах Попов, Дежнёв и Анкудинов продолжили плавание на восток. Вероятно, в августе мореходы оказались уже в проливе (Беринговом), отделяющем Азию от Сев. Америки. В проливе коч Анкудинова разбился, все люди спаслись и перешли на оставшиеся 4 судна. 20 сент. у м. Чукотский или уже в районе залива Креста, по показаниям Дежнёва, «на пристанище [в гавани] чукочьи люди» ранили в стычке Попова, а через несколько дней (ок. 1 окт.) «того Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести». Следовательно, 4 коча, обогнув сев.-вост. выступ Азии (м. Дежнёва), впервые в истории прошли из Северного Ледовитого в Тихий океан. В одной из своих челобитных Дежнёв сообщал об этом выступе следующее: «...а тот Нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много. Против того же Носу на островах живут люди, называют их зубатыми [эскимосы], потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных... А тот Большой Нос мы, Семейка с товарищами, знаем, потому что разбило у того Носу судно служилого человека Ярасима Онкудинова с товарищами. И мы, Семейка с товарищи, тех разбой-

• Семён Иванович Дежнёв.
Леонид Кищик, 3D модель для станка с ЧПУ.
Фото из свободных источников

ных [потерпевших крушение] людей имали на свои суды». Видимо, к следующей экспедиции Дежнёва (1655) относятся его слова о судьбе пропавших в 1648 «кочевщиков»: «А в прошлом 1662 году ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил... у коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что-де Федот и служилый человек Герасим [Анкудинов] померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди, и побежали с одною душою, не знаюде куда...» Разновременные показания подтверждают, что Попов и Анкудинов со своими спутниками были заброшены бурей в своём коче на Камчатку, провели там, по крайней мере, зиму, и что, следовательно, открыли Камчатку они, а не позднейшие землепроходцы, пришедшие на полуостров в конце XVII в. (*Владимир Богуславский. Материал из кн.: «Славянская энциклопедия. XVII век». М., ОЛМА-ПРЕСС. 2004*).

В конце XVIII века флотский лейтенант Г. А. Сарычев писал: «Среднеколымск расположен на левом берегу Колымы. Он огорожен деревянным забором, внутри его церковь, а около оной несколько домов. Сей острог назывался прежде “Ярмонга”. Эту крепость позже в народе стали называть “Башня казака Анкудинова”. В 1647 году в Среднеколымском ясачном остроге оказался казак Герасим Анкудинов. Он прибыл сюда без разрешения якутского воеводы из Усть-Янского зимовья, услышав о здешних богатствах. В описании товарищей Анкудинов предстает “кудлатым”, с черной курчавой бородой и огромными ручищами. По характеру буйный, привыкший жить разгульно, не желая над собой контроля и отказавшись подчиняться Среднеколымскому приказчику, стал соперником Дежнева по сбору ясака. Герасим Анкудинов по собственной инициативе предпринял морской поход вдоль всего северного берега Чукотки. Знаменитый морской поход на Анадырь с Семеном Дежневым начался с 20 июня 1648 года. К Берингову проливу из семи кочей дошли только два коча Дежнева. Остальные исчезли в пучине моря у Большого Каменного Носа, в том числе и коч Герасима Анкудинова. Речка Анкудинка, которая впадает в Колыму, делит Среднеколымск на две части. Правая сторона города называлась “Анкудинской” в память о казаке Герасиме Анкудинове».

Приказчик Федор Анкудинов правил на Камчатке в 1706 году.

На границе XIX и XX веков мы находим представителей старинной казачьей фамилии Анкудиновых в Анадыре, записанных уже в мещанское сословие (эта участь коснется и многих камчатских родов,

• Современный Анадырь.
Фото из свободных источников

записанных в связи с сокращением числа служилых в мещане или в крестьяне). В 1893 году зарегистрированы две семьи мещан Анкудиновых в Анадыре: Анкудинов Иннокентий Данилович, мещанин Анадыря, 63 года. Сыновья Андрей (34), Иван (28). И Анкудинов Михаил Семенович, мещанин Анадырска, 22 года (*Исповедальная роспись Анадырской Николаевской церкви за 1893 г., ГАКК*).

Б

БАБАРЫКИНЫ

Очень интересный случай — история Русской Америки свела вместе крестного родителя и его крестников. А для нас этот случай интересен еще и тем, что камчатские крестьяне, оказывается (хотя этот случай может быть и единичный, других примеров у нас нет), также принимали участие в крещении камчадалов, как и представители всех других камчатских сословий: Бабарыкин Данило Федорович, Верхнего острогу подушный плательщик, то есть крестьянин, и камчадалы Бабарыкин Кирило (Щегловского [вероятно, Щековского?] острога) и Бабарыкин Семен (Щековский острожек) — участники промысловой экспедиции на боте «Св. Евпл» в 1773 г. (*Макарова Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», М., 1968 г.*)

До нашего времени фамилия не дошла.

БАДАЕВЫ

Прародителем командорских Бадаевых (Бодаевых) был крестьянин Тверской губернии по имени Федор. Федор родился в Весьегонском уезде приблизительно в 1796 г. Жизнь в средней полосе России не сулила больших успехов, и молодой человек отправился искать счастья на самую восточную окраину. Более тридцати лет провел он на службе в Атхинском отделе РАК, остепенился и обзавелся семьей. Имя первой жены русского переселенца неизвестно, но с уверенностью можно утверждать, что это была местная уроженка. В 1847 г. Федор женился во второй раз — на креолке Наталье Харитоновой, на тот момент он работал мельником на о. Атка. От обеих жен родилось не менее пяти детей: Игнатий (ок. 1832–1906), Аграфена (ок. 1834 г. р.), Михей (ок. 1843–1917), Венедикт (ок. 1845–1880-е) и Алексей (ок. 1848 г. р.).

В конце 1840-х гг. Федор переехал жить на о. Беринга, и в 1850 г. был причислен оттуда к колониальному гражданству. Он скончался 5 января (юл.) 1864 г. в возрасте 68 лет и был похоронен на «кладбище при Гавани». Скорее всего, это та приморская терраса, на краю которой до сих пор стоит «старая» школа, построенная в начале 1950-х гг. и закрытая в 2008 г.

Помимо Федора в 1860-х гг. на о. Беринга также служил еще Бадаев — некий «алеут» по имени Иван (? – 1866). Затем он уехал с острова и принял участие в Тугурской китоловной экспедиции. В 1866 г. Иван был переведен в Ново-Архангельск и вскоре умер. Вне сомнения, эти люди были родственниками, вероятнее всего, Иван приходился Федору старшим сыном.

Бадаев Игнатий Федорович (ок. 1832–1906).

В 1882 г. старшим в семействе командорских Бадаевых был Игнатий: «50 лет, прибыл с о. Атхи, дети все родились на о. Беринг. Старшему сыну 26 лет», — указывал в сводном списке управляющий островами Н. Гребницкий.

Игнатию Федоровичу был 51 год, когда он в качестве штурмана парусной шлюпки отправился вместе с Леонардом Стейнегером в «кругосветное» плавание вокруг о. Беринга. Американский исследователь описал своего попутчика как «худого высокого мужчину крепкого телосложения». Все считали Бадаева очень опытным и надежным и не раз отмечали его зоркость: «Зоркие глаза Бадаева обнаружили лежащий на пляже белесый предмет, и он попросил меня посмотреть в бинокль, что там такое. Я сразу определил, что это останки выброшенного на берег кита». Вспоминая о Бадаеве, Стейнегер красочно описал экстремальную высадку в районе бухты Бобровой (см. главу о Василии Мальцеве) и дружески посмеялся над местными суевериями, касавшимися бухты Командор: «…я объявил, что следующим утром

намерен обследовать остатки жилищ на месте зимовки потерпевших кораблекрушение. Последовал ропот и дебаты на алеутском. По жестам я определил, что мой план не получил одобрения. Бадаев нашел множество аргументов, почему мне лучше отказаться от задуманного, но абсолютно все они были надуманными и несерьезными. Очень скоро мне стало ясно, что своими отговорками он лишь пытается прикрыть истинные мотивы. В конце концов, удалось выяснить, что люди связывали причину непогоды с моими раскопками на месте трагедии Беринга. Им нередко случалось убеждаться на собственном опыте, что подобные попытки пресекал налетавший дождь и шквал, при этом в других частях острова стояла хорошая погода. …Напрасно я уверял их, что шторм был намного сильней до начала раскопок. Было ясно, что они испытывали суеверный страх перед этим местом и боялись, что будут наказаны за мое богопротивное любопытство».

Через день путешественники достигли Старой Гавани, завели шлюпку в реку и расположились «в большом чистом доме Бадаева». Приведя в порядок пострадавшие от непогоды коллекции, Стейнегер вместе с хозяином вышел посмотреть его огород: «Почва здесь очень плодородная и огороды ориентированы на восток или на юг, так что условия лучше, чем в других частях острова. Картофель и другие корнеплоды удивили солидными размерами, особенно если учесть, что посажены они были слишком плотно друг к другу. Но таких результатов удается достичь не каждый год, иногда картофелины меньше наперстка».

Первой женой Игната была некая Анна (ок. 1838 г. р.). После ее смерти он заключил брак еще раз, но в середине 1880-х снова слыл вдовцом. Очевидно, его избранница покинула мир в промежуток между 1883 и 1885 гг. Судьбы детей Игнатия сложились следующим образом:

Младшими были девочки. О судьбе Марфы (ок. 1858 г. р.) не известно ничего.

Акулина Игнатьевна (ок. 1860–1900) вышла замуж сперва за Федора Васильевича Прошева (ок. 1852–1891), а в 1892 г. — за Степана Мефодиевича Шипицына (ок. 1869 г. р.). Этому предшествовал пренеприятнейший инцидент: в 1877 г. девушку изнасиловал вахтер (надзиратель) Тетерин. Унтер-офицер Тетерин был личностью неоднозначной. С одной стороны, период межвластия 1868–1871 гг. он был

Бухта Командор. Стоянка у креста на могиле «Командора Беринга»

Старики на острове Беринг

Альбом Волошина из архива ...

Командорский дневник Евгения Николаевича Фрейберга
(1924 – 1925 гг.)

Мое прибытие на Острова – 15 июля 1924 г.

Остров Беринга. 18 августа 1924 года

Вечер... Тихо... В комнатах звенит тишина. Или это у меня в голове? Всего месяц, как я на Островах, а уже меня давит одиночество. Маленькая алеутская драма разыгрывается сейчас у меня в душе, и только далекий туманный огонек где-то на краю света помогает мне не страдать, заставляет жить.

В соседней комнате моей квартиры маленькая индеанка что-то шьет, и ее присутствие до ужаса подчеркивает, что я более один, чем когда бы то ни было. Она не только чужая мне совсем, она ненавидит меня, и самая маленькая моя ласка ей неприятна. И временами мне кажется, что она боится меня. И все это только потому, что я слишком хорошо к ней отношусь. Правда, к закату солнца она должна быть дома. Она является робкая и злая, ибо это закон, и нарушать его она боится. Но я знаю, что с любым алеутом, алеуткой или даже ребенком ей интересней и лучше, чем со мной.

О, дьявольская индейская раса! Но надо вернуться несколько назад...

Командорские острова. На краю света среди океана с неприступными скалами и утесами высится мрачный гористый Медный. Ясный солнечный день... На рейде в миле от берега пароход, на котором я приехал. От него бегает катер с кунгасами на буксире и возит товары и продукты. Раньше, чем через год, другого парохода здесь не будет. И то, что сейчас выгружают, все это делится на 12 месяцев. Около 50 алеутов вытаскивают из кунгасов мешки и ящики и складывают их на песке выше черты приливов. Бухточка, где происходит разгрузка, называется Преображенской, и так же называется алеутское селение на ее берегу. Скалы и каменные столбы закрывают ее с моря, и даже в узком ее выходе большие зеленые камни скрывающиеся во время приливов. Домики селения с высокими крышами и тонкими дощатыми стенками, некоторые из них сплошь покрыты листами железа, и все они светло-серые, постройки американской [в настоящее время каркасные дома американской постройки сохранились только в с. Никольском на о. Беринга].

На берегу сидят дети и с ними девушка индейского типа. Яркие глаза, тонкий овал лица и черные блестящие волосы. Я прохожу мимо нее раз, два, и все время любуюсь ею. Но я приехал сюда начальником островов, и дела заставляют меня на время забыть ее. Потом я встречаю ее идущей по селению.

– Вы поедете со мной на Беринга? – спрашиваю. Изумленные смеющиеся глаза, и потом ответ: – Нет, не поеду.

– Вы поедете, – говорю я, – я вас возьму с собой.

единственным государственным чиновником, препятствовавшим разграблению котиковых лежбищ. С другой, периодически позволял себе «принять на грудь» лишнего. Ироничное отношение к надзирателю запечатлелось в старом топониме — до 1882 г. Арку Стеллера местные жители называли Штанами Тетерина. К счастью, описанный случай не нанес вреда ни здоровью, ни репутации девицы.

Младшая сестра Евдокия Игнатьевна (1863–1892) стала супругой Петра Николаевича Каурова (ок. 1859–1899).

Авраам Игнатьевич (ок. 1856–1900) женился на креолке Екатерине Родионовне Будаковой (ок. 1858–1903). Трое их мальчиков: Александр (ок. 1884 г. р.), Авраам (ок. 1895–1898) и Иван (1899–1899) умерли в младенчестве. Федор дожил до 19 лет, но скончался от менингита (1887–1907). Остальные были дочери: Матрона (ок. 1881 г. р.) вышла замуж за Михаила Севастьяновича Шадрова (ок. 1877 г. р.); в 1917 г. семья переехала на Камчатку в с. Ука. Мария (1890 г. р.) стала женой Василия Макаровича Прошева (ок. 1877–1929). Анна (ок. 1892–1940) родила в 1911 г. сына Федора, а затем заключила брак с Гавриилом Петровичем Прошевым (ок. 1890 г. р.). Были и другие девочки, рано ушедшие из жизни: Ирина, Елена, Надежда. Еще одна дочь Авраама, Анастасия (ок. 1883 г. р.), была удочерена бездетной семьей родственников: Марфы Родионовны (урожденной Будаковой) и Петра Петровича Бурдуковских.

Николай Игнатьевич (ок. 1865 – ок. 1922) был женат трижды. Его первой избранницей была Ольга Ефимовна Невзорова (ок. 1865–1890). В 1894 г. Николай взял в жены вдовствующую Юлиану Дмитриевну Старцеву (ок. 1871–1897), урожденную Юрьеву (?), а через три года после ее смерти – овдовевшую в 1890 г. Елизавету Ильиничну Галкину (ок. 1868–1947), урожденную Мершенину (?). С датами в этой семье много путаницы и несоответствий: по всей видимости, люди были неграмотные и откровенно пренебрегали официальной документацией.

Почти наверняка можно утверждать, что старшая из доживших до совершеннолетия дочь Агриппина (ок. 1893–1917) еще в девках родила дочь Марию (ок. 1912 г. р.). Девочку воспитывали бабушка Елизавета с дедом Николаем. Сама же Агриппина вышла замуж за Николая Мершенина, но вскоре скончалась от чахотки. Ее сестра Любовь Николаевна (1907–1940) официально в брак не вступала.

В феврале 1919 г. у девицы Анны Ивановны Галкиной (1897 г. р.) родился сын Игнат (Игнатий). Восприемником новорожденного записан совсем еще юный на тот момент Владимир (1904 г. р.) – единственный сын Николая Игнатьевича. В роли крестной матери мальчика выступила жена родного брата роженицы — Анна Васильевна Галкина, урожденная Мальцева. Летом следующего года Анна Ивановна обвенчалась с Гавриилом Георгиевичем (Егоровичем) Корсаковским (1893–1953), и мальчик получил отчество отчима. Каким образом внебрачный ребенок стал Бадаевым, и почему 15-летний подросток стал крестным отцом, остается только догадываться. Но учитывая, что речь идет о периоде полной неразберихи и сумятицы начала 1920-х гг., когда старые устои рушились, а новые правила еще не были утверждены, подобная смена фамилии вполне могла произойти.

В 1930-х гг. Владимир Николаевич Бадаев работал заместителем директора по хозяйственной части беринговского отделения Командорского зверосовхоза. Валентин Поликарпович Хабаров считал его молодым специалистом, подающим большие надежды.

Гавриил Корсаковский, или, как его ласково звали в селе, «дядя Ганя», овдовел рано, но воспитал приемного сына как родного. Игнат получил образование и стал одним из первых командорских радистов. Он работал радистом и радиотелеграфистом на радиостанции с. Никольского, а затем — начальником радиостанции одного из транспортов китобойной плавбазы «Алеут». Примечательно, что годы войны обязанности технички (уборщицы) на никольской радиостанции исполняла Анна Васильевна Галкина, крестная мать Игната.

Что до самого Николая Игнатьевича, печальные обстоятельства его гибели запомнились островитянам ярче, чем он сам. Со временем история обросла легендами и сделалась одним из символов вероломства иностранных торговых агентов. И хотя имя пострадавшего давно стерлось из памяти, о событиях тех дней рассказывали вплоть до начала XXI века. По истечении срока аренды пушных промыслов владивостокским торговым домом «Чурин и Ко» (1912–1916) острова по сути остались на несколько лет безнадзорными. Это обстоятельство пробудило большой интерес у российских и иностранных любителей легкой наживы. Такие фирмы как «Нихон-Моохи», «Демби, Бринер и Кушнарев» и «Гиббард, Свенсон и Ко» вместо обещанного продовольствия завозили всевозможные спиртные напитки. Среди них особой

За этот месяц было одно событие. Зашел пароход «Память Ленина». И с ним уехал наш уполномоченный губ ревкома, Командорский уезд упразднен. И острова объявлены Госпитомником пушных зверей. Разницы особой нет, но теперь я со страхом жду чьей-нибудь смерти, рождения или свадьбы. В какие книги и как я их буду заносить?! Ну, да авось алеуты будут благоразумны!

С начала сентября начались ветра и штормы. Почти три недели лил дождь, и только изредка проглядывало солнце. На днях ночью слегка тряхнуло, но я не слышал. Пусть трясет, только бы домики не сыпались. Отношения мои с индейской девочкой наладились. Я несколько раз взбешенный ее глупостью отправлял ее к тетке [Евлампии Илларионовне Бадаевой, строго говоря, не тетке, а сводной сестре по линии отца], но она чего-то боится и не уходит. Мне она совсем и не нужна. Вместо привязанности у меня к ней безразличие, а иногда даже злоба. У нее то же самое, но она гораздо злее меня и глупее. И все-таки я жду того времени, когда она сама с моей слабой помощью уйдет от меня. И тогда она будет последней моей женой индейского типа.

24 сентября.

Тундра... Несколько дней я никуда не ходил из селения. Сегодня в тундре меня встретила осень, и я изумился. В золотые краски окрасились травы, облака с туманами низко неслись над землей, и в воздухе заунывно кричали кулики. По озерам бежали свинцовые волны, и пена с их гребней скапливалась под берегом, и потом ветер белами хлопьями гнал ее в тундру. С алеутом (Терентием Ладыгиным) мы уходим из селения. А уток все нет. Пустынно и тоскливо. Меня тянет в тайгу, в золотые и солнечные леса, в зеленые, темные уюты. Я вспоминаю свое одинокое зимовье на Байкале, и каким оно мне кажется радостным и беззаботным. Ссоры, сплетни, интриги меня окружают здесь на островах, и я проклинаю тот час, когда получил телеграмму с предложением ехать на Командоры и когда согласился...

Однако, о тундре... Мягкая торфяная почва, в которой нога вязнет плавно, остролистая, пожелтевшая уже осока, и много озер и окон, окаймленных темно-зелеными камышами [«камышом» Фрейберг называет либо болотницу, либо какой-то из видов осок]. По горизонту резкими контурами мягко обрисовываются горы. За большим Гаванским озером, по берегу которого мы идем, высится Столовая гора. На ровной поверхности тундры вдруг поднимается пологий бугорок, и на нем осень в багряные краски расцветила листья и фиолетовой дымкой покрыла белый олений мох. Мне опять вспоминается тайга, и на момент делается тоскливо. О, черт!

Узенькая двухвершковая дорожка вьется и бежит по болотистой почве, смело врезаясь в осоку и камыши. Это песцы осенними ночами рыщут по озерам за рыбой и птицами. Это их дороги. Долго я иду песцовой тропинкой, но потом она исчезает так же неожиданно, как и появилась. Ваше время еще не пришло, зверята, погодите до снега, а там увидим...

27 сентября.

Три дня, как на бледно-синем небе светит солнце и почти нет облаков. Море стало синим, а песчаные берега – желтыми, красочными. Алеуты косят сено. Настало время

И когда я говорю это, я знаю, что она поедет со мной чего бы это ни стоило. Я так хочу, я слишком один, и провести еще год так вдали от друзей, от всех, это свыше моих сил. И даже путеводный мой огонек не сможет мне осветить мой одинокий путь.

– Что бы вам не предлагали, вы от всего отказывайтесь, хорошо?

Ответ: – Я не знаю. И наконец, «Хорошо».

Я опять берусь за дела.

28 августа

О, печаль и тоска! Все время у меня в голове эти слова из строф Нерона... И мотив неясными грустными тонами звучит во мне, то где-то далеко, то близко-близко. Из острова по морям и океанам мысли мои летят далеко на юг, туда, где чуть светится мой огонек. Летят и не долетают. Мне надоело быть одному, я живу, что-то делаю, и единственный цензор своих дел и поступков – это я. Это скучно, тяжело, и нет стимула в жизни. Здесь на краю мира, оторванный от всех я опять чувствую бесцельность жизни. Опять теряю свое я...

Нет, черт возьми, неправда! Свое «Я» я не теряю, всегда я один и тот же, и если сейчас у меня полоса тоски и грусти, то это не значит, что через день, месяц, пусть даже год я не буду опять ценить жизнь, не буду радоваться и приветствовать первые лучи восходящего солнца, первую весеннюю песенку синицы в тайге. Из чего складываются мои настроения? Неприятности служебные – это первое, и звериное недоброе отношение маленькой индеанки, второе. И то и другое – мелочи, смешно даже серьезно говорить о них, они пропадут в моей жизни так же внезапно, как появились. Останется лишь воспоминание о глупости человеческой и неблагодарности.

Так какого же черта я хандрю!? Один, один, один – вот единственная причина моей тоски.

В противовес одиночеству, тоске по родной душе я поставлю работу, обследование острова, охоту и ... спирт. И тогда ваши телеграммы лишь будут радостным предвестником будущего. А пока к черту сантименты, да здравствуют море, тундра и собаки!

31 августа

Вчера я получил телеграмму от Н. [в радиограмме Евгений пригласил Нину на Командоры «на чашку чая», на что девушка отшутилась: «Боюсь, что такую чашку чая можно закончить втроем»]. Мне радостно и сейчас. Но разве может что-нибудь дать телеграмма? Она всегда холодная и чужая. И только четыре буквы в конце ее меня радуют и согревают. Меня еще не забыли на далеком Западе. Хвалите имя Господне!

23 сентября

Сегодня я точно чуть не отправился в страну предков из-за дурацкой печки, которую моя дикарка рано закрыла. Я встал с койки, и сделав несколько шагов, с трудом добрался обратно. Я был уверен, что слишком много вчера выпил, и потому решил отлежаться. Но голова разрывалась от боли, в ушах шумело, а сердце билось со скоростью бегущего зайца. И тогда я понял, отчего это, и почти теряя сознание, выбрался на воздух. Черт бы их подрал, эти печи, костры лучше.

популярностью пользовалось дешевое японское саке. В одном из главных экспозиционных залов Алеутского краеведческого музея весьма удачно смоделирована проблема этого периода: плакат, призывающий к трезвости, и рядом — деревянный ящик из-под японского алкоголя. И первых, и вторых было настолько много, что плакатами обклеивали стены домов, а ящики использовались как посудные полки. О спаивании алеутов не писал только ленивый. Но эффекта не было до тех пор, пока не произошло несчастье. Помимо косвенного вреда здоровью, привезенная однажды некачественная партия алкоголя стала причиной гибели двух беринговцев: мужчины и девушки. Мужчиной, по свидетельству В.П. Хабарова, был алеут «сгоревший» от «водки-сака» Николай Бадаев.

Бадаев Геннадий Игнатьевич (1940–2012).

Командорцы хорошо помнят старика Игнатьича – одного из самых заядлых и удачливых рыбаков на острове. Всегда спокойного, рассудительного, щедрого и невероятно скромного. Своим умением прийти с уловом, когда у других пусто, он никогда не хвалился, а на вопрос «в чем секрет?» только лукаво улыбался: «Наблюдать надо, присматриваться…»

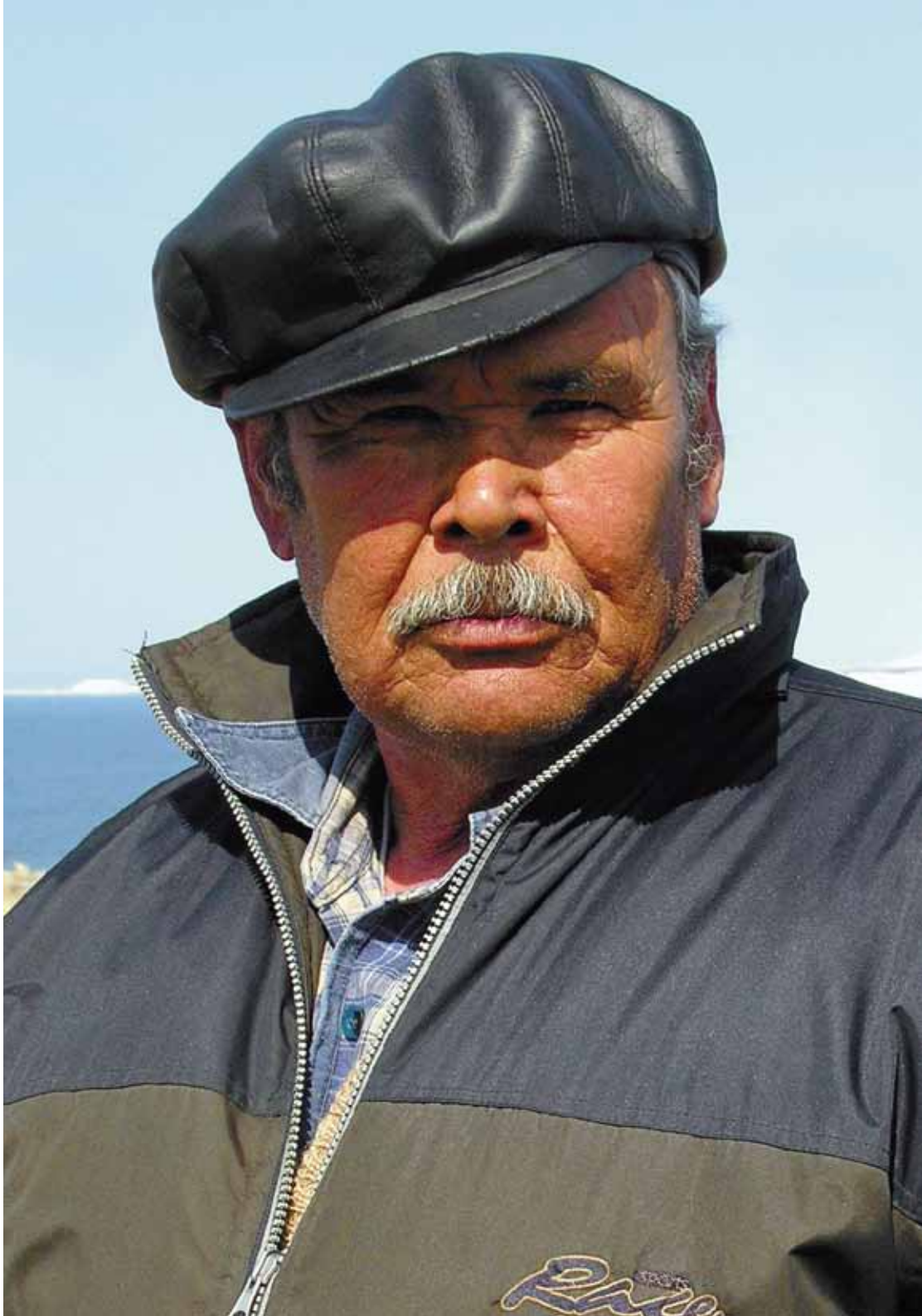
Геннадий Игнатьевич родился в селе Никольском в семья Игната Гаврииловича и Федоры Иосифовны, урожденной Ножиковой (ок. 1922 г. р.). Отец работал в море, и промысловым премудростям мальчика обучали главным образом его «дядья» по материнской линии: дядя Ваня — Иван Иосифович I по прозвищу Комиссар (1917 г. р.) и дядя Дёма — Денис Иосифович (ок. 1922 г. р.). Младший дядька Иван Иосифович II (1936 г. р.) больше подходил на роль старшего брата.

Иван с Денисом б рали племянника с собой «на ухожа». За Иваном был закреплен участок на Старой Гавани, за Денисом — по соседству на Буяне. В середине прошлого века все алеуты старались вывезли мальчишек на лето из села. Но делали это не для того, чтобы дети загорели и отдохнули, а чтобы день за днем, шаг за шагом учились жить «в острове», наблюдать за поведением животных, перенимать навыки взрослых. Из ребят растили молодых промысловиков, и самым большим пороком считалась леность и праздность. Работы хватало всегда: наносить из речки воды, заготовить дрова. За чистой питьевой водой следовало подняться вверх по течению или пройти к роднику — в устье вода солоноватая. Собрать дрова тоже не так-то просто. Летом в

островных избушках печи топили главным образом выбросным плавником, а его было мало, намного меньше, чем сегодня. Не потому, что море не выбрасывало, просто в семьдесят лет назад избушки стояли вдоль всего побережья: на Западном, Северо-Западном, Водяной, Северном, Саранном, Вакселя, Тундряной, Старой Гавани, Буяне, Сластной (потом ее оттуда убрали), Половине, в бухте Командор, на Кислой (использовалась редко), Толстом, Перегребной, Шипичинской, Бобровой, Лисинской, Голодной, Перешейке, Дикой, Гладковской, Полуденной, Подутесной, Сухой, Федоскина. Не мудрено, что плавника на всех не хватало. Поэтому когда женщины и дети находили хорошие бревнышки, но не могли их сразу дотащить до избы, их оставляли на лайде и закрепляли в виде шалашика. В часто посещаемых местах, к примеру, неподалеку от села, старались на шалашике оставить свою метку, и тогда другие сборщики уже знали, что эти полешки принадлежат другой семье. Чужое никогда не трогали.

Когда ребята подрастали, их начинали понемногу брать в помощники на морскую рыбалку. Четырехвесельные парусные шлюпки были почти на каждом ухоже. До начала хода горбуши ловили белорыбицу, главным образом треску, нередко попадался и терпуг. Затем рыбу пластовали и сушили на вешалах. Получившуюся юколу заготавливали на подкормку песцам. Так детские воспоминания Геннадия запечатлели последние годы существования островного звероводства. В 1950 г. на окраине с. Никольского начались подготовительные работы по строительству зверофермы по клеточному разведению песца. В следующем году были отловлены и помещены в вольеры первые дикие животные, а еще через несколько лет беринговское отделение Командорского зверосовхоза полностью отказалось от прежнего способа ведения промысла. Старая система хозяйствования сохранялась только на о. Медном.

Достигнув совершеннолетия, Геннадий, как и другие его сверстники, устроился работать в зверосовхоз. Заготавливал рыбу, принимал участие в котиковом промысле. Работа была хорошо знакома с детства — в те годы мальчишки сами просились на промысел, шли помогать старшим. Поначалу им доверяли только сторожить зверя и таскать шкуры, потом — потрошить и развешивать распластанное для сушки мясо. Юноши беловали (подрезали и отделяли от мяса) шкуры, более расторопных ставили на доколку и раскройку. Другое

• Бадаев Геннадий Игнатьевич. 2006 г.

покоса. Вчера они накосили пожелтевшую траву, а сегодня уже собрали ее в стога. Трава почти засохла на корню, а время не ждет. Еще несколько ярких дней, а потом дожди, туманы и шторма. Заготовка рыбы для песцов и собак кончилась. Сено у нас тоже есть в 5 стогах, и я начинаю заниматься съемкой берегов. Вчера с бусолью прошел по берегу и четыре версты нанес сегодня на карту. На днях беру несколько алеутов, 3 нарты собачьих и двигаюсь со съемкой вокруг острова. На месяц, может быть и больше. Острова нанесены на карту, но очень приблизительно, и моя круговая съемка будет первой [Фрейберг ошибается: первую «круговую» съемку делал в 1882 г. Л. Стейнегер. Полученная карта, хотя и имеет существенные неточности, сопоставима с современной. Позже корректировки вносили другие исследователи, последним из которых был посетивший острова за год до приезда Фрейберга В.К. Арсеньев].

Опять я предлагал своей алеутке переселиться к тетке, но она чего-то боится и не уходит. Я не понимаю ее, я с ней плохо обращаюсь, но что-то ее удерживает. Я часто вспоминаю Н. и ради нее мне и хочется скорее разделаться с подневольной своей женой-дикаркой. И я твердо верю, что рано или поздно Фатум сам поможет мне, сам все устроит. Но когда же?

Над светлыми дюнами в синеве неба ярко блестит серебряная чайка, лениво она машет большими крыльями и с высоты зорко смотрит на меня. Длинная океанская волна с шумом накатывается на пологий песчаный берег и с журчанием бежит обратно навстречу новой волне. У линии больших приливов много двустворчатых раковин, а на мокром песке гирляндами свертывается морская капуста, громко трещат под ногой морские огурцы, и при каждом шаге выскакивают невидимые до этого маленькие бесцветные рачки. Часто волны выбрасывают на песок больших студенистых медуз, и они лежат под лучами солнца как куски прозрачного льда, как вывернутое из формы желе.

Против моего дома в море впадает река. В часы отливов вода бежит из нее и на баре сталкивается с волнами, и в воздухе все время стоит шум, к ночи переходящий в рокот, гул. Море шумит... каждый день, каждую ночь...

28 октября

Сегодня кончился мой алеутский роман... Я сам кончил его. Но мне больно, тяжело и тоскливо. Она ушла только что, и я все жду, что она вернется. Ушла злая, гордая... Днем я, рассерженный ее тоном, велел взять свои вещи и идти к тетке. Довольно! мне надоели ее резкости, надоели слова возмущения, которые она произносит по-алеутски. Пусть уходит...

Перед вечером я пошел с ружьем по берегу. Был отлив, и широкая песчаная полоса манила меня все дальше и дальше от селения. Солнце село и расцветило облака в багровые краски. После штормов и сильного ветра море сегодня спокойное, серебряное. Я шел и напевал какие-то старинные грустные мелодии. Мое решение бесповоротно. Анни уйдет, и я останусь один. Лучше опять одиночество, чем недовольство и неприятности. Но мне кажется, что и я не совсем прав. Действительно, я придирался к каждому ее

дело — забой, до него допускали только самых ловких и опытных промысловиков. Геннадию доверили этот процесс на пятом году бригадирства. Так продолжалось до 1971 г., пока Игнатьич не уехал с острова. Вернувшись в 1974 г., он застал уже «совсем другой» промысел, и больше котиками не занимался.

Пока был молодым, Геннадий любил рыбачить и охотиться на птиц. Наземного транспорта не было — один тракторишко, и тот всегда был задействован на промысловых работах. Собачьи упряжки разрешалось использовать только в зимнее время, так что по острову приходилось ходить исключительно пешком. На каждый выход следовало брать разрешение от погранзаставы. Но далеко уходили редко, да и зачем? В окрестностях села было предостаточно и куропаток, и уток.

В 1940-х – 1950-х гг. порох на островах был в дефиците. Выручал отец Геннадия. Каждое лето к командорским берегам подходила китобойная флотилия, на которой Игнат Гавриилович работал радистом. Гарпунный порох был в достатке, и отец привозил столько, сколько требовалось охотникам. Порох был расфасован по пачкам —

• Бадаев Геннадий Игнатьевич и Михаил Миххайлович 1957.
Из сем. арх. Бадаевой Н.И.

приблизительно по полкило каждая. Прежде чем отвешивать, его нужно было растолочь, и мальчишки брали кто палки, кто ложки и толкли, толкли… Запасы гарпунного пороха подошли к концу лишь в середине 1970-х гг.

Геннадий Игнатьевич знал и умел все, что было положено знать и уметь командорскому алеуту-промысловику. Но больше всего его манила не охота и не красоты природы, а рыбалка. Он не просто отлично владел всеми орудиями традиционного и европейского лова, но и знал, где какая рыба водится. О любимом деле он всегда рассказывал с упоением: как функционировал саранновский запор, как сплести морской поводок, как поддеть на алеутский крючок жирного зимнего гольца. Он даже знал, где в окрестностях Никольского можно поймать сельдь.

Все знают, что в речку Гаванку заходит нерка, голец и камбала. Некоторые ловили навагу: осенью рыба поднимается в озеро, а в марте-апреле скатывается в устье — не слишком много, но любителям хватало. В сентябре заходила некрупная корюшка, ее ловили чиручами на Запорке. Но мало кто знает, что в 1960–1980-х гг. ближе к осени подходила селедка. Ее черпали неводами вместе с горбушей. Более шустрые рыбки успевали увернуться от сетей и неугомонных чаек и зайти в Кривун (сейчас от этого русла осталась только старица, известная как озеро Тинное). О селедке рассказал племяннику Иван-Комиссар: «Сходи-ка ты на протоку, там идет селедка». Откуда знаешь? — говорушки охайничают, уж очень они ее любят, больше, чем любую другую рыбу.

Однажды маленький Гена ехал с дядей Ваней на собачьей упряжке мимо Китового озера, и старый алеут открыл еще один секрет — где поймать жирную пятнистую камчатскую семгу (возможно, микижу). Мясо у этой рыбы нежное, с оранжевым оттенком. Этот секрет знали на острове всего несколько человек.

Последние годы у Игнатьича сильно болели ноги, было тяжело ходить. Но даже это не заставило отказаться от любимого занятия. Зимой его можно было встретить с удочкой на Ивановских ручьях, летом — на речке Каменке. Никогда не жаловался и никогда не сидел без дела. Таким был последний командорский носитель фамилии Бадаевых по линии Игнатия Федоровича. И хотя Игнатий был женат на русской женщине, приехавшей работать агрономом, их дочь предпочла островам Камчатку.

поступку, и бедная девочка никак мне не могла угодить. Может она все-таки побоится уйти? И будет послушной? Я иду домой...

В сумерках я сижу у стола на диване и играю на флейте. Мотивы грустные и молитвенные. Она пришла и была какая-то нерешительная.

– Ты сказал, чтобы я взяла вещи и ушла к тетке? Я это сделала.

– Да, если ты хочешь, то уходи. Я не сержусь на тебя, но я хочу, чтобы тебе было лучше.

– Если бы ты не сказал, я бы не ушла; но я останусь, а ты скажешь, что выгонял меня, а я все не ухожу.

– Как хочешь, милая девочка, делай, как знаешь.

– Так уйти мне, – спрашивает она.

– Я не знаю, – отвечаю я. И она тихо уходит из комнаты. В ее маленькой фигурке столько нерешительности, что я считаю, что она останется и смирится.

Вечером я иду к Добролюбову, нашему радиотелеграфисту, у него сегодня за ужином местное алеутское блюдо – суп из больших двустворчатых раковин. Мамаями их здесь зовут [*Mactromeris polynyma*]. Когда вечером я прихожу домой, Анни на кухне.

– Чай есть? – спрашиваю. – Дай, пожалуйста. Она приносит кружку чая и уходит. Я смотрю на нее и улыбаюсь, я победил, сейчас уже поздно идти к тетке. И вдруг она приходит и останавливается в дверях.

– Я ухожу к тетке, – спокойно говорит она.

Я велю ей закрыть дверь и говорю: – Ты все-таки решила уйти, тогда, как хочешь, иди. Но помни, что это навсегда.

– А завтра прийти тебе готовить? – спрашивает она.

– Конечно, нет, – резко отвечаю я.

Маленькая гордая женщина поворачивается и уходит. И я слышу, как на кухне она собирает свои вещи. Мне делается больно... больно до слез. И я не знаю, почему. Полюбил ли я хоть немного маленькую дикарку, которая за все время не сказала ни одного ласкового слова и которую я ругал. Не знаю, но мне тяжело и тоскливо...

Опять в комнатах пустынных звенит тишина. Опять я один, и опять нет никому до меня дела... О, тоска и печаль....

И далекий туманный образ Н. не может мне помочь. Я один, один и один...

В ящике стола у меня лежит черный блестящий пистолет. Не смешно ли, что несколько раз я о нем сегодня вспоминаю вечером. Нервы и спирт... И то и другое придется забыть. К черту!...

29 октября

Я долго читал вчера лежа в постели и поздно заснул. Ночью проснулся от сильного ветра... Черная тьма глядела на меня широко раскрытыми глазами, не видно было даже окон. Я зажег спичку и посмотрел на часы. Половина шестого. В комнатах с тьмой сплелась тишина, и в тишине мне почудилась вечность... Когда я вставал, в окна глядело серое дождливое утро. В кухне порядок и чистота, но камбуз не затоплен, и никого нет.

– Вы все-таки хотите ехать в тундру? – спрашивает меня Шванов.

– Да, конечно, поедем, не боитесь же вы промокнуть.

– Нарты уже за мостом, – говорит через несколько времени мой помощник. Я выхожу и встречаю Анни. Маленькая изящная фигурка, закутанная в большую шаль, и печально строгие черные глаза.

– Зайди, пожалуйста, ко мне, – говорю я ей. – Так ты серьезно уходишь, может быть останешься? – Молчание. – Пойми, что мне скучно без тебя, оставайся.

В моем голосе не слышится просьбы, я только предлагаю.

– Нет, я не останусь, – твердо говорит она

Гнев охватывает меня, и я поворачиваюсь и ухожу. О, дьявольщина, злая ведьма, и я мысленно ругаюсь. Но через минуту, выходя из дома, я говорю ей: – Если тебе неприятно, я не буду тебя ругать, ну, что тебе сказать, чтобы ты осталась?

– Зачем ты вчера выгонял меня, велел взять вещи, – сердито говорит она. – Я не останусь.

– Подумай, Анни, – говорю я и ухожу, так как собаки уже давно ждут за мостом.

Тундра празднует конец осени. Желтые ее травы побелели от дождя и туманов, и серебряными нитями тянутся залитые водой колеи собачьей дороги. Нарта легко скользит по влажной почве, ныряет в ухабы, из-под ног собак летят в лицо брызги и слышится чмоканье и частый топот от быстрого бега.

– Уех-я-сава, уех-я-кала! Кака'! Кака, кака! [Команды собачьей упряжке: «направо» и «налево»] – беспрерывно кричит собакам каюр, и собаки послушно поворачивают то в одну, то в другую сторону, минуя глубокие ямы и кочки.

– Кая куча(х), кая куча, кая куча! – гортанной скороговоркой говорит алеут, и собаки настораживаются и прибавляют шаг. Теперь мне грустно.

Из головы не выходит моя дикая девочка. Как пусто и тоскливо стало без нее в квартире. И она ни за что не хотела оставаться. Как только ее тетка по моему же приказу сказала, что она может переехать к ней, она почувствовала себя сильной, и перестала даже считаться с моим желанием. Неужели она не понимает, что достаточно одного моего слова и ей опять придется жить у меня!? По своему же желанию она не вернется. О, черт! Но, возможно, что она все-таки еще останется. Ее ящик утром стоял на кухне. Если, когда я вернусь, он будет там, значит она передумала. А если нет?! О, проклятье!

– Кака', кака', – кричит алеут, и собаки несутся вправо, стороной от дороги по гладкой блестящей от дождя тундре.

– Кара-кулах, кара-кулах, – произносит он, подзадоривая животных. – Уваахх! – кричит он, как кричат песцы, испуганные чем-нибудь.

Странно-гортанные его крики на момент отвлекают меня, но это через момент проходит, и я опять возвращаюсь к своей Анни. Я представляю ее, окруженную алеутскими парнями, и меня охватывает злоба и отчаяние. Что же мне делать? Если бы я знал, что Н. не отвернется от меня, что она такая же, как и раньше, я бы примирился со всем. Но как это все далеко и гадательно. И долгая и суровая зима впереди, и я один.

Бадаев Михей Федорович (ок. 1843–1917).

Средним сыном от первой жены тверского крестьянина Федора был Михей. Большую часть жизни Михей провел на о. Медном, там же жили его сын, внуки и правнуки. Женой Михея была некая Евдокия. Вероятно, именно о ней писал в 1912 г. Е.К. Суворов: «старуха Бадаева, привезенная в 1847 г. (с о. Ситка), живет на Медном до сих пор», поскольку в то, что ее свекровь Наталья дожила до столь преклонных лет верится с трудом. Также с высокой степенью уверенности можно утверждать, что именно эта женщина запечатлена на снимке Стейнегера (или Гребницкого) предположительно 1895 г. На обороте фотографии рукой Гребницкого сделана надпись: «Старуха Бадаева и ея сын и внучки». Рядом с Евдокией сидят сын Илларион Михеевич и внучки Евлампия и Лукия — возраста всех участников соответствуют времени второго приезда Стейнегера.

Довольно странную информацию о семье опубликовал в 1885 г. Бенедикт Дыбовский: «На острове Медном каждый работает для себя, прилагая все усилия, часто в ущерб здоровью своих детей, только бы добыть как можно больше шкур и заработать как можно больше денег. (Возьмём, к примеру, семью Бадаевых: мужу 35 лет, жене 37 лет, трое детей в возрасте от 10 до 13 лет, все болезненного телосложения — вместе сдали 862 шкуры). В лихорадочной погоне за небольшим увеличением заработка надрывают силы, которых потом не вернуть. (Например, вся семья Бадаевых, здесь упомянутая, покоится уже в могиле*)*». Судя по указанным возрастам детей (замечание относится к 1879 г.) речь идет именно о семье Михея, а не его младшего брата Венедикта, который, действительно, рано ушел из жизни. Так почему же Дыбовский так рано всех их «похоронил»? — вероятнее всего, до доктора дошла искаженная информация, и он, как человек склонный драматизировать события, преподнес мнимую трагедию как свершившийся факт. На самом деле семья здравствовала и в 1890-х гг.: Евдокия воспитывала Александра, Игнатия и Евдокию-младшую, а старший сын Илларион (1866–1910) растил собственных детей. Михей умер в возрасте 74 лет, несмотря на «болезненное», по мнению Дыбовского, телосложение. Но в чем был прав польский исследователь, так это в том, что медновчане трудились на износ, и среди детей, помогавших на промысле, была высокая смертность. Кроме Иллариона до совершеннолетия не дожил ни один.

Михей всю жизнь занимался промыслом, а потому великолепно знал остров и его обитателей. На своем долгом веку он повидал все: закат правления РАК, годы анархии, грамотно разработанные новым управляющим правила добычи зверя, пик промысла котиков и хищническое разграбление лежбищ иностранцами. Катастрофическое падение численности морзверя привело к резкому сокращению промысла, что в свою очередь отразилось на состоянии популяции песца. Вслед за годами изобилия настали голод и мор. Незадолго до смерти 73-летний старик вздыхал: «Раньше песцы были здоровые, крупные... Какие это теперь песцы?... Голодные! Раньше на лежбищах, где им было вдоволь котоваго мяса, бывали крупные песцы, еле передвигавшие ноги от жира». Слушая красочные рассказы старожила, Александр Черский все отчетливее сознавал, что единственный выход из создавшейся критической ситуации — внедрить опыт пушного промысла островов Прибылова, систему, которую позже назовут островным звероводством.

• Илларион Михеевич, мать Евдокия и дети Евлампия и Лукия Бадаевы

Все-таки, хотя между нами нет никакого чувства, но она самый близкий мне человек здесь на островах, а может быть даже считая и Владивосток.

Когда я возвращаюсь домой, в квартире холодно и неуютно. Ящика на кухне нет. С алеутом я приношу из сарая мешок с углем. Мимо дома проходит маленькая моя приятельница, похожая на японку, двоюродная сестра моей Анни. Я зову ее к себе и пока разжигаю печку, жалуюсь на судьбу, на Анни, на себя. Маленькая женщина обещает помочь мне. Но ее ждут дома, и она убегает. И скоро после нее приходит Анни. Тихая, печальная, но решительная. Совсем другим тоном, чем вчера и утром я говорю с ней. Я прошу ее остаться, вернуться и обещаю никогда больше не гнать. По ее тону я вижу, что ее прислала тетка, что она пришла против своей воли.

– Ты победила, Анни, ты видишь, я теперь только прошу тебя... Неужели тебе этого мало? – И я целую ее руку... Она молчит, но я чувствую, что вместе со злостью на меня у нее исчезла ее гордая воля... Она опять безвольная, послушное дитя своего племени.

3 ноября

Тундра в огне... Багровое пламя стоит красной стеной... Нет, то сквозь туман серого утра солнце бросило снопы своих лучей и далеко в тундре зажгло огнем осенне-печальную гору... Я иду по тундре один... Бледными контурами чуть намечаются в тумане озера и на них черные точки – утки. Опять мне тоскливо... Моя островитянка, как порох, загорается гневом от малейшего моего замечания. Вчера я сказал ей, что теперь она будет просить меня не сердиться. В ответ я услышал негодующую алеутскую речь:

– Как бы не так! Подождешь! Ты первый всегда говоришь, чтобы я не сердилась.

– О, проклятая злая девчонка, – почти кричу я и больше ее не слушаю...

Сегодня я встал, когда только начало светлеть утро, и ушел. И сейчас я в тундре, но твердый... В тумане вдруг встает передо мной полоса темно-зеленого леса. Стройные ели, пихты и кедры Из чащи я слышу пронзительный серебряный свист рябчика... О, туманы, о, тундра! Как зло вы шутите со мной. Я вспоминаю невольно тайгу на Байкале, своих остроухих собак, чувствую, что вот сейчас мои таежные друзья идут по тайге и прислушиваются, где залают собаки на белку. И из груди моей вырывается крик боли: «Ах, зачем я не там?! О, черт!...»

Солнце бледным пятном светит через туман, в воздухе несется мелкая водяная пыль, а над головой у меня клочки нежного голубого неба. Дорога поднимается в гору и светит двумя лентами желтой травы на фоне темной мшистой тундры.

– Туллгок, – вдруг говорю я и улыбаюсь. Мимо пролетела птичка, белая с черным. Туллгок – это ее название по-якутски... На берегу прозрачной Майи в тунгусском селении я наблюдал, как весной их ловили маленькие тунгусы... Тундра, тундра без конца... редкие невысокие горы я переваливаю, и тогда плотной завесой меня окутывает туман. Кругом никаких признаков жизни... Но вот издали откуда-то из тумана слышится ропот моря. Скоро теперь тундра кончится, и я выйду на берег моря в Северное. Я иду по мягкой влажной почве и тщетно стараюсь пронизать взором туманы и увидеть море.

О. Медный Восточный берег. Фото Владимира Астафурова

Бадаев Илларион Михеевич (1866–1910).

Сын Михея Федоровича Илларион был патриотом родного острова. В годы войны 1904–1905 гг. Вместе со своими двоюродными братьями и остальными мужчинами села Ларион защищал о. Медный от набегов японских «хищников». За проявленный героизм ему была пожалована медаль «За Храбрость» на Георгиевской ленте.

Ларион считался одним из лучших промысловиков, но по трагическому стечению обстоятельств погиб в возрасте 44 лет: «Книга была уже готова к печати, — писал Е.К. Суворов, — когда я узнал о гибели двух медновцев, между прочим, моего постояннаго спутника и лучшаго местнаго моряка, Ил. Бадаева. Его лодка, впрочем, опрокинулась в тихую погоду…».

Илларион был дважды женат: сперва на вдове Мавре Игнатьевне Ламберт (ок. 1856–1896), а с 1898 г. — на Вере Сергеевне Сушковой (1882 г. р.). В общей сложности от обоих браков родилось не менее 12 детей, до совершеннолетия дожили только Евлампия (1885–1928), Лукия (1887–1953), Илларион (ок. 1900 г. р.), Михаил (1902–1950) и Анна (1908 г. р.).

Евлампия Илларионовна замуж никогда официально не выходила. Сложно сказать, что именно послужило тому причиной. Возможно, женщина просто хотела сохранить независимость. Но семья у нее была большая, она стала матерью: Марии Степановны (ок. 1909 г. р.), Степана Терентьевича (1913 г. р.), Сергея (1916 г. р., умер в млад.), Емельяна (ок. 1919–1949), Юлии (ок. 1921 г. р.) и Татьяны (1924 г. р.). В посемейном списке 1925 г. трое младших детей записаны как Илларионовичи, но отчество Татьяны зачеркнуто и исправлено на Емельяновну, поскольку ее отцом и гражданским мужем Евлампии был Емельян Сергеевич Сушков (ок. 1891 г. р.). Отчество Емельяна было изменено таким же образом.

Лукия (Лукерья) Илларионовна, напротив, выходила замуж несколько раз: за Сергея Никаноровича Степнова (ок. 1878–1915), затем в 1916 г. — за Александра Семеновича Аксенова (1886 г. р.), и, наконец, за Елисея Егоровича Корсаковского (1875–1938). Последний брак официально зарегистрирован не был.

В 1930-х гг. Лукерья и Елисей воспитывали внуков Юлию (1924 г. р.), Марию (1926–1976) и Иллариона (1927–1944) Степновых. Еще до брака, в октябре 1906 г., Лукерья родила дочь Анну (вероятно,

девочка умерла в младенчестве), а двумя годами ранее, в декабре 1904 г., на свет появился Степан (метрики не сохранились). Степан Сергеевич и был отцом этих детей. Имя матери — Анастасия Константиновна Григорьева, в замужестве Степнова (1906 г. р.).

Мария Степановна выросла и познакомилась с молодым пограничником Петром Никитовичем Буланниковым. Таким образом, бабушка Лукерья нянчила мать Анны, Евгения, Таисии и Сергея Буланниковых.

Илларион Илларионович женился на Ларисе Никаноровне (ок. 1906 г. р.). После 1925 г. семья переехала жить в Усть-Камчатск. Семья была большая. Говорят, однажды у них случился сильный пожар, настолько сильный, что пришлось ночевать в лесу.

Михаил Илларионович женился на Марии Аркадьевне, эту супружескую пару до сих пор хорошо помнят на острове. А Анна Илларионовна стала героиней целого мини-романа, но об этом речь пойдет отдельно.

Бадаевы Михаил Илларионович (1902–1950) и Мария Аркадьевна (1912–1983).

Михаил Илларионович рос медновским промысловиком, а его избранница, Мария Аркадьевна Григорьева была юной красавицей и комсомолкой о. Беринга. Ее мама, Екатерина Никаноровна (1894–1920), скончалась во время очередных родов. И старшую девочку взяла на воспитание семья родного брата Катерины — первого председателя райисполкома Ивана Никаноровича Григорьева (ок. 1885–1955). На правах старшего брата Иван опекал сестру и раньше, до того, как в 1918 г. она стала женой Ивана Ермолаевича Ножикова (ок. 1889–1956). Но воспитанием детей всегда занималась бабушка – мама Ивана и Катерины, Екатерина Петровна Григорьева (ок. 1857 – 1932), или, как ее называли в селе, бабушка Каркачиха. Эта бабушка растила не только родных внуков, ее двери были открыты для всех. В какой-то момент она даже переехала от сына в отдельную квартиру, чтобы не стеснять, и полностью посвятила себя детишкам. Стирала, кормила, одевала и учила всему, что сама знала и умела. А Иван Никанорович помогал им всем, чем мог. Воспитанники бабушки Каркачихи выросли опрятными, трудолюбивыми и неизбалованными, в том числе красавица Мария.

«Азиах анг’инанах, Астралиах к’ичинанах, а лучше алеуточки нигде я не укунана (в Азии побывал, Австралию объехал кругом, а

• Бадаева Мария Аркадьевна

• Бадаев Михаил Илларион. Из сем. арх. Бадаевой Н.И.

• Бадаевы Михаил и Раиса (Лисун). 1964. Из сем. арх. Бадаевой Н.И.

– О, черт подери! Когда же кончится тундра? – в отчаянии восклицаю я через полчаса.

Море шумит совсем близко, но до края туманов тянется ровная мшистая гладь тундры.

– Или туманы меня «затуманили» и я никогда не выйду на берег, – проносится у меня в голове. И неожиданно, точно в ответ на мои мысли в молочно-белом тумане обрисовываются контуры дома.

– А, наконец-то. – Я подхожу к дому, и мне кажется странным, что никого не видно. Но через момент я слышу шум у дверей и вхожу. Мой промысловый надсмотрщик и его жена дома.

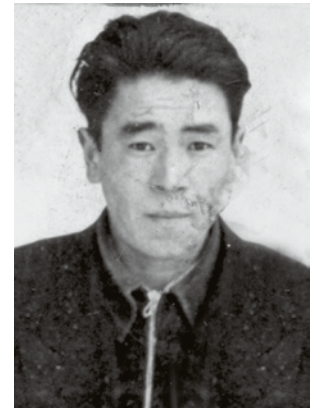
14 ноября

Дома. Третьего дня выпал снег. Серебряной блестящей ризой покрылись берега реки и горы за селением. Еще грознее зашумело свинцовое море, и только на его берегах темная бесснежная полоса от приливов. Сегодня утром случайно я нашел послание. «Мой милей Анни» и т. д. Неизвестный алеут пишет моей дикарке. В дикой злобе я швырнул бедную мою невольницу и осыпал бранью и ее и ее возлюбленного. С ее уст сорвалось гневное: «Иннунана!». Она не оправдывалась, ее гордость не позволяла что-нибудь сказать в свою защиту. Она бросилась на кровать и молчала. А я проклинал всех ее одноплеменников. Только потом я решил, что я не прав. Если бы я хотел сделать ее своей женой, тогда бы так. Но все мои мысли далеко отсюда. Я только и мечтаю о маленькой нежной принцессе. Ее телеграммы, за которые я благословляю радио, приносят мне радость и силы для борьбы. Все гнусные интриги, которыми пропитался наш командорский воздух, разбиваются, как о стену, тем настроением, которое навевается на меня весточками с края света, с четырьмя буквами на конце. И я благодарен, бесконечно благодарен маленькой нежной девочке, дающей мне издали потоки бодрых мыслей и сил! Как воздух соснового бора живительно я вдыхаю всеми своими нервами далекие дорогие мысли и пожелания... И мелкими мне кажутся трагедии на островах среди морей, и ненужными представляются люди... «Все жертвы мира во имя ея», – говорит Иг. Северянин. «Все жертвы мира – во имя любви далекой, неясной», – говорю я. Моя алеутка может спокойно спать. Я ее не трону и не выгоню.

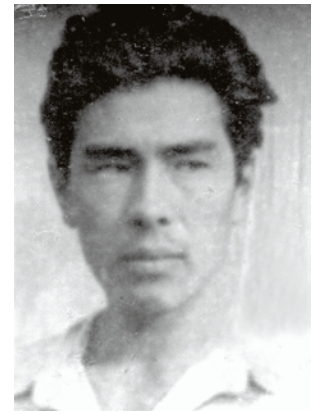
«Помни всегда», – стоит в конце одной телеграммы. Эти слова, неверные в корне, сладким ядом входят в мою душу и дают начало старым, забытым уже мелодиям и гимнам. Пусть это неверно, пусть! Я приветствую мысль, создавшую эти слова, приветствую и благословляю. Ибо мысль бессмертна!

8 января 1925 года

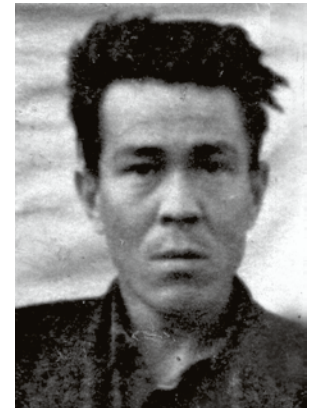
Дома. Пурга... Третьего дня был блестящий солнечный день, но перед вечером с норда надвинулись тяжелые серые тучи, и при сильном ветре пошел снег. Началась метель. Тщетно с тремя алеутами мы караулили в ловушке на реке Ладыгинской песцов, ничего не было видно, и только снег белой стеной несся над холмами мимо нас. А сегодня все еще продолжается метель. По морю бегут гневные седые волны, и небо серое, туманное. И снег, снег без конца.

• Бадаев Юрий Михайлович

• Бадаев Никанор Михайлович

• Бадаев Вячеслав Михайлович

лучше алеуточки нигде не нашел)», —приходит на ум любимая напевка Павла Федоровича Волокитина.

Про одну из самых известных алеутских песен «Йагнанасим асхину» рассказывают разное. Эта песня о сватанье, выданье младшей любимой дочери замуж. Первый куплет идет от лица родителей, другой — слова молодой женщины, был еще и третий, ныне утраченный, его пел влюбленный юноша. Смысл (не перевод) песни в следующем: родители выдают любимую доченьку и желают ей благополучия и достатка. Но девушка не хочет идти за жениха, которого избрали родители, она любит другого. Тот другой живет на соседнем острове. Забытый куплет рассказывал о том, как юноша впервые увидел девушку в церкви, она стояла и молилась, а голова ее была прикрыта белой шалью.

Мария Аркадьевна рассказывала, что эту песню пели разлученные влюбленные, когда находились вдали друг от друга, на разных островах. Юноша поднимался на самую высокую гору, и ветер подхватывал преисполненные чувств слова. Он так сильно любил и тосковал, что мелодия долетала до сердца любимой. А в это время ее сватали за другого. Говорят, юноша жил на о. Медном и поднимался на Преображенскую сопку, а девушка жила в селе Никольском…

Юная Верочка Ладыгина однажды спросила своего дядю: «А правда, что это ты Марии песню сочинил? Ведь это ты поднимался на Преображенку?» Тот в ответ только улыбнулся, Михаил Илларионович был стеснительный и немногословный: «Ну

хватит, мамка», — он называл Верочку «мамкой», потому что девочку назвали в честь его мамы, Веры Сергеевны (Сушковой). По семейной легенде, Марию Аркадьевну, действительно, сватали за другого, да и Михаилу сулили другую невесту. Но любовь оказалась превыше обстоятельств.

Михаил Игнатьевич был промысловиком. Перевозил шкуры и котиковое мясо на кавасаки, промышлял песцов. Его ухож находился на Саранном. Семья жила на озере почти круглый год. В школьное время дети учились в селе, а свободное проводили вместе с родителями. Неподалеку от селища стояла кормушка-ловушка с сетным двориком. Перед началом песцового промысла Михаил, как и положено, подкармливал животных, чтобы те не боялись запаха человека и свободно заходили на территорию ловушки. Мария знала работу не хуже и во всем помогала мужу. Однажды закончились продукты, и Михаил отправился в село. В тот вечер пурга разбушевалась не на шутку, и он остался ночевать в Никольском. Видя такое дело, Мария накидала побольше корма — ведь сетные дворики иной раз сильно забивало снегом — и спокойно легла спать. На утро расчистила проходы и поставила отметку в промысловом журнале: все нормально, песцы накормлены, погода испортилась, утром убедилась, что песцы «съели кормушку-ловушку». Зоотехник стал проверять записи и смеется: «Мария, песцы съели корм, как они могли съесть кормушку-ловушку?». Она не обиделась, самой стало смешно.

• Бадаева Мария Аркадьевна. Из сем. арх. Бадаевой Н.И.

Около моего дома высокие снежные надувы. А окна залеплены снегом до самого верху. Алеуты приходили сегодня ко мне поздравлять с праздником. Сегодня второй день Рождества по старому стилю. И один алеут с женой решил славить Христа, но очень скоро забыл про это. Потом он сказал:

– Рыбному управлению пиши... здесь промышляет Яков Пахомов [Пахомов Яков Павлович, ок. 1878 г. р.]. Непременно просит теплову шубову... Как будешь караулить песцов без шубовы? 4 аршина сукна и больше нет...

Потом он попросил у меня рюмку спирта, и после пел, сказал, что очень любит меня... и даже полез целовать у меня руку... О, алеуты!

Вечером одна старая алеутка рассказывала мне:

– У него совсем нет легких, кровь идет, когда кашляет. Однако, он скоро помрет, – и она показала мне на своего мужа, сидящего тут же. – А у меня, – прибавила она, приятно улыбнувшись, – катар желудок... Можно долго жить, это хорошо. – И я порадовался вместе с ней.

15 января

Селение. Сегодня полгода, как я на островах. Что же я сделал за это время? В конце концов, как и всегда, ничего. В любимое свое охотничье дело и то я ничего не внес нового, ничего не придумал.

Я упрямо провожу промысел песцов и, конечно, добьюсь назначенной мною цифры (850 штук). Но я ни на йоту не изменил существующий на островах порядок охоты, не дал ничего своего. На Медном, правда, мною совершенно прекращена охота на песцов с капканами и ружьями. Там должны действовать ловушки, но еще ничего не известно, что из этого вышло.

Беринг я обошел кругом со съемкой, кроме южной его части. Но разве это ценно? Разве нужна кому-нибудь подробная карта острова? Все это делалось так себе, pour pass la temps [скоротать время]! Это не совсем верно, я, пожалуй, клевещу на себя. Экспедиция вокруг острова имела для меня огромный интерес. С великим наслаждением я любовался каждый день новыми видами, насквозь пронизался солнцем и ветрами, и каждая пройденная верста давала мне радости достижения. У меня просто плохое настроение. Слишком бесцельно проходят у меня дни в селении. И по вечерам мне делается скучно. Кроме одной алеутской семьи (Ладыгиных) [семья Терентия Алексеевича и Юлии Сергеевны Ладыгиных. Мать Анни – родная сестра Юлии Сергеевны] я ни к кому не хожу. У наших же русских я ни у кого не бываю. Они не для меня, и я не для них.

Островитянка моя совсем переменилась. Я все-таки переупрямил ее, и теперь она скучает, когда я уезжаю, и радуется, когда я дома. А я? Я уже начинаю мстить ей за прежние свои часы злобы и тоски. Но пока еще мало. А так с ней, единственной, я делюсь своими некоторыми мыслями, с ней провожу длинные зимние вечера. Дикарка, в которой сквозь лживость последних поколений таится чистота и сила ее первобытных предков. Меня утомляет иногда ее жизнерадостность. Она готова смеяться и радоваться каждому пустяку. И теперь из-за пустяка в ней вдруг вспыхивает злость, дикая, безрассудная.

Она тогда готова меня убить, и алеутские ругательные слова вместе с русскими следуют непрерывным потоком. И черные глаза делаются еще темней, и лицо выражает злобу и обиду. А через несколько минут она уже смеется и ласкается ко мне... Я ее ругаю, отталкиваю, и она обещает не сердиться так, не произносить больше никогда бранных слов.

А я живу короткими весточками с запада, которые передаются по радио, и жду весну, парохода... Так было и так будет...

7 февраля

Дома. Блестящий солнечный день. После трех недель пасмурной снежной погоды небо чуть покрыто тонкой вуалью облаков, и снег стал синим. Из окна я вижу несколько домиков, беспорядочно разбросанных, и пологую гору, начинающуюся сразу за ними. На горе, за селением, две мачты радио и маленькая постройка радиостанции. У домов привязанные к кольям собаки. Двое маленьких алеутов идут по селению и поют. Солнце наполнило и их маленькие души радостью и светом. Из окон столовой виднеется Море, спокойное, с чуть заметной рябью. Белоснежные горы залива служат оправой его синевы. На нем редкие, сверкающие серебром льдинки и темные точки – утки...

Мою островитянку я брошу на островах без сожаления. Она опять укоряла меня, что я не держу своих слов.

– На Медном обещал платить жалование, а до сих пор ничего не заплатил. Обещал дать хоть пять пар сапог, а дал всего три.

Я предложил уплатить ей деньги, но с небольшим вычетом за платье, сапоги и прочее. Она и так слишком дорого мне стоит, особенно ее хозяйство. Продукты идут в огромных количествах, и в то же время мои обеды не отличаются ни изысканностью, ни вкусом. Так же бестолково у меня хозяйничали тунгусы в Якутской области. Если у меня вчера был обильный из 5 – 6 куропаток, то сегодня она приходит и спрашивает: «Что варить? Осталась только соленая рыба». И так во всем. Это очень характерно для всех туземцев. О завтрашнем дне они почти не думают... Вчера я был взбешен, когда услышал опять про деньги. Если она расценивает отношения, то «very well»! Для меня это лучше всего.

17 февраля

Пурга... Туманные массы снега несутся мимо окон, свистит ветер в рамах, и весь дом трясется и гудит под его стремительным напором.

Моя островитянка становится матерью, в августе у нее должен быть ребенок. Почти все время она болеет. Мне жаль ее, когда сильные боли заставляют ее стонать и метаться. Но ее злость, дикая, безрассудная, губит во мне всякое чувство. Ее любовь ко мне какая-то странная. Из-за пустяка она осыпает злыми оскорбительными словами, и лицо ее тогда становится гневным и диким. Сегодня с утра она плохо себя чувствовала, и я уговорил ее лечь. Во время ее болезни я вызывал последнее время ее тетку, алеутку Евлампию, живущую под самой горой против моего дома. Так сделал я и сегодня. Евлампия занялась варкой обеда на кухне, и моя Анни тоже туда ушла.

Как и многие женщины своего поколения, Мария была малограмотной. Писала с ошибками, зато была кладезем народных знаний, особое место среди которых занимал алеутский фольклор.

Рассказ Марии Аркадьевны о старике Березине (в пересказе Веры Терентьевны Тимошенко): *«Жил на о. Беринга старый-престарый дед Березин. Борода у него белая, длинная, красивая — старики в селе были чистыми и ухоженными. На нем темного цвета шитая косоворотка. Старики любили косоворотки с поясом: рубаха, как чигд'ах, (камлейка) но не такая, больше похожа на русскую или украинскую. Сидит он за домом — старый-престарый, больной. Погода стоит хорошая, солнечная. Я, как обычно, бегаю, прыгаю, подошла, поздоровалась. А он сидит и плачет. Я спрашиваю: «Деда, что ты плачешь?» (диалог идет на алеутском). Он отвечает: «Послушай, я тебе сейчас спою». И запел свою печальную песню, обращенную к Всевышнему — о том, как долго он живет, как устал от болезни и как хочет на покой: «Гануа́тукадакук 'уматату́кадакук 'иисак 'иил'алгаках»* (песня была длиннее, но Вере Терентьевне запомнилась только эта фраза).

Мария Аркадьевна знала много песен и прибауток. Выступала на районной сцене и считалась одной из лучших алеутских певуний. Но всплеск интереса к алеутской культуре возник, когда она была уже в преклонных годах. И вновь на сцене после большого перерыва зазвучала «Йагнанасим асхину».

Михаил и Мария воспитали шестерых детей: Вячеслава (1929 г. р.), Юрия (1934 г. р.), Никанора (1937 г. р.), Михаила (1942–2010), Любовь (? 1932 г. р.) и Раису (1946 г. р.). Алексей (1938–1940), Илларион (1939–1940) и Анна (? – 1948) умерли в младенчестве, 14-летний Александр (1930–1944) утонул вместе с Сашей Голодовым (см. Зайковы) 16 февраля 1948 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР мать-героиня была удостоена медали Материнства I степени. В 1951 г. у Марии родился еще один сын — Александр Павлович Бадаев.

Бадаева Анна Илларионовна (1908 г. р.) и Евгений Николаевич Фрейберг (1889–1981).

Анна была младшей дочерью Иллариона Михеевича и Веры Сергеевны Бадаевых. С легкой руки Евгения Фрейберга она вошла в скрижали Командор как «Анни».

В начале 1920-х гг. острова перешли в административное подчинение расположенному во Владивостоке Управлению рыбными

• Бадаев Сергей Павлович. Фото Д. Уткина

С утра я вычерчиваю свою карту острова, и потому даже не обратил внимания, что она вышла. Потом, когда я пришел на кухню, Анни стояла в одних чулках у стола и, видимо, чувствовала себя плохо. Я взял и отвел ее обратно в комнату.

– Сколько раз я говорил тебе, чтобы ты не ходила в чулках, – сказал я. И видя, что мои слова не действуют, прибавил: – В конце концов ты портишь только чулки.

Злобно взглянув на меня, она сняла шерстяные чулки...

– Так ты снимай и черные, они тоже портятся.

Она быстро сбросила еще чулки и босиком двинулась к двери.

– Ты хочешь пойти к своим алеутам и пожаловаться, что начальник жалеет для тебя даже чулок, – сказал я, подходя к двери. – Твоя любимая манера все селение оповещать о наших ссорах. Что же, если ты хочешь, иди жалуйся.

Она ушла. С алеуткой я послал ей чулки, но она упрямится и не надевает их. Я даю себе клятву, что если она простудится и заболеет, то не буду ухаживать за ней. Черт бы ее взял с ее нравом! Не мне кланяться ей, чертова девчонка.

2 марта

Вчера целый день прошел у меня в скитаниях на собаках по тундре и по безлесным снежным горам и ущельям острова. Его северной части...

На желтых своих собаках я выехал вместе с Анной в Северное. Дорогу задуло, и в тундре уже мы заблудились. Потом далеко впереди увидели нарту и к ней поехали. Татах кусается и злится. По свежим следам поехали в горы. Алеут, собирающий на горе корешки папоротника для питья. Дорога в Саранное. Озеро Саранное. Из одной юрты шел дым. Старик алеут, две кошки, щенок и упряжка собак. Старуха с девочкой собирали на лайде репку [в зоне отлива собирали морских ежей *Strongylocentrotus polyacanthus*] и подошли позже. Чай. И после него заметной дорогой поехали дальше в Северное. И опять заблудились. Перед вечером увидели нарту, идущую с берега моря и тут же увидели дорогу в Северное.

3 марта

Из селения приехало трое алеутов расчищать питомник [песцовый питомник, представлявший собой небольшой сетный дворик, был организован по указанию Фрейберга в конце 1924 г. В 1926 г. на его базе открывался «Опытный питомник имени А.И.Черского», функционировавший, предположительно, до конца 1930-х гг.]. Вечер был, но следы были заметны, и мы спокойно добрались до дома.

4 марта

Я что-то делал в маленькой мастерской на радиостанции, как вдруг залаяли собаки в селении. Три лыжника с палками шли по селению, из домов навстречу им выбегали люди и смотрели. А они шли себе все дальше, не обращая ни на что внимания. А дальше в тундре виднелись еще черные разбросанные точки. Алеуты поспешно, торопясь, запрягали собак и мчались навстречу идущим. Вернулись наши с Медного, и с ними еще две шлюпки с медновцами. Постепенно подходили и шли по селению люди на лыжах и расходились по домам. А нарты мчались все дальше за отставшими и оставшимися в

Старой Гавани [переход (перегреб) делали с о. Медного до мыса Толстого, затем шли вдоль берега до бухты Старая Гавань и пересекали остров по суше].

Высокий, весь в снегу, с котомкой за плечами к моему дому подошел Гребзде [моторист катера «Сивуч» Индрик Михайлович Гребзде], моторист с катера. В нашу жизнь, замкнутую, без перемен, ворвались чужие, и с ними начались хождения по гостям, чествования чужеземцев с шатанием пьяных по селению, по улицам, занесенным снегом...

17 марта

С. Северное. Среди тундры, недалеко от моря маленький домик. Две комнатки и крохотная кухня с американским камбузом. На берегу моря строение кормушки песцовой, немного в стороне сарай для засолки котиковых шкур. Против домика дальше в тундре сетчатый дворик-питомник, где живут четыре песца, привезенных с острова Медного, и в другой стороне – дом котикового караула, уже пришедший в негодность, и около него земляная алеутская юрта. Это селение Северное.

Уже неделю я живу в маленьком домике, со мной моя островитянка, и больше никого. Сторож-алеут, которого я взял с собой из селения, отбыл здесь свою неделю, и сегодня я отпустил его домой. До селения отсюда около 20 верст тундры и через горы. На собаках 2 – 3 часа езды. Все эти дни дуют сильные ветра, идет снег, то мокрый с дождем, то холодный сухой, и один день только был солнечный тихий. Я далеко бегал на лыжах по тундре, нашел нору с песцом. Потом вышел на берег моря и там лежал на камнях рифа, омываемых бурунами.

Зачем я сюда приехал? А мне хотелось...

О, чертова пурга! Ветер с такой силой дует по тундре и ударяет в дом, что он трясется, и у меня такое же ощущение, как будто я на корабле в море во время шторма. Сейчас налетел шквал. В окна стучит снежная крупа, в камбузе и печке ветер гудит и ревет мощно и грозно, и безостановочно стучит разбитое окно. Печки топятся с утра, и все же холодно и неуютно. О, дьявольщина!

Мне хотелось выяснить, наконец, сможем ли мы на наших островах хозяйничать так же, как американцы на своих. Все песцы у них на учете, и острова исключительно обслуживаются кормушками. А в этом году на Беринге как раз две кормушки и дали недобор. В первую ночь песцы шли хорошо, а потом вдруг перестали ловиться. Я глубоко верю, что кормушками можно ловить лишь таких зверей, которые вовсе не боятся человека. У американцев маленькие острова, песцы там совсем одомашненные, а на Беринге как раз наоборот. Разъезды промышленников на собаках круглый год по острову, конечно, пугают зверей, да и условия кормежки иные. И вот вопрос, влияет ли присутствие людей в кормушке на самый лов? Чует ли песец человека, находящегося в домике, в связи с разными ветрами и положением лайды? Вот это-то я и хочу выяснить. А потому вожусь и наблюдаю за песцами в кормушке. Удастся ли получить от них приплод при верном подходе к этому, это второе. А третье, мне просто захотелось пожить одному, отдохнуть слегка от людей. И здесь я сделал ошибку, что взял черноволосую девочку. Она

и морскими звериными промыслами. Весной 1924 г. Дальрыбохота назначила начальником Командорских промыслов (начкомпромом) Евгения Николаевича Фрейберга. Имея в то же время возможность поехать от Академии Наук в командировку для обследования фауны оз. Байкал, Фрейберг, ни минуты не сомневаясь, принял назначение. Он свято верил, что сможет принести значительную пользу «в деле поднятия производительности островов и изучения промысловой обстановки» лишь в том случае, если будет принимать участие в промысле наравне с рядовыми промышленниками.

15 июня 1924 г. пароход «Эривань» вышел из Владивостока и утром 14 июля подошел к о. Беринга. Выгрузку вели двумя большими кунгасами и моторным катером с парохода. Из-за плохой работы катера и налетавших шквалов закончить удалось лишь к ночи 20-го, после чего пароход сразу направился к о. Медному. Одновременно в деревню Глинку был послан моторный катер «Сивуч» — за всеми свободными промысловиками, способными принять участие в выгрузке. Алеуты работали в две смены, не останавливаясь ни на миг, и к ночи 22 июля

• Бадаев Виктор Никол. Собрание АКМ

было выгружено все, кроме угля. После четырехчасового перерыва работа закипела с новой силой. Все товары, включая уголь, мужчины носили на своих плечах… Но управились до утра. Так начиналась череда трудовых будней нового «начальника островов».

Фрейберг провел на Командорах ровно год, командировка закончилась в конце лета 1925 г. Благодаря его усилиям наконец заработала предложенная Александром Черским еще в 1817 г. система островного звероводства: построены кормушки-ловушки и ледники для хранения мяса, отработана методика подкормки и приручения зверя. В Алеутском музее сохранился выцветший фрагмент отчета, но даже из него видно, насколько человек был увлечен своим делом: «Через очень короткое время песцы вполне привыкли к ловушке, знают час корма и к этому времени собираются вблизи входа в дворик, ожидая появления сторожа; едва последний покажется, они толпой окружают его и не отходят, пока каждый не получит свою порцию. Во время самой кормежки песцы садятся кругом сторожа, режущего мясо, часто поднимаются на задние лапы и выхватывают из рук куски, которые он им протягивает и вообще ведут себя как совершенно домашние животные. В Глинке, по словам Промнадзира Раздорского, 2 песца «Буржуй» и «Любимец» хорошо знали свои клички и выходили на зов».

В заключении отчета Фрейберг сделал много ценных предложений: ввести обязательное ежегодное мечение черных котиков с употреблением сережек по японскому образцу взамен клеймения; улучшить скотоводство путем завоза коров-производителей и организации коллективной заготовки сена; направить докторов и пополнить амбулатории хирургическими инструментами; снабдить население огородными семенами. Были среди них и более экзотические и даже неожиданные: произвести опыты по посадке кедрового стланика; завести на о. Беринга 30 пар оленей для замены имеющихся 375 собак; продолжить дальнейшие опыты по выделке кирпича (следовательно, он лично экспериментировал с островной глиной!); и даже построить узкоколейную железную дорогу «декавильку» для подвоза грузов от Рифа до села Никольского. Какие-то из предложений были взяты на вооружение, другие забыты.

По воспоминанием современников, Евгений Николаевич был «неординарным, романтичным человеком, любившим жизнь во всем ее многообразии». В семье сохранился дневник путешественника,

чертовски злая и скучная. Положительно я благословлю тот день, когда покину острова. Хотя быть может и вернусь еще, ибо в сентябре может родиться маленький начальник.

Вечером 29 октября

– Неужели ты не понимаешь, что я тебя люблю, – говорю я.

– Я тебе не верю, – равнодушно отвечает Анна. – Ты наверно всем так говоришь, откуда я знаю.

– Черт возьми, – взрываюсь я. – Зачем так говоришь, сама знаешь, что это неправда. Ты же видишь, как я к тебе отношусь.

– Ты свою собаку любишь больше, – сердито говорит Анни. – Никому не даешь ее запрягать, жалеешь, а меня? Она бегает куда хочет, а я должна с тобой сидеть, и ты никуда меня не пускаешь. Какая это любовь?

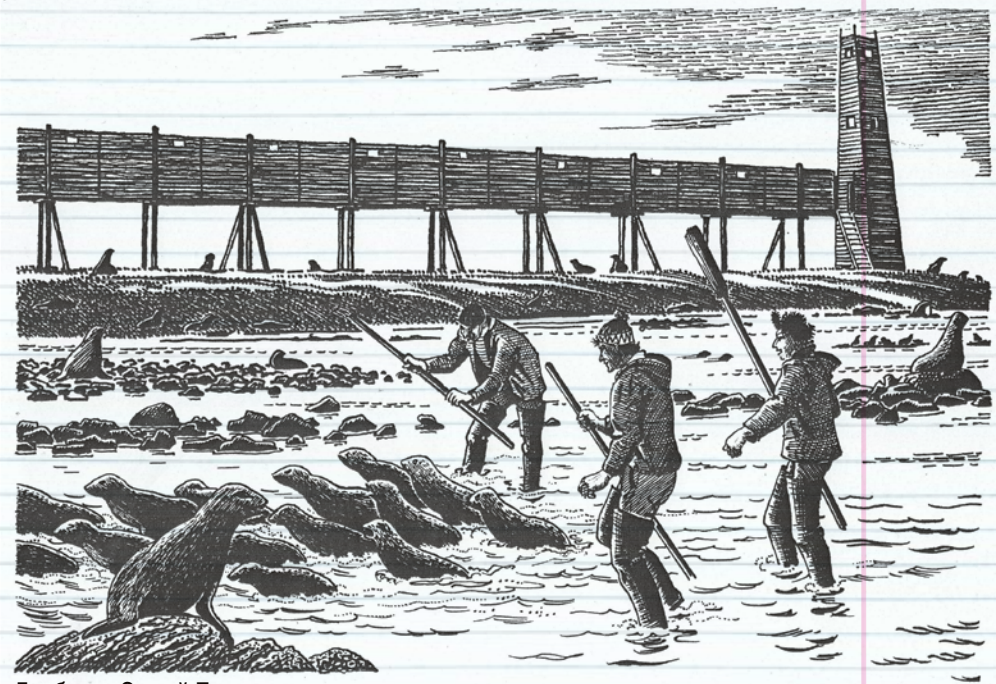
– Хорошо, Анна, я тебе покажу, что ты мне дороже жизни. Вот смотри!

Я открываю ящик стола и достаю свой добрый фронтовой наган, торопливо вынимаю 6 патронов и один оставляю. Потом быстро несколько раз прокручиваю барабан, подношу к виску и нажимаю на спуск. В глазах Анны любопытство и страх. Сухо трещит курок, и я бросаю пистолет на стол.

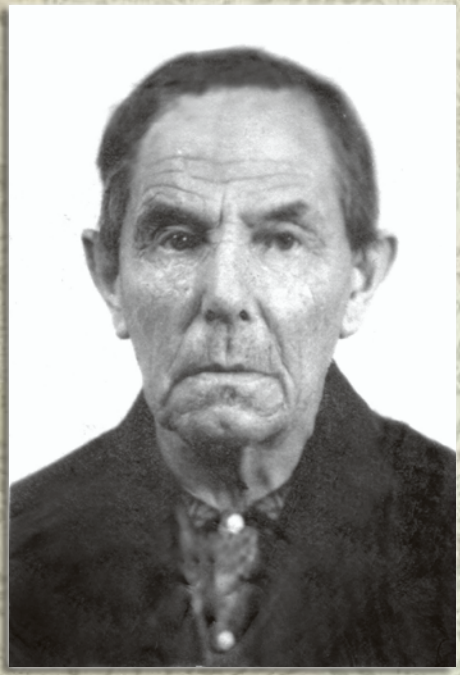
– Поверила теперь? – зло говорю я, – Хочешь еще раз так сделаю?

– Больше так не делай, – быстро и возбужденно говорит моя островитянка, – Мне страшно.

–Теперь обещай, что не будешь повторять свои художества. Она кивает головой. Мир заключен?

Лежбище. Сергей Пасенюк

• Бадаев Апполинарий Игнатьевич 1974

• Бадаев Валентин Апполинар., 1958

• Бадаев Геннадий Апполинар., 1958

• Бадаев Александр Апполинар., 1957

которому он открыто доверял свои чувства и переживания. Он как нельзя лучше раскрывает романтический образ автора и циничные реалии ушедшей эпохи. Печатная копия рукописи была передана на Камчатку младшей дочерью Евгения, Тикси Фрейберг в 2005 г. Читая эти строки, прошу, не судите их автора строго — как и многие свои предшественники, Фрейберг «улучшал расу». Начальник промысла взял в «походные жены» юную островитяночку Анну Бадаеву, но при этом долгими вечерами вздыхал по студентке Института истории искусств красавице и спортсменке Нине Марионовне Седельницкой. Нина приходилась двоюродной сестрой дальнему родственнику Фрейберга Алексею Алексеевичу Ливеровскому. Через полгода после возвращения в Ленинград Евгений и Нина поженились.

Итогом непростых взаимоотношений Евгения и Анны стало рождение сына Женечки. Отец забрал мальчика в северную столицу. Через три года у Фрейбергов родилась дочь Аяна, а в 1933 г. — младшая Тикси. Но началась война, и в 1943 г. Евгений Евгеньевич Фрейберг был призван в ряды Советской армии. Он командовал в звании лейтенанта 234 взводом 179 стрелковой Витебской дивизии. 10 января 1945 г. командорский алеут героически погиб в одном из сражений под Клайпедой.

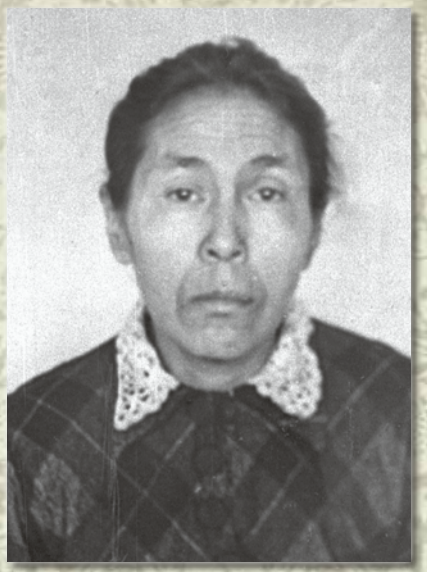
• Евгений Фрейберг-младший с сестрой Аяной

Командорцы никогда не теряли связи с Фрейбергами, но общались с ними главным образом ленинградцы Валентин Поликарпович Хабаров и Махоркины. Что касается семьи Бадаевых, создается впечатление, что описанная история наложила на молодую женщину непростой отпечаток. Анна Илларионовна выходила замуж не один раз. Сперва за служащего Акционерного Камчатского общества специалиста по пушным промыслов Франка Францевича (по другой записи — Иосифовича) Галецкого (1900 г. р., имел польские корни). У них родился сын Вячеслав (ок. 1927 г. р.). Затем был гражданский брак с Павлом Федоровичем Волокитиным, родились дочери Зоя (1931 г. р.) и Валентина (1933 г. р., умерла в млад.). Последним мужем был приехавший на Командоры 1943 г. Фисенко . Женщина настолько любила своего сына, что вышила гладью его портрет. Рисунок 5-летнего мальчика сделал его отец. Быть может, проворно работая послушной иглой, она вспоминала увезенного Женечку…

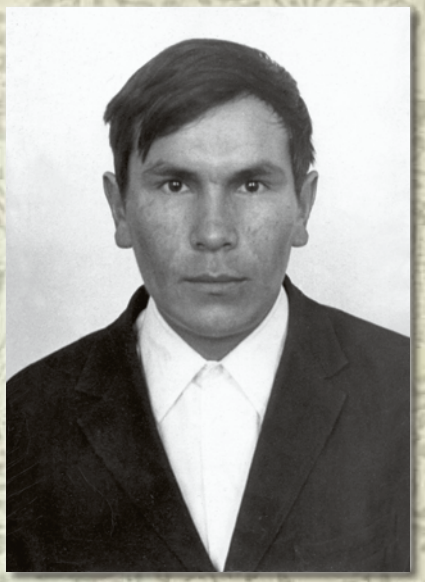
Бадаев Венедикт Федорович (ок. 1845 г. р.) и его младший брат.

Самым младшим сыном Федора и Натальи Бадаевых был Алексей (ок. 1848 г. р.). Алексей Федорович жил на о. Беринга вместе с супругой Анной Васильевной (ок. 1855 – 1908) и детьми: Семеном (ок. 1876 г. р.), Иваном (ок. 1878 – 1907), Натальей (1880 г. р.), Феоктистом (ок. 1885 г. р.) и Марией (1887 г. р.). Семен был женат на Александре Евдокимовне (ок. 1884 – 1925), их дочь Марфа (1906 г. р.) вышла замуж за Моисея Игнатьевича Березина (1882 г. р.), а сын Георгий (ок. 1907 г. р.) работал учителем начальных классов. Говорят, он был высоким и статным и впрофиль напоминал Маяковского. Его супруга, русская женщина Мария Архипповна (ок. 1910 г. р.), тоже преподавала — в те годы на острове была 4-летняя школа. Младший брат Семена Иван умер на о. Медном от инфаркта. Феоктист был женат на Анне Ильиничне Мальцевой (1888 – 1919), но их дети умирали в младенчестве. Мария родила Георгия (1907 г. р.) и уехала с сыном на Камчатку, на этом ее след обрывается. Наталья Алексеевна тоже покинула остров и поселилась в г. Петропавловске. По разговорам, семьи у нее не было, но женщина всегда с радостью привечала земляков. В ее доме останавливались и гостили многие командорцы, но чаще других – двоюродный племянник Апполинарий, называвший Наталью «сестрой».

Наиболее многолюдным была и остается ветвь Венедикта Федоровича (1845 г. р.). К сожалению, о нем самом известно лишь то, что

Бадаева Екатерина Александр. Собрание АКМ

Бадаев Николай Апполинар.

Бадаева-Яковлева Людмила Алексеевна, 1958 г.

Бадаева-Хабарова-Ладыгина Мария Владимир. Фото Маракова, Собрание АКМ

он рано умер (в середине 1880-х). Вероятнее всего, его супругой была креолка Александра (ок. 1857 – ок. 1887). В 1887 г. вдова обвенчалась с Павлом Ивановичем Ивановым, и, по всей видимости, в этом же году скончалась. Но осталось двое сыновей Венедикта: Пахом и Игнатий (1872–925), а также дочери Наталья (ок. 1876), Ольга (ок. 1879), Ирина (ок. 1880 – 1888) и Анастасия (ок. 1884 – 1888). Младшие девочки умерли во время эпидемии дифтерита в июле 1888 г. и были похоронены на Саранновском кладбище. Наталья вышла замуж за Карпа Яковлевича Кадина (1863 г. р.). А Ольга воспитывалась на о. Беринга у родной тетки Агафьи Федоровны Бурдуковской (ок. 1829–1901). Создается впечатление, что помимо не оставившей следа Аграфены (ок. 1834 г. р.) у Федора Бадаева была еще одна дочь – старшая Агафья, сестра Игнатия, Михея, Венедикта и Алексея. Именно она стала женой сперва Степана Анисьева, а затем Бурдуковского.

О Пахоме известно, что он родился где-то в 1870-х и умер в промежуток между 1906 и 1925 гг. Он жил с супругой Евдокией Николаевной (ок. 1877–1928), но детей не было.

За героическую оборону о. Медного 1904–1905 гг. Пахом Венедиктович был награжден медалью «За Храбрость» на Георгиевской ленте. Его младший брат Игнатий Венедиктович отличился во время защиты селений и лежбищ от набегов «хищников» настолько, что за проявленную смекалку и героизм был удостоен военного Ордена IV степени. Всего медновчанам было высочайше пожаловано четыре такие награды.

• Тимоньким Владимир Венедиктович (справа) и Бадаев Аппол.Игн. Сем.арх. Тимонькиных

• Бадаев Аппол.Игн., Тимонькин Вл. Вен., Черникин Е.М., Ножиков Денис Иосиф.

Игнатий был женат на Марии Семеновне Хабаровой-Аксеновой (ок. 1881 г. р.). Мария умерла рано. После смерти матери Игнатий отдал младших дочерей в приемные семьи: Антонина (1903 г. р.) воспитывалась в семье Терентия Алексеевича и Юлии Сергеевны Ладыгиных. По достижении совершеннолетия Тоня вышла замуж за Николая Ивановича Мякишева (1894 г. р.). В этот же день ее старшая сестра Евлампия Игнатьевна (1900–1963) стала женой Михаила Васильевича Степнова (1896 – 1957). Сестры сыграли двойную свадьбу в селе Никольском. Говорят, была еще одна сестра — Мария Игнатьевна, она вышла замуж за иностранца, предположительно, китайца, и уехала в Канаду (?).

Продолжателем рода стал младший брат Евлампии и Антонины – Апполинарий Игнатьевич Бадаев (1906 – 1974).

Бадаев Апполинарий Игнатьевич (1906 – 1974).

Свою деятельность промысловика юный Апполинарий начинал под чутким руководством Александра Ивановича Черского. Пытливый ум подростка жадно впитывал знания, которыми выдающийся зоолог щедро делился со

всеми желающими. Быть может, именно это знакомство помогло рано осиротевшему медновскому мальчике дорасти от простого промысловика до моториста кавасака, а затем и до секретаря райкома партии.

В 1925 г. Апполинарий женился , а в 1929 г. окончательно переблался на о. Беринга. Его избранницей стала Екатерина Александровна Григорьева (1904 г. р.) — дочь Александры Никаноровны Корсаковской. На тот момент у Катерины уже был ребенок — дочь директора зверозавода Выломова Александра (1924 г. р.). В течение последующих 20 лет родились: Сергей (1926–1968), Мария (1928 г. р.), Надежда (1930 г. р.), Александр (1931 г. р.) , Елена (1934 г. р., умерла в млад.), *Неонила* (1935 – ?), Геннадий (1937 г. р.), Светлана (1939 г. р.), Валентин (1941 г. р.), Николай (1946 г. р.) и *Апполинарий* (1943 г. р.). В 1937 г. семья, как имеющая семерых детей, первый раз получила пособие по многодетности. Точно такое же пособие, тоже за семерых детей, получила семья родной сестры Апполинария – Евлампии Игнатьевны Степновой. Через десять лет, 28 февраля 1947 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР Екатерине Александровне было присуждено почетное звание «Мать-героиня».

Апполинарий Игнатьевич вырастил и «поставил на ноги» всех. Александра Апполинариевна стала звероводом и родила пятерых детей: Любу

• Бадаев Анатолий Павлович

(1945 г. р.), Виктора (1947 г. р.), Валерия (1951 г. р.), Анатолия (1953 г. р.) и Сергея (1955 г. р.) Бадаевых. Сергей Апполинариевич тоже пошел по стопам отца и стал промысловиком. Его жена Людмила Алексеевна, урожденная Яковлева (1932 г. р.), родила пятерых детей. Сын Александр (1955 г. р.) унаследовал девичью фамилию матери, а дочери сменили фамилии в замужестве: Татьяна Заочная (1950 г. р.), Екатерина Машаненкова (1957 г. р.), Наталья Курочкина (1960 г. р.), Анна Дебушевская (1962 г. р.). Надежда Апполинариевна, в семье ее чаще называли Розой, стала женой Владимира Венедиктовича Тимонькина (1925 г. р.). Алексей, Борис, Михаил, Наталья, Александр и Николай Тимонькины — ее дети. Отцом старшего сына Надежды был радист о. Беринга Емельян Емельянович Сушков. Он не дожил до рождения сына — 12 июля 1949 г. — утонул вместе с Борисом Ножиковым во время перегона оленей в 1949 г. Александр Апполинариевич обзавестись семьей не успел, поскольку погиб, задохнувшись в горящем доме. Он был рабочим зверокомбината. Неонила Апполинариевна много лет работала дояркой, любовью ее жизни стал Кирилл Терентьевич Ладыгин. Геннадий Апполинариевич работал в зверокомбинате, затем в типографии районной газеты, после вместе с женой Маргаритой уехал с острова. Светлана Апполинариевна

вышла замуж за Геннадия Михайловича Яковлева, работала санитаркой в районной больнице. Валентин и Апполинарий были строителями. Николай Апполинариевич работал плотником зверокомбината и был женат на Устинье Александровне. Он замерз во время сильной пурги в распадке близ поселкового родника – сбился с пути и не смог выбраться из переметов. Печальная история его безвременной кончины до сих пор служит назиданием молодежи: не шутите со стихией, на Командорах природа суровая, можно сгинуть и в черте села. И только Мария росла вне семьи. Бадаевы отдали девочку на о. Медный на воспитание бездетным Владимиру Ивановичу и Улите Александровне Хабаровым. Так она получила отчество приемного отца. Мария Владимировна работала заведующей библиотекой села Преображенского. Ее старшие дети носили фамилию Хабаровых: Владимир (Павлович), Улита (Арсентьевна), Екатерина (Максимовна), Валерия (Максимовна). Младшие были Ладыгины по фамилии мужа (Вячеслава Индриковича Ладыгина): Виктория (Максимовна), Андрей (Владимирович), Валентина (Петровна).

Семья Апполинария была огромной, работы по дому хватало всегда. И все же пока глава семейства был молод, он был не прочь повеселиться и побалагурить. Островитяне любили праздновать Рождество, особенно это касалось медновчан. Народные гулянья напоминали одновременно и алеутские зимние игрища, и славянские колядки. Молодежь собиралась у кого-нибудь дома, сперва пели и плясали, а затем начинали наряжаться. И тут уж кто во что горазд: кто торбас (сапог) напялит на голову, кто шубейку наизнанку – лишь бы получилось как можно смешнее. Для завершения образа была необходима маска. Маски делали из любого подходящего подручного материала и раскрашивали кто как может. Иные были смешные, иные – страшные, вроде нечистой силы, иные – «боевые»: я, мол, ничего не боюсь. Ряженые в масках ходили по домам и выплясывали, а иногда просто собирались вместе и устраивали подобие пантомим. Шутники знали, перед кем какую невидаль изобразить, и очень веселились, когда зритель вздрагивал с нарочитым: «А я не боюсь!». Но если вдруг кому-то раньше времени удавалось подсмотреть лицо ряженого, в его дом не заходили – что за интерес? Ведь нужно было угадать, кто к тебе пожаловал.

• Бадаев Валерий Павлович

Веселые рождественские гуляния хорошо помнило поколение Юлии Сергеевны Ладыгиной, мамы Веры Терентьевны. С приходом советской власти праздновать Рождество перестали, и колядки оказались под запретом. Но традиции изжить сложно, и зимние игрища стали проводить под Новый год, конечно, уже не так шумно и красочно. На ули-

цах Никольского ряженых можно было встретить и в 1930-х гг. Говорят, лучше всех пантомимы получались у «медновца» Апполинария Бадаева и его друга «беринговца» Моисея Панькова.

Если человек родился любителем розыгрышей, это на всю жизнь. Старики до сих пор смеются над историей про стрельбу на о. Медном. Я ее слышала от многих, подробнее всего рассказывали К.Т. Ладыгин и Г.М. Яковлев, а самая ранняя версия была записана в августе 1976 г. Р.Г. Ляпуновой (инф. В.А. Алексеева). Если собрать все детали воедино, складывается следующая картина. Однажды известный шутник Апполинарий Бадаев вместе с другими молодыми промысловиками, среди которых был Иван Иванович Дуришин, возвращался в юрташку, расположенную на южной границе Урильего лежбища. Там находился караульный пост. В первой половине XX в. американские китобои, а вслед за ними японские браконьеры нередко совершали набеги на котиковые лежбища, поэтому сторожевые посты располагались во всех ключевых точках острова. У промысловиков были свежи в памяти многочисленные истории столкновений и перестрелок с японцами. К тому же в редких случаях японцы высаживались на о. Медный вплоть до начала 1940-х гг. Стоял туман. Шлюпка подошла к Запалате, и Апполинарий, решив напугать ожидавших в избушке товарищей, открыл стрельбу по трубе. Сидевшие на суше сразу смекнули, с кем имеют дело, но чем черт не шутит, а вдруг и вправду японцы? – и открыли ответный огонь. Промысловики в шлюпке не на шутку перепугались, и Иван Дуришин закричал: «Не надо камлихтать, мы фаси уем! (Прекратите стрелять, мы свои)».

История о неудачном розыгрыше получила такую популярность, что фраза «не надо камлихтать…» стала крылатой. Она таила подтекст «не перехитри самого себя» вплоть до начала нынешнего века. Сегодня историю помнят только старожилы.

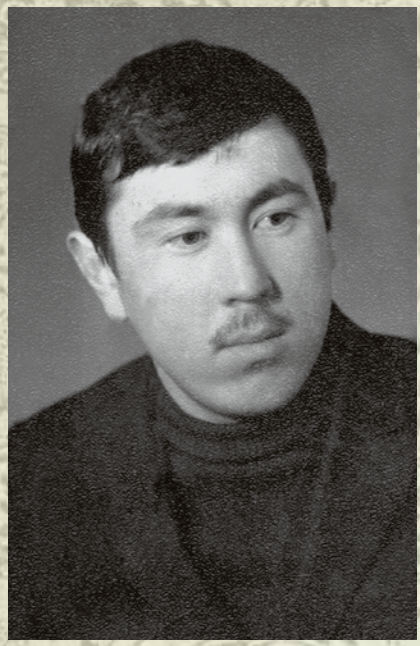
Бадаева Неонила Апполинариевна (1935–2006).

Бабушка Ненила, как и ее отец, была человеком веселым и творческим. Быть может, кому-то ее творения покажутся наивными. Но лично я считаю эти крупицы неограненными алмазами народного творчества. Лучше записать коряво и с ошибками, чем не оставить после себя следа вовсе. Каждое воспоминание бесценно, ведь вместе они помогают сложить историю родной земли.

Незадолго до смерти Ненила записала историю своей семьи – такой, какой она ее себе представляла (пунктуация и грамматика сохранены): «Семья Бадаевых. Так как я одна осталась от нашей семьи я часто вспоминаю как мы жили мама наша Бадаева Екатерина Александровна родилась 6.8.1904 году в Никольском папа Апполинарий Игнатецвич родился 4.08.1906 году на Медном. Нас у родителей было 11 человек пять сестер шесть братьев. Кроме нас родители в воспитовали маминых племянников и племянич которые остались без родителей. Волокитина Иллариона, Волокитина Гастона, Павла Удачина, Валентину Удачину, Анну Яковлёву сечас Голых. Я часто вспоминаю нашего отца Апполинария Игнатича его если ктонибудь спрашивал из приежих сколько у вас детей он говорил сходите к Ненили она знает каздова кто с кокого года и число рождения. По рассказу отца я знаю что мой дедушка был русским он рождением был из Томской Губерни. Я очень сожалею что от папы я многое не узнала да разве будешь об этом? вот сейчас мне все это как пригодилось ведь у меня есть внуки внучки правнуки правнучки и племянницы племянники. У отца было

• Бадаева Неонила Апполинариевна. Фото Д. Уткина

• Бадаев Емельян Емельянович. Из сем. арх. Тимонькиных

• Бадаева-Тимонькина Надежда Аполинариевна

• Бадаев Геннадий Апп. и Маргарита. 1987 г.

пять сестер и он шестой брат. Отцовских сестер которых хорошо помню это Степнова Евлампия Игнатьевна, Мякисова Антонина Игнатьевна».

Сложно сказать, о каком родственнике из Томской губернии идет речь. Вера Терентьевна считает, что это родня Выломова – кровного отца старшей сестры Александры. С другой стороны, на Командорах живут потомки сибиряков, возможно, в семейной легенде подразумевался кто-то из них. Но еще вероятнее, что со временем «тверской крестьянин» был заменен на «томского», поскольку Томск был островитянам ближе во всех смыслах.

• Тимонькин Алексей

Это была далеко не первая проба пера – в июле 1991 г. Ненила решила через районную газету «Алеутская звезда» поздравить промысловиков о. Медного с Днем рыбака. И написал слова песенки:

Они по скалам поднимались,
Это ребята наши идут.
Они план выполняют.
«Злых» котиков берут.
У них мокрая одежда,
Они веселые всегда.
Их дома жены ожидают,
Они им дороги всегда.

Эти искренние незатейливые строки напомнили другую песенку, автора которой мы уже никогда не узнаем. Эти слова передала Г.М. Яковлеву Евдокия Георгиевна Попова.

Караул на Медном.
Первое мая наступило
В караул теперь пойдем.
Ну, прощай моя старушка,
Остров охранять идем.
Без меня ты не балуйся
А не то тебе влетит.
Трехлинейная винтовка
На семь пуль заряжена.
Гаванской подъем проходим
Впереди нам – сорок верст.
Вот мы сорок верст прошли,
И пришли на Глинку.
Сразу к лежбищу пошли
Ни одной зверинки.
Вот мы караул кончаем
И уходим с Глинки.
К Гаванской подъем подходим
К встрече мы готовимся.
Вот мы бухнули с винтовки
Встреча землякам сигнал.
И старушки нас встречают
Стали платочками махать.
Наши дети дорогие
Стали всех нас обнимать.
С караула мы вернулись
В наш поселок дорогой.
Земляки встречая нас
Стали бражкой угощать.

БАСИНЫ

Первоначально Басин — посадский, живший в Нижнекамчатске в 1746 г. Известен в истории, так как вошел в «компанию Басова» для промысловых экспедиций на Командорские острова.

Явно помогал миссионерской партии архимандрита Камчатского и сам участвовал в крещении камчадалов, так как еще в 1812 г. эта фамилия сохраняется в Щековском и Камаковском селениях камчадалов: Басин Яков Максимович, камчадал Щековского селения, 1812 г., 27 лет. Жена Анна Ивановна (25). Дочь Агафья (4). Басин Прокопий, умерший камчадал в селении Камаковском. Дочь Сигклитикия (13). (*Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4*). Фамилии ушли из современной жизни, но сохранили для нас таинственную связь времен.

Возможно, что ее первоначальное написание было не Басин, а Баснин.

В этом случае прослеживается связь нижнекамчатского посадского Баснина с сибирской купеческой семьей Басниных и становится понятным, что первый вклад (может быть, и небольшой) в историю промыслового освоения Русской Америки сделали именно представители этой, в будущем знаменитой иркутской, купеческой семьи Басниных, которая была «одной из самых инициативных, предприимчивых и талантливых династий в дореволюционной Сибири… Родоначальником клана был Максим Баснин, уроженец Устюга Великого. Он поселился в Илимском остроге в начале XVIII века и занялся торговлей…». Именем одного из последних купцов Басниных была названа одна из улиц Иркутска (позже переименованная в улицу Свердлова).

В таком случае стоит ли удивляться, что в последующем выходцы из Великого Устюга (прекрасным представителем которого был Михаил Неводчиков, о котором наш рассказ впереди) и Русского Севера — были самыми предприимчивыми мореходами и промышленниками Русской Америки.

Василий Николаевич Баснин (1799 – 29.01.1876) иркутский купец первой гильдии, меценат, общественный деятель. С его именем принято связывать расцвет бильярда в Иркутске. Фото 1860-х. Автор: Не известен. Источник: kapitalpress.ru

Василий Баснин
Автор: Не известен
Источник: library.isu.ru

Архангелогородские мореходы

Путь в Камчатку

Петр I высоко оценил свершение Атласова — присоединение далекой Камчатки к России. Тот край, дивный и богатый, был просто необходим сейчас царю. Богатства ему как раз и не хватало, чтобы пробить стены шведских и турецких крепостей, стоящих на пути России к берегам Балтийского и Черного морей. Нужно было воевать те берега, а для войны — пополнить казну. И от этого сейчас зависело будущее государства Российского — предстояло ему либо стать в ряд великих держав мира, либо остаться дремучим медвежьим углом, страной варваров, и отсыпаться себе на задворках истории. Так думал царь.

Сибирская пушнина в те годы имела исключительное по важности значение. Потому что давала верные деньги. А они были нужны, чтобы строить заводы и лить чугун, создавать верфи и спускать на воду корабли, формировать новую армию и флот, вооружать полки и оснащать суда. Немалые деньги…

Выбивать их из народа, вытягивать их из бояр, давить торговой пошлиной посадский люд и купцов? Все это уже было сделано по указу Петра: и за вековые бороды налоги собрали, и колокола церковные перелили на пушки…

А Камчатка виделась несметным кладом: водились здесь дивные соболя, лисицы-огнёвки и чернобурки, морские бобры с мехом красоты невиданной и речные выдры — чёрное и красное золото в сороках и вязках…

Но труден был путь государева ясака с Камчатки: где пешком, где на собачьих нартах, оленьих оргизах или верхом на лошадях двигались казачьи отряды из Якутска и в Анадырский острог, а уж оттуда через горные хребты и болотистые низины спускались в остроги Камчатки. Годами шли. Места были опасные. И не только тысячными своими верстами, снежными и морозными зимой, с комаром и гнусом летом, жили в тех местах племена воинственных чукчей и коряков, и потому не один казак похоронен был в вечной мерзлоте северной тундры или брошен на съедение полярным волкам, песцам да воронам.

Но жизни казачьи в те времена и на пол-полушки не тянули… Царь, всем сердцем болея за великую Россию, не считался с великими людскими жертвами. Мучило его лишь то, что эти северные народы, разгромив казачьи отряды, грабили и царский ясак — не доходила в итоге пушнина до Сибирского приказа в Москве, не превращалась в звонкие золотые червонцы, а затем в черный порох, медные пушки, солдатскую аммуницию да корабельные паруса.

И повелел потому царь Петр искать путь морской в Камчатку, чтобы сохранить в целости драгоценный ясак для России.

Камчатские казаки и без указа понимали, что нужно искать морской путь: те места, что для царского ясака таили угрозу, их собственным потом и кровью были политы щедро.

Поначалу решено было ходить на байдарах от устья реки Камчатки до Олюторы-реки, а уж оттуда через Олюторский острог добираться до крепости на Анадырь-реке.

В 1712 году десятник Василий Щепетной построил здесь зимовье, оградив его земляным валом, а в 1715 году было закончено и строительство крепости на Олюторе, которую коряки с той поры так и прозвали Уйвулен — Крепость, а затем переделали в Вуйвен — Вывенку. Но жизнь ее оказалась недолгой — коряки из самого крупного и воинственного племени олюторов напали на крепость, сожгли ее, а гарнизон полностью уничтожили, так что ясак снова до царя не дошел.

Пытались пробиться на север и по западному побережью Камчатки от устья реки Тигиль до реки Пенжины, а оттуда на Анадырь пешком через Акланский острог. Но и тот острог не долго простоял на воинственной корякской земле, раздираемой ожесточенными междуусобицами. И потому Петр запретил пользоваться вообще этой северной дорогой и велел искать морскую дорогу на Камчатку из Охотска.

Уже в марте 1710 года сибирский губернатор князь Гагарин требовал от якутского воеводы Траурнихта: «*…с Ламы проведывать путь через море на Камчатку*».

Отсюда и должны были двинуть мореходы через грозное море «в Камчатку», проторить дорогу морскую в землю, столь нужную в этот нелегкий час государству Российскому. У охотских приказчиков к тому же были и свои планы, связанные с расширением собственных вотчин-присудов на Севере. Те места у Тайгоносского носа считались гибельными: непроходимые скалы-непропуски, воинственные, враждующие между собой племена местных коряков, тысячи верст пути до ближайших русских острогов и зимовий… Да, трудно было разогнуть в прямой и короткий путь эту чертову кочергу северной дороги: Якутск — Анадырская крепость — Камчатка.

Первую попытку выполнить царский указ предпринял в 1712 году охотский приказчик Петр Гуторов, который одновременно попытался привести в российское подданство и «немирных» тайгоносских коряков.

Замысел приказчика был чрезвычайно прост: он хотел на батах-однодревках (то есть выдолбленных из одного тополевого ствола) пройти вдоль побережья моря Ламского (Охотского) и, в итоге, выйти к камчатскому побережью. Теоретически этот замысел выглядел вполне реальным: лет за шестьдесят до того прошел этой же морской северной

дорогой, только в обратном направлении, мореход Михаил Васильевич Стадухин. Спустился он от устья реки Пенжины до устья реки Охоты, откуда и начал Гуторов свой поход. Практически же идея эта была более чем утопической: на вертких батах опасно и по рекам сплавляться, а не по такому сердитому, щедрому на шторма морю ходить.

Но они все же пошли, достигли устья реки Игликан (ныне Сиглан), добрались до большого корякского поселения. Однако дальше двинуться уже не смогли — тунгусы-проводники отказались сопровождать казаков, понимая, что те идут на верную смерть. Пришлось возвращаться в Охотск…

Так что первому блину, действительно, выпадало быть комом… И все-таки было пройдено 500 первых морских верст по Охотскому морю. А это вселяло надежду на успех.

По именному указу

Видя, что без опытных людей морской путь на Камчатку вряд ли отыщется, Петр I именным указом отправляет в 1714 году в Сибирь архангелогородских мореходов Никифора Тряску, Кондратия Мошкова, Якова Невейцына и Ивана Бутина.

Прибыв в Тобольск, получили те жалование от сибирского губернатора князя Гагарина по 40 рублей в год и по пять рублей кормовых. Здесь же по приказу Гагарина к ним присоединился голландец Генрих Буш, знающий толк в морском деле. Недавно он еще служил рейтаром у шведского короля Карла XII и был взят в плен под Выборгом. Теперь же, приняв его на русскую службу, сибирский губернатор положил Бушу жалование 15 рублей в год, усилил им отряд архангелогородцев, перед которыми ставились большие задачи. Кроме мореходов (хотя каждый из них был и кораблестроителем — «лодейщиком») в него вошли также и плотники Кирилл Плотницкий, Иван Каргополов, Варфоломей Федоров, Михаил Карамакулов.

В Якутске был сформирован еще один отряд — теперь к мореходам присоединились казаки во главе с пятидесятником Кузьмой Соколовым. В наказной памяти пятидесятника было записано:

«*У Ламского моря усмотря к морскому ходу для строения лесных угодий, построить теми присланными плотниками морские суда… с теми мореходы и плотники и с служилыми людьми итти через Ламское море на Камчатский нос без всякого содержания… из Камчатских острогов итти тем же путем на Ламу*».

В этот охотский отряд вошли Яков Невейцын и Никифор Тряска. А Бутин и Мошков должны были заняться «*поиском незнаемых земель*» противу устьев рек в Восточно-Сибирском море. В Якутске архангелогородцы расстались.

23 мая 1714 года отряд прибыл в Охотск и сразу же приступил к подготовке к походу: в верховьях реки Кутхуй, верстах в 75 от устья Охоты, нашли подходящее место и заложили судно. Через два года, в мае 1716-го, работу закончили и спустили его на воду. Это была лодия «наподобие архангелогородских соем, шитая вичами». Назвали ее «Восток» (по другим источникам — «Святое Ламское море», «Охота»).

Морской историк Ф. Веселаго занес эту лодию в свой «Список русских морских судов с 1668 по 1860 год»: «*Лодья без названия, размерами 8 1/2 х 3 х 3 1/2 сажени; заложена в мае 1714 года и спущена в мае 1716 года. Место строительства — Охотск, строитель Плотницкий*».

16 июля 1716 года лодия вышла в море. Вел ее Никифор Моисеевич Тряска. Сначала он повел ее на север по маршруту Петра Гуторова, но затем шторм оторвал суденышко от берега и унес в открытое море. Однако они приблизились к Камчатке — увидели землю где-то в районе Утхолокского мыса. И… снова ветер изменился на противный и погнал лодию на запад, назад, почти к тому же месту, откуда она и начала свое плавание.

Отстоявшись у берега, переждав шторм и приведя судно в порядок, снова пошли к Камчатке. На этот раз встреча с ней произошла где-то в районе реки Тигиль. Отсюда пошли на юг, вдоль побережья. Нужно было изучить этот берег, отыскать удобные бухточки и заливы, осмотреть устья, чтобы можно было в дальнейшем при случае заходить сюда и укрываться от штормов.

Так и шли до реки Крутогоровой, а здесь, на берегу, встретились с первыми камчадалами, которые свели их с казаками — ясачными сборщиками. Дальше шли уже с ними, торопились поспеть в Большерецк. Но не успели — осень все же обогнала их, начались шторма — свирепые, долгие. Пришлось поставить лодию на зимовку в устье реки Колпаковой. Мореходы с командой остались при судне, а казаки, с Кузьмой Соколовым во главе, отправились в Нижнекамчатский острог, где находился приказчик Камчатки пятидесятник Алексей Петриловский.

Здесь Соколова ожидали отнюдь не мореходные занятия: приказчик Петриловскнй натворил столько злого на Камчатке, что пришлось Соколову сажать того под караул и принимать дела, ведать ясачным сбором, а уж по весне, с грузом государевой пушнины, возвращаться назад, к лодии, чтобы выполнить вторую часть наказа — вернуться в Охотск.

17 мая 1717 года мореплаватели пересекают Охотское море и выходят к Тауйской губе. Вот-вот появится уже Охотск. Но… судно попадает в ледовый плен и дрейфует совсем недалеко от берега. Близок локоток, да не укусишь. Лишь 8 июля расступаются льды, и Тряска приводит, наконец, лодию в Охотск. Дорога была проторена. И еще одиннадцать лет водил судно-лодию «Восток» – «Святое Ламское море» – «Охота» – к камчатским берегам мореход Никифор Тряска.

В1725 году у тех берегов лодия попала в сильный шторм и была выброшена на берег в районе реки Ичи. Тряска подвел под днище городки (катки) и лодию оттащили подаль-

ше от хищных вод. Но ветер достал ее и здесь и бросил на камни. Всю зиму чинил судно Тряска, и весной 1726 года привел «Восток» в Большерецк. Однако приказчик все же посчитал судно непригодным к плаванию и только в 1727 году вернулось оно в Охотск. Это было последнее плавание — по приказу Витуса Беринга лодию, к тому времени, действительно, уже очень ветхую, сожгли, чтобы взять с нее все железо для нового корабля.

Железо в Охотске было на вес золота. И нужно полагать, что все оно, взятое с «Востока», нашло применение при постройке первого на Тихом океане русского военного судна, знаменитого бота «Святой архангел Гавриил». На нем было совершено немало славных плаваний с участием и этих архангелогородских мореходов.

Большой Камчатский наряд

Едва вернулся Никифор Тряска из первого камчатского похода в 1717 году, как из Якутска прибыли в Охотск Иван Бутин и Кондратий Мошков. А с ними и срочная бумага от якутского воеводы Ельчина — готовиться к новому походу.

Земляки рассказали Тряске с Невейцыным и последние новости: недавно воевода Яков Агеевич Ельчин вернулся от царя. Государь интересовался новыми землями в Восточном море противу устьев северных рек, а воевода, якобы, только в смущении руками разводил: я, мол, только четыре года назад принял сей обширный край и до окраин еще не добрался. А царь: отправляйся тогда на окраины и опиши все, что своими глазами увидишь — и Курильские острова, и Шантарские, и на восток и на полдень от Охотска и Камчатки. Людей дам, денег получишь, мореходов бери архангелогородских и подробно потом расскажи царю своему обо всем…

Кланяясь, покинул воевода царские покои. Вслед ему указ Петра: встать во главе Большого Камчатского наряда —экспедиции, стало быть, — пройти сушей и морем земли русские на востоке, описать новые, незнаемые, что, по слухам, имеются противу устьев рек Лены и Колымы, Камчатки и Охоты, Пенжины и Анадыря. Денег на то не жалеть, людей брать по надобности. Мореходами назначить тех архангелогородцев, что были отправлены на море Ламское еще в семьсот четырнадцатом…

Но только-только закрутил Ельчин все «экспедичные» дела в Сибири, отправил первые партии казаков-землепроходцев к устьям северных рек кочи рубить и шитики китовым усом вязать, готовя суденышки эти морские для вояжа дальнего, послал первые морские отряды из Охотска к Шантарским островам и из Большерецка на Курилы, как повязали воеводу по злому доносу. Свезли в Москву в канцелярию тайную, и сгиб он где-то там во время пыток по государеву «слову и делу».

И остановилось колесо, так лихо им раскрученное… Только мореходы архангелогородские по-прежнему делали свое нужное дело, точно не касались их никакие исторические ветры и шторма, — торили дороги в море Ламском-Охотском и пробивали первые тропки через Курильские переливы в море Восточное…

Тайная воля Петра

Давно уже была открыта архангелогородцами морская дорога на Камчатку. Еще раньше — разведан Иваном Козыревским путь к полуденным островам и получены первые сведения об «Апонском» государстве…

И теперь архангелогородцам предписано было проложить маршрут на полдень.

В 1719 году по личному указу Петра Великого посланы на Северо-Восток геодезисты Федор Лужин и Иван Евреинов.

Зачем? Выяснить «*сошлась ли Америка с Азией, что надлежит сделать не только Зюйд, но и Ост и Вест и все на карте исправно поставить*».

Это на бумаге. Но известно, что кроме письменных указаний были получены геодезистами и устные инструкции. Вот потому и направились они на Курилы на лодии «Восток» с мореходом Кондратием Мошковым.

Первоначальный маршрут был тот же, что и у Тряски с Невейцыным в 1716 году — на Западную Камчатку, до устья реки Ичи. Здесь в 1720 году геодезисты высадились на берег и положили на карту западнокамчатские реки, затем побывали в долине реки Камчатки, провели и здесь глазомерную съемку местности, а потом сделали это же и на восточном побережье полуострова.

А 22 мая 1721 года вывел Кондратий Мошков лодию из Большерецка, чтобы выполнить вторую часть плана, и повел «Восток» на полдень, минуя один за другим четырнадцать островов Курильской гряды.

И здесь геодезисты продолжали ту же работу, что делали на Камчатке, — вели глазомерную съемку островов.

Наконец стали на якорь у острова Шумшу. Можно было теперь и отдохнуть — ведь проделана огромная по объему и значимости работа, пройден немалый путь среди многочисленных островов совсем еще неизвестного русским мореходам архипелага.

Но и здесь судьбе было вольно распорядиться по-иному: налетевший шторм оборвал оба якорных каната и бросил суденышко на откуп волнам. Лодия лишилась управления, и спасение могло принести уже не столько искусство морехода Мошкова, сколько воля рока и мужество всей команды.

Семь дней гоняло «Восток» по волнам, грозя разбить о подводные скалы и остроконечные кекуры, выбросить на каменистые острова или расщепить свинцовыми кувалдами волн… Их унесло в неизвестность, к острову Хоккайдо, то есть непосредственно к самой Японии, и они сами уже считали себя погибшими.

Но вот упал ветер, улеглась волна, и разлилось по океану жидкое желтое солнце. Привязав вместо якорей пушку и наковальню, отстоялись у какого-то острова и привели в порядок паруса, превращенные ветром в лохмотья, а потом пошли на норд вдоль островов. Скоро они были уже в Большерецке. Здесь Мошков обзавелся якорем, но только деревянным: не было на Камчатке железного. Для тяжести и крепости оковали ему этот якорь… сковородами. Что делать? Здесь, на окраине России, все еще только-только зарождалось, и до железа ли было.

12 июля 1721 года Мошков благополучно доставил геодезистов в Охотск, а 30 ноября 1722 года в Казани Евреинов докладывал царю о выполнении его тайного приказа об установлении русских границ на Тихом океане. И Петр, говорят, был велми доволен своими людьми.

Первая Камчатская

И снова суждено было архангелогородцам идти дорогой, указанной для них Петром Великим. На этот раз они должны были определить границу своего государства на крайнем Северо-востоке, между Азиатским и Американским материками. Руководителем этой экспедиции был назначен лично Петром капитан-командор Витус Беринг. По его же, Петра, приказу в 1725 году было построено в Охотске небольшое судно для экспедиции «Фортуна», которое в 1727 году, к приезду Беринга в Охотский порт, было спущено на воду.

Правда, несмотря на название, «Фортуне» не суждено было совершить то историческое плавание по Берингову морю: задачи ее были гораздо скромнее — доставить членов экспедиции со всем имуществом в Большерецк.

На Камчатке, в урочище Ушки, в долине реки Камчатки (между нынешним городом Ключи и рабочим поселком Козыревском) был заложен 4 апреля 1728 года и спущен на воду в июне того же года уже упоминавшийся бот «Святой архангел Гавриил», вписавший немало страниц в историю тихоокеанского флота.

13 июля 1728 года в вахтенном журнале бота появляется первая запись: «*В половине 2-го часа сотворя молитву отвалили от берега и поплыли вниз по реке Камчатке. В половине 3-го часа приплыли к устью реки Камчатки и легли на якорь за противным ветром*».

14 июля вышли в открытое море. В числе 39 членов экипажа «Гавриила» были архангелогородские поморы Кондратий Мошков и Иван Бутин.

В конце июля бот прошел мимо устья реки Анадырь, идя на север. Пройдена губа Святого Креста, Чукотский Нос, открыт остров Святого Лаврентия…

13 августа бот вошел в пролив, который позже будет назван проливом Беринга в честь капитана бота «Св. Гавриил».

Стоял туман, «великий туман с мокротою». Корабль находился за 65 градусами северной широты, то есть уже в Северном Ледовитом океане. Но члены экипажа этого не знали, блуждая в туманах. Тогда Беринг предложил своим помощникам изложить собственное мнение о возможности продолжения этого плавания. Шпанберг предложил вернуться. Чириков — идти дальше, вплоть до устья реки Колымы (при этом он даже не подозревал, что пролив был пройден задолго до них Семеном Дежневым и Иваном Голыгиным).

Беринг поддержал Шпанберга — возвращаться. Возвращаться, хотя фактически так и не был получен руководителем экспедиции ответ на поставленный Петром Первым вопрос о границе двух материков, а соответственно, и о северо-восточной границе России. И потому команду «возвращаться» можно было бы предполагать только в следующей редакции: «*Чтобы повторить плавание на следующий год и разобраться, точно в существовании пролива между Америкой и Азией*».

Но на следующий год Беринг не стал повторять этот поход. Узнав от камчадалов о некой большой земле, лежащей противу устья реки Камчатки, он попытался найти ее, но безуспешно, и ушел в Охотск, не подозревая, что ему снова приказано будет продолжить это плавание в Великом океане, и тот не найденный им сейчас остров станет последним пристанищем командора. Это и будет остров Беринга.

По-разному, как мы знаем, отнеслись и относятся историки к итогам Первой Камчатской экспедиции. Ломоносов признавал, что «*Беринг не напрасно думал, что он по данной себе инструкции исполнил*», то есть дошел до той крайней точки в северных широтах, где уже ясно было, что далее Азия с Америкой сойтись не могут. Но он и упрекал командора: «*Однако жаль, что идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом, конечно бы, мог приметить берега Северо-Западной Америки*».

И это суждено было сделать другим. Но опять же — нашим архангелогородским мореходам.

Земля Кыымылыг, или Алякса (Аляска)

Итак, Беринг не поставил точки над «i» в этой географической загадке — сошлись ли, нет ли между собой материки — и не увидел берегов Большой земли, как называли в те времена Аляску.

И снова бот «Св. Гавриил» бороздил просторы Берингова моря. Подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев вели его к американским берегам. Лоцманом на «Св. Гавриил» был назначен Кондратий Мошков.

И вот из рапорта Михаила Гвоздева:

«*Августа 21 дня пополуночи (1732 г.) в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, паруса распустили и пошли к большой земле и пришли к оной земле, стали на якорь и против того на земле жилищ никаких не значилось, и подштюрман Иван Федоров приказал поднять якорь. И пошли подле земли к южному концу. У южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы и к оному жилью за противным ветром в близость подойти не возможно и пошли подле земли на южную сторону и стало быть мелко и дошли до семи и до шести сажен и от того места возвратились назад и пошли в бейдевен, чтобы не отдалять от оной земли и стал быть ветер приземной крепкой… и подштюрман велел курш держать… и таким крепким ветром отошли от берега и пришли к четвертому острову августа 22 дня и за великою погодою у оного острова на якорь стать было невозможно и когда стали подходить ко оному четвертому острову, парусы подобрали и без парусов от того четвертого острова отнесло… и тогда же пришли ко мне служилые Ефим Пермяков, Лаврентий Поляков, Федор Паранчин, Алексей Малышев с товарищи и просили о возврате, чтоб возвратиться на Камчатку, понеже де кормов у их малое число, также де и не могут из судна воду уливать…*»

Поддержал тогда служивых и мореход Мошков. Ведь дело было сделано — путь к этой самой Америке найден, а приближались осенние шторма, и измученные плаванием люди, и потрепанный волнами бот могли не выдержать новых испытаний.

28 сентября 1732 года «Св. Гавриил» подошел к устью реки Камчатки. Увиденную с судна землю Гвоздев назвал Кыымылаг, или землей эскимосов. Название не прижилось, и долго еще в обиходе звучало: Большая земля, а потом Алякса, пока не устоялось название Аляска…

Да и о самом этом мореходном подвиге русских людей мир узнает нескоро. Подштурман Федоров умрет в 1733 году. Геодезист Гвоздев по государеву «слову и делу» — доносу — будет брошен в тобольскую тюрьму и выйдет он оттуда лишь в 1738 году, когда в Охотске вовсю уже шла работа по подготовке Второй Камчатской экспедиции. В тот год и узнают в Охотске об открытии Большой земли, составят на основании судового журнала Федорова карту обследованного на «Св. Гаврииле» района.

А двумя годами раньше историк Миллер найдет в якутском архиве «отписки» Семена Дежнева о походе с устья Колымы на Чукотский нос, то есть из Северного Ледовитого океана в Тихий.

Так что теперь было совершенно ясно — между Азией и Америкой существует пролив.

И начат был новый поход — теперь уже к берегам Русской Америки.

И еще одно открытие

Вот уже известно россиянам: там, на восходе солнца, лежит в океане не только большая земля, но и тянется к ней драгоценное ожерелье из многочисленных островов, богатых голубыми песцами и бесценными морскими бобрами. Потянулись к ним с Камчатки тончайшие нити промысловых экспедиций российских аргонавтов, отправившихся из Суздаля и Великого Устюга, Соликамска и Тотьмы и из того же Архангельска на край земли в поисках удачи и счастливой доли.

Шли непрерывным потоком на восток поморы, закаленные в штормах Великого Студеного океана, шли покорять Великий, или Тихий океан.

Но первыми опять же были архангелогородцы. Именно они, русские мореходы, выросшие на берегах Ледовитого океана и Северной Двины, с детства выучившиеся мореходному искусству, первыми проложили морские дороги здесь, на краю русской земли, первыми вышли к берегам неведомой Америки и «Апонского» государства. Именно они — Никифор Тряска, Яков Невейцын, Кондратий Мошков и Иван Бутин.

Шел уже 1751 год. То есть прошло уже около сорока лет с тех пор, как по указу Петра Первого отправились архангелогородские мореходы и кораблестроители в дальний путь, в окраинные земли, где один год жизни двум, а то и трем годам равен был. И выносливости этих людей просто поражаешься. В 1728 году, когда Беринг взял в свою команду Кондратия Мошкова и Ивана Бутина, те вынуждены были обратиться к командору с просьбой выплатить им жалование «*для расплаты долгов и для покупки платья*». Что же заставило их превратиться из бравых моряков в просителей?

«*Служили мы… мореходами для перевоски через море от Камчацкой земли до Охотского острогу ясашной казны, а в прошлом 1727 году взяты мы из Охотского острогу сюда на Камчацкую землю на судах для перевоски команды вашего благородия служителей и протчих вещей, а денежного жалованья… не получали Кондратий Мошков с 726 году, Иван Бутин с 723 году и по ныне. А об оном жаловании просить было некогда, понеже, когда прибудем отсюда в Охотский острог с казною… то паки подчиненные комиссары нас возвратно на Камчатку и за такими отлучками вошли в великие долги*».

А в 1751 году, вероятно, уже получив пенсион и будучи в преклонном возрасте, ведет Иван Бутин промысловое судно знаменитого камчатского купца Никифора Трапезникова «Борис и Глеб» к Алеутским островам осваивать новые русские земли.

И этот его вояж остался известен в истории — Бутину и купцу Трапезникову, который также пошел в плавание со старым мореходом, выпало стать первооткрывателями острова Атха в группе Андреяновских островов Алеутской гряды…

Так, выполняя волю царя, жизнь свою клали русские мореходы на алтарь Отечества, не почитая никаких иных благ, кроме служения России.

БАСТОЕВЫ

Пока мы обладаем только этой вот информацией: Бастоев Игнатий, алеут. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за отличие и заслуги по обороне Командорских островов в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

БЕЛЯЕВЫ

Известная в истории Северной Пацифики камчатская казачья фамилия, которую «прославил» казак-мореход Алексей Беляев (по другим сведениям, в составе первых компаний был и крестьянин, посадский Беляев): 5 февраля 1745 года образовалась вторая (после компании Емельяна Басова) промышленная компания, которую возглавили купцы: лальский — Афанасий Чебаевский и иркутский — Никифор Трапезников (компаньон Басова), бобыли Яков и Павел Чупровы, крестьяне Зотов, Сидоров, Холщевников, Беляев, Коробейников. 25 февраля новая компания получила от Большерецкой канцелярии разрешение на «вояж». Кроме того, Большерецкая канцелярия выделила компании казака Большерецкого острога Силу Шевырина. Мореходом был опреде5лен известный в истории освоения Тихого океана Михаил Неводчиков.

Как впоследствии стало известно, устроившись на зимовку в бухте на острове Атту, промышленники из артели Беляева разграбили и уничтожили два алеутских селения, оставив в живых только молодых женщин — «для услуг». Промышленники на суде оправдывались тем, что они-де приняли местных островитян за воинственных чукчей, которых опасались из-за их многочисленности и свирепого нрава. Эти объяснения, видимо, были приняты во внимание судом, состоявшимся над командой «Св. Евдокима» по её возвращении на Камчатку по доносу одного из промышленников. За «убийство и блудное воровство», как говорится в документах, часть из них во главе с Беляевым была осуждена камчатскими властями, но часть — передовщик Яков Чупров с товарищами — оправданы.

В 1750 году в свое последнее, пятое, плавание отправился шитик «Св. Петр», принадлежавший компании первопроходцев — Е. Басова и Н. Трапезникова — под командой морехода Д. Наквасина и передовщика А. Беляева. Шитик побывал у острова Атту и, возможно, Агатту из группы Ближних Алеутских ововов. Местным жителям были вручены подарки, отпущенные казной «для придания им охоты в платеже ясака» (медные котлы и суконные камзолы). Затем, когда шитик вновь вернулся к острову Атту, он разбился о прибрежные скалы. Команде, правда, удалось спастись и спустя два года, в 1752 г., вернуться на Камчатку на судне Н. Трапезникова «Св. Борис и Св. Глеб».

На Камчатке во времена С.П. Крашенинникова служил казак Данило Беляев. «Осколочек» прежней казачьей фамилии, скорее всего, сохранился только в Анадыре, где проживал в 1893 г. мещанин Иван Васильевич Беляев (39 лет).

Беляевы (возможно, казаки, возможно, посадские, то есть торговые, разъезжающие по всей Камчатке, люди) оставили свою фамилию камчадалам:

Беляев Исидор Георгиевич. Камчадал Шаромского селения, 34 лет, сочетался третьим браком 15 апреля 1901 года. Невеста — дочь камчадала Кирганского селения Феодора Чуркина Александра, 18 лет. (*Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1901 год, ГАКК*).

Беляева Соломония Исидоровна, дочь камчадала Щапинского селения Исидора Георгиевича Беляева, 21 апреля 1913 г. вышла замуж за Мальцева Александра Мартиниановича, крестьянина Мильковского селения.

Беляев Поликарп Егорович, камчадал селения Щапинского, 1892 г.

Беляев Федор, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Ичинская дружина), с. Щапино.

Правда, один из Беляевых — староста села Щапино Ф. Е. Беляев — рассказывал исследователю Камчатки В. Л. Комарову («Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.») иную историю своей династии, которая возвращает фамилию к ее казачьим истокам, к русским старожилам: «…старое коренное население Щапиной вообще вымерло, кроме одного только, теперь уже сильно больного старика Попова. Остальные щапинцы — новоселы: два дома Краснояровых переселены из Мильково, два дома Беляевых — из Верхнекамчатска, Мерлин — из Машуры, Садовников — из Толбачика; вот и все семь домов Щапиной». А Верхнекамчатск, как известно, первая казачья вотчина на Камчатке, столица этого края в период присоединения Камчатки к России, построенная руками соратников В.В. Атласова по его первому камчатскому походу.

БРАГИНЫ

Это был камчатский торговый семейный клан, подобный торговому семейному клану братьев Косыгиных. Географические границы распространения фамилии — практически весь Северо-Восток России (Охотск, Гижига, Анадырь, Камчатка).

Происхождение этой фамилии, возможно, тоже связано еще с освоением Русской Америки (как, например, фамилии Корелиных и Кузнецовых).

Один из самых, на мой взгляд, интереснейших представителей этой фамилии на Камчатке: по меньшей мере, участвовавший в трех плаваниях в течение 20 лет, — тотемский крестьянин Дмитрий Брагин. В 1758–1762 гг. — он рядовой компанейщик (один из членов «складственной артели», внесшего свой пай) на судне «Св. Иулиан», а в плавании на судне «Захарий и Елизавета» он уже передовщик, то есть руководитель промысловой артели. В своих книгах «Встречь солнцу» и «Покорители Великого океана» я рассказываю о том, что Дмитрий Брагин, Степан Корелин и Григорий Шавырин, все трое тотемцев с промыслового судна «Захарий и Елизавета», — единственные, кто остался в живых, когда на островах Умнак и Уналашка алеуты вырезали практически всех русских, кто был в это время на островах. По моей версии все трое были виновниками этого бунта – устраняли таким образом конкурентов из других артелей.

Должность передовщика Дмитрий Брагин исполняет позже и в компании тотемского купца Алексея Холодилова, снарядившей на промысел судно «Св. Михаил». Экипаж этого судна взбунтовался в 1771 году в Большерецком остроге, и что самое интересное — промышленники хотели расправиться с Дмитрием Брагиным, Степаном Корелиным и Арсением Кузнецовым, виновных в этом бунте. Вероятно, следствие впоследствии, когда рассматривало дело о Большерецком бунте, возглавил который ссыльный польский конфедерат Август Мориц Беньевский, пришло к выводу, что Брагин, Корелин и Кузнецов виновны и в качестве наказания повелели им пожизненно оставаться на Камчатке (с такими случаями мы еще столкнемся).

Такова моя версия. Она полностью соответствует истории происхождения фамилии Корелиных (и мы до нее дойдем) и Кузнецовых. По Брагиным таких подробностей пока не найдено.

• Брагин с женой

Владимир Васильевич Брагин из села Ключи писал о происхождении своей фамилии: «Был раньше один купец по фамилии Брагин, который вел торговлю по долине реки Камчатки, от него, наверно, и пошел весь род Брагиных. Мой дед — Василий Кирьякович Брагин, он родился в 1886 г. Жена его Косыгина Валентина Алексеевна». («Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2007 г., стр. 7.)

В обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. в составе Усть-Камчатской дружины принимали участие: Брагин Алексей (отчество пока не выяснено) и Брагин Дмитрий (вероятно, Кирьянович, см. список репрессированных Брагиных, помещенный ниже).

География распространения этой некогда знатной купеческой фамилии лучше всего иллюстрирует нам материалы сталинских репрессий, которые четко и ясно показывают, что уничтожалась именно элита, самые лучшие, самые известные, самые богатые.

Брагин Василий Кирьянович (Кирьякович). 1886 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование: низшее; б/п; был рыбаком, охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арест: 25.03.1932. Осужд. 08.07.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 21.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Более подробно о нем есть информация в очерке «Камчатские персоналии 1917–1991 гг.» В.П. Пустовита: «Брагин Василий Кирьякович (1886, с. Ключи), делегат первого и второго Камчатских областных съездов. Камчадал. Образование сельское. Охотник-рыбак. До 1917 г. собственности не было. До 1929 г. имел три коровы, три лошади, две нарты собак, дом и надворные постройки. В 1931 г. лишён избирательных прав как кулак. На момент ареста 6 марта 1932 г. имел дом, три коровы, четыре лошади, нарту собак. Семеро детей: четверо сыновей и три дочери. В 1922 г. способствовал расколу населения Ключей на две части (сто сорок человек — за белых, и от тридцати до девяноста — за красных), после чего возглавил сторонников Приамурского правительства, участвовал в разгоне волревкома. Односельчанин Г. Порунов утверждал в ОГПУ, что «за ним пошло всё население, кроме русских. Партизаны за его активные действия и

• Владимир Васильевич Брагин

его близких лиц, как-то: Семишерова (купец, проживает в Петропавловске), Крупенина В., уполномоченный биричевского правительства (Петропавловск или Охотск), Вавилина (арестован по ст. 58, п. 6, в 1931 г.) хотели арестовать, но они все сбежали под видом охоты». Из справки сельсовета от 8 марта 1932 г.: «…Хорошо грамотен и был учителем в с. Карага, развит, наблюдателен, предприимчив. При царском строе и во время интервенции Б. дружил с царскими чиновниками и реакционным начальством, а также духовенством… Пользовался среди камчадал репутацией учёного человека и имел большое влияние… как имеющий связь с начальством. Пользуясь своим влиянием, Б. развивал среди камчадал религиозный фанатизм, был защитником всяких религиозных мероприятий — сборов на нужды церкви, хлопотал по церковным делам, по устройству церковных ходов, молебствий и прочего. В период упадка религиозности с 1925 по 1931 г… употреблял много усилий на поддержку религиозного культа: был несменяемым членом церковного совета и общины верующих, заботился об украшении церкви, икон, утвари. Под его влиянием старики-плотники безвозмездно перекрыли под железо всё здание церкви. Вёл агитацию среди населения о том, что не нужно отказываться от веры и христовой церкви, что всё равно вернётся старая власть или Камчатку заберут японцы, что японцы не будут преследовать православную веру, будут помогать камчадалам устраиваться самим без русских, и Камчатка будет только для камчадал, а японцы будут снабжать по-прежнему всеми товарами. Соболей будут ценить дороже, отменят норму на рыбу, юколу, японцы будут лучше уважать камчадал, нежели русские. Натравливал камчадал на приезжих русских, говоря, что русские “мурки” всегда притесняют камчадал… Благодаря агитации Б. община верующих в течение четырёх месяцев оттягивала вопрос о передаче церкви… На охоту Б. ездил часто и всегда очень удачно. Как во время охоты, так и в поездках, Б. всегда интересовался местностью и дорогами, он так хорошо изучил местность западного и восточного берегов, что считается лучшим знатоком местности, и все наиболее ответственные экспедиции всегда брали его проводником…» В 1931 г. Б. якобы говорил председателю сельсовета Г. Щенникову: «Какие-то лентяи-коммунисты захватили власть и издеваются над народом. Они вводят крепостное право. Сейчас живётся хуже, чем когда-либо жилось. При царе всё было». 8 июля 1932 г. Тройка при ПП ОГПУ ДВК приговорила его по ст. 58-10

- Ирмна Владимировна Кречетова-Брагина и жена Владимира Васильевича – Фрея Васильевна Коллегова-Брагина

• Витя (???)

• отец, брат Мей Вас. сын Вас.Вас. Николай (???)

УК РСФСР к трём годам концлагерей. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.».

Брагин Владимир Петрович. 1888 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: незаконченное высшее; б/п; был зубным врачом; место проживания: Усть-Камчатский р-н, с. Усть-Камчатск. Арест: 26.04.1933. Осужд. 05.06.1933. Усть-Камчатское РО ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено по ст. 4 п. 1 УПК (покончил жизнь самоубийством под арестом). Реаб. 25.04.1958.

Основная вина перед Советской властью — «делегат мильковского трёхволостного съезда, избранный на съезде Завойкинской волости 27 марта 1922 г. Сын купца второй гильдии» (В. Пустовит, Камчатские персоналии…).

Брагин Влас Ильич. 1881 г. р. Место рождения: ДВК; камчадал; место проживания: ДВК. Арест: 1938. Осужд. 21.04.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. покушение на шпионаж Расстр. 08.07.1938. Реаб. 11.05.1989.

Брагин Дмитрий Кирьянович. 1879 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование: малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арест: 06.03.1937. Осужд. 10.08.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 22.08.1938. Реаб. 29.12.1960. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда. Его вина – «Якобы утверждал, что с захватом Японией Камчатки жизнь станет лучше» (В Пустовит, Камчатские персоналии…).

• Брагин Владимир Васильевич с женой Фреей

Брагин Емельян Иннокентьевич. 1881 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место прожи-

вания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 02.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Брагин Иннокентий Николаевич. 1897 г. р. Место рождения: ДВК; камчадал; место проживания: ДВК. Арест: 1938. Осужд. 11.05.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. покушение на шпионаж. Расстр. 05.06.1938. Реабилитирован в мае 1989.

Некоторые подробности об одном из репрессированных и членах его семьи мы получили на форуме сайта «Камчадалы.ру» от Людмилы: «Моя бабушка — дочь репрессированного Брагина Матвея Прокопьевича, камчадала из Гижиги.

Для начала я стала изучать историю самой Гижиги, пообщалась с некоторыми жителями через социальные сети, коекто, оказалось, знал моего двоюродного прадеда Данилова Семена Ивановича. Выяснила, что мои предки по бабушке все из Гижиги, камчадалы. Это Нифантьевы, Даниловы и Брагины. Насколько я знаю в книге “Камчадалы Магаданской области” упоминаются Брагины, но почему-то там мой прадед М.П. Брагин числится как из мещан, а также меня там заинтересовало имя Брагина Прокопия Прокопьевича, купца 1-й гильдии из Гижиги. Кто знает, может и он мой предок. Знаю, что М.П. Брагин был репрессирован в 1938 г. и расстрелян, его имя есть в КП. Пока я только получила архивную сравку из ФСБ, т. к. еще не могу доказать с ним родство и посмотреть его личное дело. Он проходил по делу Дальстроя, арестовали его ночью, а при обыске искали в доме даже золото (это со слов бабушки). Женат мой дед был на камчадалке Даниловой Анне Ивановне, которая уже после войны переехала в п. Ола. Вот имена их детей — Брагина Анна Матвеевна (моя бабушка), Брагин Май Матвеевич, Брагин Эдуард Матвеевич. У Мая и Эдуарда семей не было. В Гижиге много однофамильцев Брагиных, пока ни с кем из них родственных связей я не вижу. Но если мои предположения на счет купца П.П. Брагина верны, то я с удовольствием послушаю ваши комментарии и советы. А еще знаю, что М.П. Брагин бы одним из первых коммунистов, но пока это еще не подтверждено документально. Выше было сказано по поводу репрессий, я согласна, что действительно уничтожались лучшие. Например, из моих Нифантьевых были репрессированы четверо, а среди них были и купцы (Осип Федорович Нифантьев) и зажиточные оленеводы. У меня сохранилась статья из Магаданской газеты, где мой дв. прадед С.И. Данилов, много лет работавший в областном краеведческом музее Магадана, писал как раз о репрессиях в Гижиге и всему району». Небольшой наш комментарий о мещанах: купцы, торговые люди тоже относились к мещанству, то есть попросту были горожанами (либо нижнекамчатскими, либо петропавловскими, либо анадырскими: например, Брагин Павел Матвеевич, мещанин с. Анадырь, 72 года, его сын Иосиф Павлович (32 года) и внук Андрей Иосифович, 3 года). (*Исповедальная роспись Анадырской Николаевской церкви за 1893 г., ГАКК*).

«Боль души, потерянная родина», — такими воспоминаниями о судьбе членов своей семьи поделился Владимир Васильевич Брагин (1930 г. р.), очерк печатается в сокращении, рукопись хранится в Камчатском краевом государственном архиве, полностью материал опубликован в сборнике «Вопросы истории Камчатки» № 7, 2014 год.

Боль души, потерянная родина

«В излучине реки Камчатки, где впадает река Белая, стоит крест, поставленный Атласовым – российским первопроходцем.

Здесь река поворачивает с запада на восток. Ниже в 1,5 км стояло селение Кресты – теперь его нет. Здесь родилась моя мать – Кречетова Ирина Владимировна, 1910 года рождения.

В Крестах тогда жили Артеменко, Бобылев, Коллеговы, Чудиновы, Кречетовы, Тетерин, Власовы, Удачин, Баженов, Клочев, Третьяковы, Рыковы.

А ниже в 35 км стояло знаменитое селение Ключи, которое получило свое название от природы: по всему периметру Ключей бьют ключи. Река в этом районе круглый год не замерзает.

Фамилии камчадалов в Ключах – Ушаковы, Удачины, Коллеговы, Брагины (5 семей), Бобряковы, Юрьевы, Столяровы, Сновидовы, Кречетовы, Васильевы, Михайловы, Селивановы, Портнягины, Тюменцевы, Ясневы, Григорьевы, Богомоловы, Пузаковы, Жиганщины, Курдюмские, Поповы, Греченины, Буяковы, Толстихины, Грузных, Галямовы, Москвитины, Чудиновы.

Дома здесь были построенные в начале XX века из лиственницы, покрыты железом или корой лиственницы. Камчадалы были очень приветливыми и гостеприимными людьми. Воровства, мошенничества вообще не было. Ни в селениях, ни в тайге. Вели коллективный образ жизни.

Рассказывают, в 1929 г. была создана геологическая партия по поиску нефти и газа. Так как лучше Брагина Василия Кирьяковича никто не знал западный и восточный берег Камчатки, его взяли проводником.

Вулканы Ключевская сопка, Камень, Безымянный. Фото Фредерика Баумгартена

Все местные камчадалы до 1930 г. занимались охотой и рыбалкой, больше никакой работы не было. Когда привезли рабочих Ключевской ДОК строить, оказалось, что кормить нечем, тогда попросили камчадалов Селиванова В. Г., Грузных и Брагина Василия Васильевича заготовить для них мяса. Они втроем за октябрь месяц убили 90 медведей. Верхом на лошадях вывезли. Охотились в Маимле (приток реки Озерной-восточной). Там на мысу они сделали баню, теперь это место называется “У бани”. Об этом мне рассказал дед – Селиванов Василий Григорьевич. Сейчас бы этих стариков поднять, посмотреть, что сделали с их родиной за 70 лет леспромхозы. Без леса обмелела река Камчатка, не стало проток, речушек, заболоченных мест. Это трагедия для Камчатки и для всей дикой природы. Это надо увидеть и понять.

Ключи – место красивое. На юге гряда с Ключевским вулканом – по местному сопкой. Но севере – Шивелуч. Природа наградила край богатством. Леса с деревьями разных пород, озера, речушки, протоки, тундра, горы.

Вода в реках еще в 1950-х гг. кипела от рыбы. Уже в марте начинала рыба метать икру. Зимовало много уток, лебедей. В лесу было много глухарей, водилась куропатка. Охотники били соболей, лисиц, зайцев, горноков, росомах, выдр, оленей, баранов, медведей. Так природа наградила камчадалов для жизни.

Ключевские Брагины:

Брагин Василий Кириакович, 1886 г. р. Жена Валентина Алексеевна Косыгина, детей семь человек:

Брагин Василий Васильевич, 1910 г. р.

Брагин Мей Васильевич, 1915 г. р.

Брагин Кирьяк Васильевич, 1918 г. р.

Брагина Александра Васильевна, 1920 г. р.

Брагина Евдокия Васильевна, 1927 г. р.

Брагина Лидия Васильевна, 1929 г. р.

Брагин Николай Васильевич, 1932 г. р.

Дед Василий Кирьякович и сын Василий Васильевич имели крупное хозяйство: лошади, 2 нарты собак, крупный рогатый скот, свой капитальный дом 9 на 15, покрытый оцинкованным железом, скотный двор, амбар, коптилку, баню, рабочий кунгас, два бата, рыболовные сети, сепаратор.

Но ничего, кроме унижения в будущем, не удалось увидеть тем, для кого все это хозяйство наживалось.

Как все это перенести человеку, который все это создавал своим трудом?

22 марта 1932 г. деда посадят и увезут на материк раз и навсегда. Как все это душевно перенести знал только он, наш дед. Он ведь раньше не только вел свое хозяйство, но и преподавал в свое время в школе, на севере, в Вывенке, а потом некоторое время в Ключах. В 1915 г. представлял Камчатку на съезде в Маньчжурии, в Харбине. Он и на охоте отличался, добывая до 35 соболей на р. Чажме против 3–5 соболей у тех, кто охотился вблизи дома.

У него дочь Шура училась только на пятерки и стала учительницей. Она приехала к деду в Красноярск в конце тридцатых годов, здесь же, у деда, она и скончалась. А дед дожил до дня Победы – умер 9 мая 1945 г., так и не узнав больше о том, как живут его потомки.

А они не уронили семейную честь. Жили мы в дедовой бане – сначала 12 человек, а потом родилось еще четверо, в том числе мои братья Николай (34 г. р.), Анатолий (35 г. р.) и сестра Людмила (38 г. р.).

Дед написал, что виновным себя ни в чем не признает. Отсидел три года и был отправлен на вечное поселение в Красноярск.

Его сын, Брагин Василий Васильевич, работал старшим рабочим на Ключевской вулканстанции с Софьей Ивановной Набоко и вместе с ней в числе самых первых поднялся на Ключевской вулкан. Именно Василия Васильевича Брагина опускали в кратер вулкана для взятия проб. Об этом рассказал мне мой отец в 1963 г., когда мы впервые встретились после 26 лет разлуки. Отец потерял семью, отсидел 10 лет, но остался человеком. После тюрьмы он был сослан в Краснодарский край на вечное поселение с ежемесячной отметкой в милиции. Эту процедуру я наблюдал собственными глазами, когда в дом к отцу пришел лейтенант милиции и спрашивал о нас, что это за люди.

– Мои дети, – ответил отец, – приехали специально с Камчатки, чтобы встретиться со мной через 26 лет.

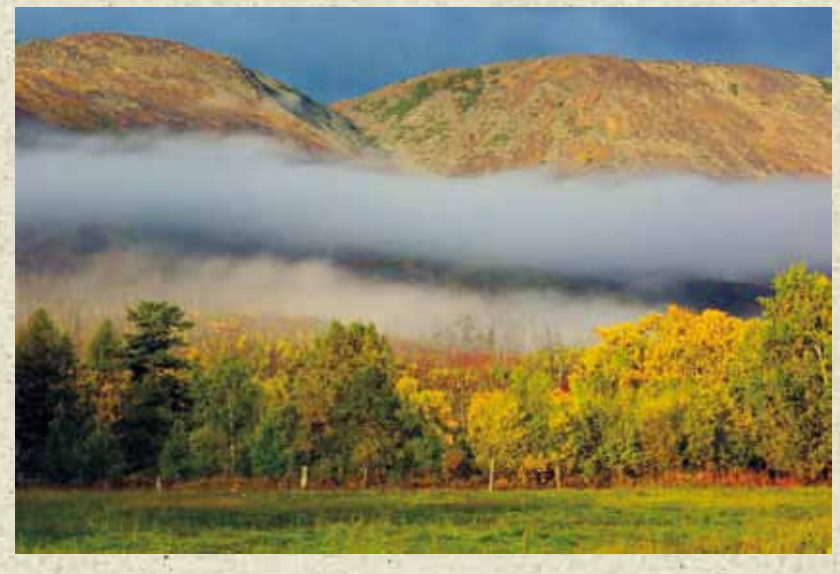
...Сентябрь 1937 г., когда отца забирали, был пасмурным. Так началась и наша новая жизнь – пасмурная и тяжелая. Его забрали в пять утра. Я проснулся, а сестра Анна спрашивает, где папа. Я заплакал: опять меня не разбудили сетку проверять. У нас с отцом стояла сетка у Конопленки, и мы ее по утрам проверяли. Вот я и думал, что отец ушел без меня. Утром пошли с мамой к милиции. Тогда еще не было рыбкооповских складов, а был стадион военных – они обучали там коней. Лошади ходили по квадрату и исполняли команды тренера, которые он давал: лечь или встать.

Тюрьма была за стадионом. В ней было небольшое отверстие вверху, оббитое обручным железом, выше человеческого роста, так что заключенный, подтянувшись на руках, мог нас видеть и разговаривать.

Отец поднялся, плачет. Мы тоже заплакали, а долго разговаривать нельзя. Народу собралось много, нас потеснили. Потом заключенных вывели на прогулку, человек пятьдесят, у всех руки назад. Начальником тюрьмы был Морозов, часовым – Юрьев. Морозов курил трубку, трубка была красная, изогнутая, на конце чертик с бородой.

Сказали после развода, что завтра, в 8 утра, их отправляют. Утром пришли на пирс, а их увезли ночью. Народ стоял и плакал. Эту картину я запомнил на всю жизнь.

Но и у Морозова была своя трагичная судьба, да и Юрьев прожил недолго.

Долина реки Уксичан, Быстринский парк. Фото Фредерика Баумгартена

Отец до ареста начал строительство дома. Поставил сруб, приготовил стропила, пиломатериалы и задолжал три тысячи рублей. Была нарта собак, телки. Мамаша все распродала, чтобы расплатиться. Остались мы ни с чем, и вот тогда нам мамаша сказала: “С голоду подыхайте, но чужого не троньте!”

Думаю, мы достойно прожили свою жизнь.

Из трех братьев Брагиных никто не курил.

Когда с долгами рассчитались, встал вопрос о работе, но не было паспорта. Мамаша пошла в милицию, а там ей сказали: измени фамилию на девичью, тогда паспорт выдадим. Она отвечала: а если приедет муж, тогда что?

– Ваш муж, – сказали ей, – никогда уже не приедет. – И ей полтора года не выдавали паспорт, но матушка не изменила фамилию, за что мы ей все благодарны.

Жили случайными заработками у людей: матушка уходила из дома в 5 утра, возвращалась в 12 или в час ночи. Уйдет – мы спим, придет – мы спим. Зарабатывала до 5 рублей. Неделями не виделись. Когда дали паспорт, поступила в больницу в родильное отделение санитаркой. Оклад 165 рублей старыми деньгами. Прорабатала там 15 лет на одном месте. Из-за маленького оклада отпуск никогда не брала. За троих платила в яслях 75 рублей, остальные несла домой. Северных надбавок не платили, так как она местная.

Так мы и росли – голодные, полураздетые, в бане.

К 43-м годам своей жизни матушка вся выработалась.

Сестра Анна, покойная, была старшей среди нас. Все домашние дела легли на ее плечи. Сварить, убрать, посуду помыть, в бане прибрать. Училась в школе, закончила школу, семь классов, семь почетных грамот, кроме «отлично» никаких оценок не было. По мужу Анна Васильевна – Сокоренко. Работала метеорологом в Ключах, Усть-Камчатске, Петропавловске. Умерла в 1975 г.

...Фамилию Брагиных лучше было не вспоминать. В 1938 г. первым руку дружбы протянул дед Волков, Иван Артемьевич. Я сдружился с его сыновьями – Александром, Василием, Артемием, Николаем. Волковы – сибиряки, мы, камчадалы, жили с ними дружно, благодаря им стали людьми во всех отношениях. Никто в жизни так не помог, как они, совершенно чужие люди, сибиряки.

В 1939 г. встретились и познакомились с Аликом Толстихиным (1926 г. р.), сыном учителя Толстихина (тигильского камчадала), который преподавал литературу в Ключевской школе.

Где-то в 1940 г. к нам пришел милиционер, посмотрел, как мы живем, сказал матушке написать заявление, чтобы отобранный дом вернуть, мама не стала ничего писать. Так в этой бане я прожил до 1958 г.

В 1945 г. я пошел в школу ФЗУ. На меня обратил внимание Георгий Игнатьевич Попов, который знал мою маму (она принимала роды у его жены). Благодаря ему я попал в группу электриков. Это и определило всю мою дальнейшую жизнь. Был и шофером, и трактористом, слесарем, лебедчиком – на сплаврейде Ключевского ДОК.

В 1958 г. 26 октября поженились с Фреей Васильевной Коллеговой (1932 г. р.). Какую мы с ней жизнь прожили! Всем на зависть.

В 1963 г. в первый раз в жизни поехал в отпуск. Отцу ничего не сообщал. В общем, прибыли мы в Камышеватку Ейского района. Не доехали до дома отца, я говорю шоферу: остановись. Он остановился, я вышел, подхожу к дому отца. Стоит жена отца, я говорю: “Василий Васильевич здесь живет?” Она на меня посмотрела и говорит: “Ведь ты Володька – копия батьки”. Я спрашиваю, где батька? “Он, – говорит, – пошел на море нервы успокаивать”. Я спросил, в чем дело. Оказывается, он только что проводил своего брата Мея Васильевича.

...Брагин Мей Васильевич, жена Чуркина. Жил в Козыревске, 10 человек детей. Работал в рыбнадзоре, затем начальником Заготпушнины. Погиб трагически.

Брагин Кирьяк Васильевич, жена Катя Боровик, детей не было. Его призвали в армию перед войной. Учился на курсах младших командиров под Комсомольском-на-Амуре. Началась война. Их перебросили на фронт под московский город Серпухов. Там принял первый бой. Были очень тяжелые бои на Курской дуге. Освобождал Киев, освобождал Белоруссию. Брал Варшаву. Участвовал в битве за Берлин, был сфотографирован у Брандербургских ворот, освобождал Прагу. Участвовал в уничтожении “лесных братьев” на Украине.

Награжден боевыми орденами. Вернулся на Камчатку. До 1960 г. работал в Усть-Камчатске районным инспектором связи, пока кто-то не сообщил, что он сын врага народа. С работы снят, из партии исключен. Вернулся в Ключи, работал на сплаврейде. После войны у него родилось двое сыновей.

Брагина Александра Васильевна. С отличными оценками закончила школу и была назначена учителем начальных классов. Но она прожила недолгую жизнь.

Брагина Евдокия Васильевна, стала финансистом. Муж – полковник госбезопасности, сын работал в лаборатории по исследованию причин авиакатастроф. Брагина Лидия Васильевна – без экзаменов была принята в Киевский политехнический институт со стипендией. Но пришло сообщение из Козыревска, что она дочь врага народа. Стипендию отобрали. Благодаря брату Кирьяку закончила институт и работала ведущим конструктором на Кутаисском автозаводе. Имела сына и дочь. Тоже рано ушла из жизни.

Последний раз встретились с ней в Камышеватке у отца. Спросил: “Почему не приезжаешь на родину?” “Не хочу, – ответила, – больше слышать унижения и упреков”.

Брагин Николай Васильевич. Жил в Козыревске, сейчас его уже нет в живых. Остались двое детей: Ольга и Игорь. Оля после института работала на телевидении. Игорь закончил школу с золотой медалью, а затем институт радио-электроники.

...Родовую фамилию Брагиных не опозорили!»

Поселок Ключи, 1980 г.

Быстринский парк. Фото Фредерика Баумгартена

БУРДУКОВСКИЕ

Камчатские и аляскинские Бурдуковские ведут свой род от лальского мещанина Василия Петровича Бурдуковского. Русский промышленник много путешествовал и на своем веку повидал немало, но старость предпочел встретить на полюбившихся Командорах. Он привез на о. Медный молодую жену, аттинскую алеутку Меланью, и вскоре немноголюдное островное сообщество пополнилось первым поколением креолов Бурдуковских.

Сколько было рождено детей, доподлинно неизвестно. Создается впечатление, что после смерти мужа Меланья покинула Командорские острова и вместе с младшими детьми отправилась на поиски счастья в восточные земли РАК. Не исключено, что конечным пунктом стал Новоархангельск (совр. Ситка). Но когда дети выросли и обзавелись собственными семьями, некоторые из них решили вернуться.

Правопреемником Василия стал старший сын Петр (ок. 1819 г. р.). По всей видимости, он никогда надолго не покидал пределов своей малой родины, Командорских о-вов. С той же уверенностью можно утверждать, что одной из дочерей была Акулина (ок. 1826–1903). В 1845 г. Акулина Васильевна обвенчалась с Михаилом Паньковым (ок. 1809 г. р.), свадьбу сыграли в Новоархангельске. Позже семья переехала на о. Беринга, в исповедную роспись 1867 г. она включена как алеутская. На службе РАК состояли также Александр Васильевич (ок. 1830 г. р.) и Руф Васильевич Бурдуковские. В 1850-х – начале 1860-х гг. Александр работал в Новоархангельском порту и в 1857 г. женился на креолке Агафье Семеновой. Руф служил в Уналашкинском отделе, где в том числе исполнял обязанности церковного старосты. В 1857 г. его определили байдарщиком в селение Шишалдинское на о. Унимак — вместо уличенного в попытке сбыта пушнины иностранному судну Ивана Нозикова (Ножикова). Руф был женат на Улите Говорухиной. Можно предположить, что они оба приходились Меланье сыновьями, но этот факт нельзя считать доказанным.

В середине 1880-х гг. на о. Беринга жили еще четверо Бурдуковских: Александр Степанович (1862–1916), Иван Степанович (ок. 1859–1900) и Денис Степанович (ок. 1862–1916), с ними была их мать, старуха-креолка Агафья Федоровна (ок. 1829–1901), вдова от второго

• Петр Бурдуковкий, о. Беринга. SIA2016-006806 (Box 31. F. 9) - тут надо как-то по правилам подписывать источник

брака, также носящая эту фамилию. Но при внимательном изучении документов 1860-х гг. выясняется, что дети были рождены в первом браке, и их отцом был рано ушедший из жизни алеут Степан Анисьев (ок. 1835 г. р.). Помимо трех мальчиков в семье росли две девочки: Федора (ок. 1854–1916) и Любовь (1864 г. р.). Федора Степановна стала женой Ивана Петровича Яковлева (ок. 1854–1898), Люба, скорее всего, скончалась в младенчестве. В 1886 г. Агафья Федоровна воспитывала своего внука Степана (ок. 1877 г. р.) — сына Федоры и Ивана Яковлевых и племянницу Ольгу Венедиктовну Бадаеву (ок. 1879 г. р.). Как получилось, что все дети сменили фамилию на фамилию отчима, а сам этот человек не отмечен ни в одном из документов, остается загадкой. Но поскольку ни Анисьевы, ни рассматриваемая ветвь Бурдуковских в писках Гребницкого не упоминаются, можно предположить, что женщина с детьми уезжала и вернулась на Командоры в начале 1880-х.

Во второй половине — конце XIX в. род беринговских Бурдуковских был крепким и многолюдным. Одной из его отличительных черт было долгожительство: основатель рода дожил почти 90 лет, двое его детей — до 78 и 80. Продолжительность жизни внуков и внучатых племянников сократилась до 50–65 лет, но поскольку их старость пришлась на период экономического кризиса, этот показатель следует считать достаточно высоким. Скверные бытовые условия и неполноценное питание усугублялись свирепствующим туберкулезом и другими завезенными болезнями, у рожденных на стыке веков младенцев практически не было шансов выжить. У братьев Александра и Дениса, рождалось много детей, но почти все они умерли в младенчестве. Наиболее стойкими оказались девочки, та же закономерность была присуща и другой ветви. Как следствие, число носителей фамилии неуклонно сокращалось.

В 1970 г. в возрасте 67 лет ушла из жизни Антонина Илариевна – последняя жительница о. Беринга, унаследовавшая родовую фамилию Бурдуковских. Но ее дальние родственники на о. Св. Павла (Прибыловы о-ва, США) на тот момент еще здравствовали.

Бурдуковский Василий Петрович (ок. 1754 – 1842 или 1843).

Василий Петрович Бурдуковский известен как лальский мещанин, служивший в Атхинском отделе Российско-Американской компании и с 1805 по 1812 г. робинзонивший на Командорских островах в составе бригады Шипицына.

Василий родился в Лальском посаде Велико-Устюжской провинции Архангельской губернии (позже посад получил статус города в составе Вологодской губернии, сегодня это поселок Кировской обл.) приблизительно между 1752 и 1755 годами. Впервые юноша посетил о. Беринга в возрасте 18 лет — т.е. не ранее 1870 г. и не позднее 1873 г. В эти годы на Командорских островах промышляло 5 судов различных русских промысловых компаний, поэтому вычислить, на каком из кораблей заходил Бурдуковский, не представляется возможным. По семейной легенде, во время этого похода «били еще морских коров» и сыровали почки, а также умели истончать шкуру до такого состояния, чтобы делать из нее обтяжку для байдар. Правда ли это? — вполне вероятно. Американский зоолог Л. Стейнегер категорически отрицал тот факт, что промысловик мог видеть живых сирен. Как бы то ни было, Василий знал об этом удивительном вымершем исполине гораздо больше, чем любой из командорских старожилов. Даже если предположить, что он не встречал животного лично, юношей он трудился бок о бок с теми, кто знал о морской корове не понаслышке.

В 1790 г. Василий ходил на судне «Св. Иоанн Предтеча» компании Шелихова (мореход Данила Широких) и промышлял на Лисьих островах, а затем – на островах Прибылова. В 1793 г. судно разбилось возле о. Св. Павла. Груз был вывезен на галиоте «Св. Симеон и Анна», и не исключено, что Бурдуковский ушел вместе с ним.

В 1805 году началась известная командорская «робинзонада»: штурман Я.Е. Потапов высадил на о. Медный промысловую артель во главе с байдарщиком Федором Шипицыным, и на протяжении семи лет изолированный архипелаг не посещало ни одно судно. В числе одиннадцати мужчин-промысловиков был и наш герой. Следующий заход судна Российско-Американской компании состоялся только в 1812 г. Первые три года команда промышляла на о. Медном, затем перебралась на о. Беринга, но через год снова вернулись на о. Медный. По одной из версий, во время поездки на о. Беринга бригада оставляла для надзора за добытой пушниной именно Петра Бурдуковского. Это утверждение выглядит вполне правдоподобным, но к сожалению, дальше автор этого утверждения смешал две истории: робинзонаду Петра Бурдуковского на о. Медном (1 год) и Якова Мынькова на о. Беринга (3 года).

Что именно произошло с Петром в 1812 г., доподлинно не известно. Не исключено, что Бурдуковский был тем единственным вывезенным с острова промысловиком, о котором писал штурман брига «Финляндия» И.Ф. Васильев: «один только из них за болезнию просил меня взять его с собою в Охотск, на место же его выискался охотник из наших промышленников». Это объяснило бы, каким образом Василий смог в 1812 г. жениться на алеутке Меланье Петровне, воспитаннице главного тойона Ближних островов Тихона Дорофеевича Голодова. Очевидно, у супругов была очень большая разница в возрасте, поскольку на момент заключения брака жениху было около 58 лет.

В браке родились дети-креолы, из которых доподлинно известны имена только двоих: Петра (1819–1899) и Акулины (ок. 1826–1903). Вероятно, был еще Александр (1830 г. р.). Лисьевский креол Руф Васильевич Бурдуковский выбивается из общего ряда, возможно, причина лишь в том, что он встретил судьбу на других островах и потерял связь с семьей.

Жизнь Василия Петровича была долгой и насыщенной. По свидетельству переехавшего в 1847 г. на о. Беринга тотемского крестьянина Федосея Даниловича Волокитина, старик дожил до 90 лет (по утверждению сына Петра — до 88) и скончался в окружении родных и близких в 1842 или 1843 году.

Возможно, не все истории Василия были правдивы, возможно, обросли легендами и дошли в искаженном виде. В любом случае, это была яркая выдающаяся личность, человек, наделенный ясным умом и недюжинным здоровьем. Василия Бурдуковского можно по праву считать «патриархом» Командорских островов.

Бурдуковский Петр Васильевич (ок. 1819–1899).

Петр родился на о. Медном в семье одного из командорских «робинзонов» — Василия Петровича Бурдуковского. Его матерью была аттинская алеутка Меланья Петровна. Когда мальчик появился на свет, отцу исполнилось 65 лет, а возможно и больше. Со временем семья перебралась на о. Беринга, это произошло не позднее 1830 г.

Как и свой отец, Петр прожил долгую насыщенную событиями жизнь промысловика: заведовал отгонами котика, исполнял обязанности старшины острова. Все это время он пользовался большим авторитетом у односельчан и местной администрации. Если кто-то и мог дать исчерпывающую информацию о природе Командор, так это наш продолжатель рода «командорского патриарха».

Один из рассказов Петра Васильевича лег в основу утверждения профессора Норденшельда о том, что дата полного вымирания морской коровы должна быть перенесена с 1768 г. на более поздний срок. Петр хорошо помнил рассказы отца, как русские промышленники били гигантов в прибрежных водах и сыровали их почки. Он отчетливо представлял технологию обработки шкуры: для изготовления обтяжки байдар она не расцеплялась, а «худела» (истончалась).

Ему принадлежат и другое опубликованное свидетельство – о том, что в середине XIX века в районе Командорских островов почти ежегодно наблюдались большие массивы приходивших с севера дрейфующих ледяных торосов. Стейнегер отнесся скептически к обоим утверждениям, и напрасно. Климатологические наблюдения Бурдуковского невольно подтвердил К. Хлебников: «Льды [на о. Беринга] приносятся при W и NW ветрах в генваре и феврале, иногда очень много». Вслед за ним, отмечая изменение направления теплого течения Куросио, доктор Слюнин отмечал: «…30 лет тому назад (1860-е) зима на Командорских островах была гораздо холоднее; бухта у сел. Никольскаго замерзала до Арьего камня…».

Жену Петра Васильевича звали Анисия (ок. 1816 г. р.). Она стала матерью 13 детей-креолов, имена большинства из них известны: Петр (ок. 1844–1909), Анна (1840 или 1846 – 1896, в замуж. Еранская), Василий (1849–1913), Иван (1851 г. р.), Алексей (1852–1853), Мирон (1854–1915), Самуил (ок. 1857 г. р.), Екатерина (ок. 1857 – 1932, в замуж. Григорьева), и Тимофей (1862 г. р.). По всей видимости, была еще умершая в младенчестве младшая дочь (ок. 1862 г. р.) и Тимофей-младший (ок. 1867–1898).

Петр Васильевич скончался 26 сентября (юл.) 1899 г. во время эпидемии кори. Если бы не выкосившая седьмую часть населения островов тяжелая инфекционная болезнь, старик мог бы дожить до солидных лет своего отца.

Бурдуковский Денис (Дионисий) Степанович (1862–1916).

Денис родился 19 августа (юл.) 1862 г. в семье алеута Степана (ок. 1835 г. р.) и креолки Агафьи Федоровы (ок. 1829–1901) Анисьевых. У мальчика было два старших брата: Александр и Иван, и две сестры: Федора и Люба. В 1866 г. все жили на о. Беринга, но вскоре отец умер а мать,

- Бурдуковская-Панькова Акулина с сыном Константином и невесткой Зиной. SIA2016-006807 (Box 31. F. 9) - тут надо как-то по правилам подписывать источник

скорее всего, отправилась с детьми искать счастья в других землях. Она вышла второй раз замуж — за некого Бурдуковского, предположительно, одного из братьев Петра Васильевича. Как складывалась их жизнь, доподлинно неизвестно, но все мальчики взяли фамилию отчима.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. семья вновь обосновалась на о. Беринга. Старшие обзавелись собственными семьями, а старухамать помогала воспитывать внуков. Среди ее воспитанников была и племянница — Ольга Венедиктовна Бадаева (ок. 1879 г.р.). Создается впечатление, что в девичестве Агафья носила именно эту фамилию.

В 1882 г. Денис сопровождал Леонарда Стейнегера во время похода на шлюпке вокруг о. Беринга: «Кроме одного служащего торговой компании, …команда состояла из местных жителей, имеющих от шести до семи восьмых алеутской крови, …Денис Бурдуковский, Евграф Григорьев, Василий Мальцов, Гаврила Паньков и Григорий Старцов — все были молодыми людьми в возрасте от 20 до 30 лет». После того как маленький отряд обогнул северо-восточный мыс острова, решили сделать привал в летнем селении Саранном. Зоолог остановился на ночлег в «чистой юрте семейства Бурдуковских». К сожалению, Стейнегер не указал, кому именно принадлежала юрта: братьям Дениса, Петру Васильевичу или его детям.

Денис взял в жены некую Анну Федоровну (ок. 1866 г. р.). В браке родилось не менее девяти детей, но почте все они скончались в раннем возрасте. Старшая дочь Екатерина (1889 г. р.) вышла замуж за Никиту Григорьевича Старцева (ок. 1884 г. р.).

Бурдуковский Владимир Тимофеевич (1889 г. р.).

Владимир родился 15 июля 1998 г. в семье Тимофея Петровича (1862 г. р.) и Рипсилии Никаноровны (ок. 1866 г. р.). Эта семья примечательна лишь тем, что при кажущемся обилии данных установить точные годы жизни главы семейства и выяснить хоть что-то о матери, носящей столь редкое имя, не представляется возможным. Из записи о смерти следует, что креол появился на свет в 1867 г., о браке – что около 1862 г., а из исповедной росписи 1867 г. – около 1863 г.

Согласно сохранившихся метрик, Тимофей родился 21 июл. (юл.) 1862 г., крестил младенца Федор Волокитин. Если верить данным гинекологических обследований командорских женщин, которые проводились в конце 1870-х гг. недавно назначенным управляющим Н.А. Гребницким, последняя беременность Анисьи наступила в возрасте 46 лет, что соответствует 1862 году. Гребницкого интересовал генетический аспект креолизации населения, поэтому работу он выполнял очень аккуратно и тщательно. Далее из метрических книг можно извлечь, что 16 июня (юл.) 1898 г. Тимофей Петрович скончался в возрасте 31 года от бугорчатки легких (агрессивная форма туберкулеза). В этом первая нестыковка — на тот момент ему должно было быть 35 полных лет. Но если допустить, что отец Владимира был самым младшим в семье, как объяснить тот факт, что в январе 1899 г. «почивший» шестью месяцами ранее Тимофей Петрович «воскресает» и женится вторым браком на Любови Михайловне Яковлевой (ок. 1883–1903)?!

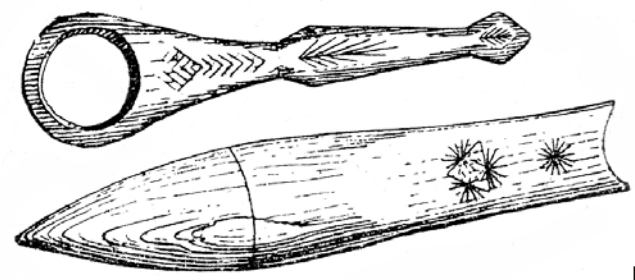
Этот «парадокс» можно объяснить лишь тем, что в семье росло два Тимофея, и оба – младшие. Возможно несколько сценариев. 1) их мать, Анисья, по какой-то причине утаила факт последней беременности. Но это маловероятно, поскольку на момент предполагаемых родов женщине было за 50. 2) Тимофей-II был внебрачным сыном Анны Петровны и внуком Анисьи. 3) Он состоял в иной форме родства и в переписях 1880–1890-х гг. указан под другой фамилией.

Поэтому с высокой степенью уверенности можно утверждать, что у Владимира был отец Тимофей-I, мать Рипсилия, а после ее смерти — мачеха Любовь. Кроме Владимира родились: Фекла (ок. 1885 г. р.), Фелицата (ок. 1886 г. р., в замуж. Мальцева), Анна (1891 г. р., в замуж. Шадрова), Людмила (1894 г. р.), Петр (1896 г. р.), а также Агния (1900–1902) и Федор (1902–1902). В каком родстве с перечисленными состояла «девица» Фелицата Тимофеевна, ставшая в 1904 г. женой Василия Васильевича Мальцева (ок. 1882 – 1947), сказать сложно.

Что до самого Владимира Тимофеевича, в 1908 г. он женился на Любови Яковлевне Поповой (ок. 1883 – 1916). Но женщина рано скончалась от чахотки, и на следующий год Владимир принял решение уехать вместе с двухгодовалым сыном Владимиром со злополучного острова на Камчатку, в селение Малый Ваям. В том же 1917 г. в соседнее селение Уку перебралась семья его сестры Анны (1891 г. р.), с нею были муж, Севастьян Егорович Шадров (ок. 1882 г. р.), и дочь Людмила. Ука показалась привлекательной еще для одной ветви большого семейства: вместе с мужем Иннокентием Игнатьевичем Березиным

и детьми туда переехала троюродная сестра Анны — Вера Александровна (1887 г. р.).

Но связь с Командорами не была прервана. В конце 1929 г. Владимир передал с островов два предмета в Хабаровский краевой музей. Это были алеутские игры: унида, также известная как калуба (колобах, калугах), и ухахчух. Первая была чрезвычайно популярна у медновских промысловиков. Упоминание о ней можно встретить в книге Барабаш-Никифорова: *«Калуба» — деревянная заостренная с одной стороны чурка, которую играющий должен подбрасывать таким образом, чтобы она, перевернувшись в воздухе, попадала острым концом в подставляемое деревянное кольцо»*. При составлении описания новопоступившего предмета консерватор и ученый секретарь музея Семен Яковлевич Сизых отразил небезынтересные моменты самого процесса игры: *«...левой рукой держат дощечку с дырочкой, а правой берут униду за плоский конец держа острием от себя, кидают поворотом руки к себе. Стараются ... чтобы брошенная унида задержалась в дырке. Тот, кто попал в дырку, дает всем играющим щелчки по рукам стараясь сделать как можно больнее»*.

Калуба

Второй предмет тоже состоял из двух частей: деревянной стрелки с зарубкой и метательной палочки с веревкой, завязанной на конце узелком. «Стрелку» брали в левую руку, протаскивали веревку через зазубрину, натягивали получившуюся «тетиву» при помощи зажатой в правой руке метательной палочки и сильным резким взмахом направляли свое копьецо в цель. Эта игра предназначалась детям. Она вырабатывала навыки сильного меткого броска будущего охотника.

Как можно заметить, все потомки Василия Бурдуковского были энергичны, деятельны и легки на подъем. Это — вторая отличительная черта рода, первой следует считать долголетие.

Бурдуковская Августа Мироновна (1893 г. р.).

Августа родилась в семье Мирона Петровича (ок. 1854–1915) и креолки Екатерины Ивановны, урожденной Ивановой (1862 г. р.). У девочки были старшие сестры: Анисия (ок. 1884 г. р., по второму мужу Ножикова) и Екатерина (1889–1940, в замуж. ?). Анна (1887 г. р.) и Августа-старшая (1891 г. р.) предп. умерли в младенчестве. Нянчился ли дедушка Петр со своими внучками? — наверняка, и с удовольствием рассказывал бесконечные истории из своей жизни, жизни отца и его товарищей.

Августа уехала на Камчатку еще до революции (не позднее 1916 г.). В период восстановления советской власти девушка партизанила в отряде, была знакома с зам. пред. губревкома И.Е. Лариным. Однажды Ага обнаружила склад с гранатами и, в своем простодушии называя смертоносное оружие «шариками», сообщила о страшной находке. В тот ли раз, или в другой островитянку контузило взрывом, в результате она частично потеряла слух. История умалчивает о приключениях алеуточки на Камчатке. Зная ее бойкий нрав, можно догадаться, что их было немало. В годы войны Августа вернулась на о. Беринга.

Островитяне вспоминают всеми любимую бабушку Агу как неутомимую труженицу. Она успевала все: и приготовить, и сделать все дела по дому, и постирать белье военнослужащим. Августа Мироновна была настолько расторопна, что нередко шутили, будто это не один человек, а две женщины-двойняшки.

В тундре, вокруг Столовых сопок, у нее везде были свои тайные тропочки. Идут женщины вместе за ягодами, глядь — баба Ага исчезла. Потом возвращается с полной котомкой: «Откуда?» — молчит.

Как-то раз бабушка Ага лакомилась морскими ежиками на мысе Китовом. В этом месте ежики всегда были крупнее, чем в Никольском. Расстояние в 7 с лишним км в один конец никогда не смущало энергичную старушку. Стоял хороший майский отлив, и женщина увлеклась сбором. Бабушка всегда носила большой платок, завязанный на спине узлом со свисающей кистью. Вдруг чувствует, ее кто-то за концы дергает, поворачивается — никого нет. Что за напасть? Пригляделась — а это маленькая нерпочка. Необычного такого окраса: желтенькая, по

• Бурдуковская Августа Мироновна и Тимошенко Вера Терентьевна, 1969 г.

• Бурдуковская Антонина Илариевна 1957 г.

• Пешкова Юлия Ивановна

спинке, как цветочки, черненькие колечки. Островитяне хорошо знают антура с пятнистой серебристой шкуркой, а вот акибка на Командорах — редкость.

Дочь потомственного промысловика не растерялась — тюк по носику, связала и потихоньку по воде поволокла в поселок. Несмотря на солидный возраст, старушка была ловкая и сильная. Зверь очнется по дороге – она его опять легонько оглушит. Так и дошла: «Вот, — говорит, какая нерпочка красивая, никогда такую не видела. Что мне делать? Мне только мясо нужно». Поселковые мужички оживились, но акибку забрал Мараков. Сразу освежевал, а мясо, как и обещал, принес бабушке.

Бурдуковская Антонина Илариевна (1903–1970).

Последним носителем фамилии Бурдуковские на Командорских островах стала Антонина Илларивна (Илларионовна) — правнучка Агафьи Федоровны, внучка Александра Степановича Анисьева-Бурдуковского и алеутки Дарьи Михайловны (ок. 1859 или 1867–1917).

Девочка появилась на свет 23 сентября (юл.) 1903 г. Ее матерью была долгожительница Юлия Александровна Бурдуковская (ок. 1882–1962). Имя отца неизвестно. Тоня воспитывалась в семье отчима, Федора Лаврентиевича Будакова (1891–1949), иногда жила у родной бабушки, Дарьи Михайловны Бурдуковской (ок. 1867–1917). Дедушка Александр Степанович скончался в 1916 г., Дарья Михайловна пережила мужа всего на год. Различные формы туберкулеза вкупе с другими легочными заболеваниями выкосили на стыке веков больше населения, чем это сделали годы войны. Беда не обошла и эту семью.

Антонина Илариевна официально замуж не выходила, но состояла в гражданском браке с бывшим беринговским священником, ставшим после революции служащим Дальрыбы Иваном Степановичем Пешковым (1877 г.р.). Говорят, его первая жена, Анна Михайловна, уехала с детьми во Владивосток.

У Антонины родились дети: Мария (прибл. 1924 г. р.), Михаил (1926 г. р., закончил мореходное училище), Петр (1928 г. р.), Юлия (1930 г. р.) и Григорий. Фамилию матери носила только Мария, остальные были по отцу Пешковыми. Кроме них у Антонины была старшая дочь — Дарья Федоровна Бурдуковская (1918 г. р.).

Семья уезжала во Владивосток, но после ареста Ивана Стефановича вернулась на остров.

ВЕНИАМИНОВЫ

Вениаминов Степан (Стефан) Евсевич, брат Иннокентия Вениаминова, святителя Иннокентия, епископа Камчатского и Алеутского, митрополита Московского и Коломенского. Встречается информация о том, что паратунские крестьяне Подпругины по материнской линии породнились с Степаном Евсеевичем. Возможно, так как у священника были дети, но подтверждения этой информации у нас пока нет.

«Для строительства Лесновской церкви в Камчатке вызвался священник из Качугского селения Стефан Вениаминов, родной брат священника о. Иоанна Вениаминова, находившегося в Америке. Стефан и сам был в Америке с братом в звании дьячка; там женился на туземке и в 1833 г. возвратился в Иркутск, где и принял от архиепископа Мелетия рукоположение в священника в Качугской церкви. Но когда последовал вызов в Камчатку, он изъявил желание опять подышать морским воздухом». Стефан отправлялся на Камчатку с женой и малолетним сыном. В 1840-х гг. был священником Лесновской, Паланской и Гижигинской церквей. Первые две построены под его непосредственным руководством. Паланская церковь освящена в 1845 г., ее принял у Вениаминова его ученик, бывший дьячок Лесновской церкви священник Алексей Лонгинов». (*Творения Иннокентия, митрополита Московского, книга вторая, М, 1887 г. Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня), стр. 73*).

«23 августа я духовно был порадован полученным в сей день от лесновского священника Стефана Вениаминова, что 18 апреля сего 1842 года окрещен им один чукча именем Чинник, не признающий подданства России, и известный камчадалам своею дерзостью и буйством, и который даже в самой Тигильской крепости беспокоил жителей; сей тот самый дикарь, страшный для северных жителей Камчатки, добровольно, сам собою, пришел к священнику и просил (и принял) святое крещение. Через несколько времени он привел еще четверых своих товарищей, которые также окрещены». (*П. Громов «Домашняя беседа», 1869, вып. 27, стр. 1165. http://www. kolyma.ru/magadan/history/ortodox_h.shtml*).

Епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, апостол Сибири и Америки Иннокентий с большой похвалой отзывался о деятельности своего брата и его ученика Алексея Лонгинова на камчатском севере.

ВЕРХОТУРОВЫ

Эта фамилия камчатских казаков сохранилась сегодня на полуострове только в названии одного из необитаемых островов Берингова моря — острова Верхотурова.

На Камчатке служили в начале XVIII века многочисленные казаки Верхотуровы — Федор, Андрей, Дмитрий, Осип и Петр.

Федор был приказчиком и погиб в стычке с коряками вместе с отцом Ивана Петровича Козыревского.

Осип, казачий сотник, известен тем, что был бит кнутом в Верхнекамчатском остроге, как один из виновников Харчинского бунта.

Верхотуров Петр Максимович, камчатский служилый, «большерецкий казачий сын», был участником экспедиции Шестакова-Павлуцкого, во время которой находился в числе экипажа бота «Св. Гавриил» «для починки парусов». Вполне вероятно, что он участвовал в плавании М.С. Гвоздева к берегам Америки в 1732 г., и совершенно точно, что он был участником 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга на пакетботе «Святой Петр».

Но в большую историю он вошел все-таки как участник промысловой экспедиции Емельяна Басова (1743 г.), открывшей эпоху промыслового освоения Русской Америки.

Позже он был участником плавания на судне «Св. Иоанн Предтеча» компании купца Афанасия Чебаевского: «отправившись на промысел в 1758 г., судно достигло о-ва Атту в 1760 г. Местному тойону алеутов был вручен указ Большерецкой канцелярии об утверждении его в этом звании и российском подданстве. Отношения с алеутами были, тем не менее, далеки от идиллических: так, за бесчинства, учиненные в отношении алеутов, мореход Верхотуров поплатился жизнью». (*Алексеев А. И. «Судьба Русской Америки», Магадан, 1975 г.*).

ВОЛОКИТИНЫ

Все командорские Волокитины являются прямыми потомками тюменского крестьянина Федосея Даниловича Волокитина (? – 1853). Федосей родился в деревне Луговской Троицкой волости Тобольской губернии. Он поступил на службу в Атхинский отдел Российско-Американской компании приблизительно в 1820-х гг. и там женился на местной уроженке по имени Анна (ок. 1797 г. р.). В браке родились дети-креолы, из которых известен только один — сын Федор. Федор выучился грамоте, работал писарем на о. Атке, а затем был переведен служить на Командоры. Вместе с ним в 1847 г. на о. Беринга переехала и его семья, в частности, отец и мать.

В 1850 или 1852 г. Волокитин-старший был уволен в колониальное гражданство и вскорости скончался. Супруга пережила Федосея Даниловича как минимум на 14 лет, воспитала внуков и едва не дождалась правнуков.

Волокитин Федор Федосеевич (ок. 1825–1888).

Федор Федосеевич родился ок. 1825 г. в семье русского промысловика и алеутки, вероятнее всего, уроженке о. Атки. Базовое образование мальчик получил в православной школе, организованной на этом острове в 1830-х гг. Приблизительно в это же время в школе учился другой будущий командорец Союза журналистов Москвы — Яков Хабаров. Становление обоих отроков проходило под чутким руководством священника Иакова Нецветова. По окончании школы Федор поступил на службу в Атхинскую контору и занимал должность писаря. Затем главным правителем компании М.Д. Тебеньковым был определен на Командорские острова.

В 1847 г. Федор вместе с отцом Федосеем и матерью Анной прибыл на о. Беринга. Скорее всего, вместе с ними приехала и молодая жена Федора — креолка Александра Степановна (ок. 1829 г. р.). Но не исключено, что брак был заключен уже на острове.

Первое время Федор Федосеевич состоял писарем при креоле Василии Ефимовиче Березине. Василий Ефимович занимал должность управляющего о. Беринга с 1847 по 1849 г. С 1850 по 1853 г. управляющим был олонецкий крестьянин Каргопольского уезда Осип Луговитинов. Следующий срок, с 1853 по 1860 г., отслужил тверской мещанин Андрей Гусев, его сменил тотемский мещанин Алексей Петрович Кузнецов. В скором времени Кузнецова отстранили от дел ввиду «умственного расстройства». И, наконец, с 1862 г. до момента ликвидации РАК обязанности управляющего были возложены на самого Федора Федосеевича.

Одновременно с этим на протяжении 18 лет — с 1847 по 1865 г. — Волокитин являлся старостой беринговской Иннокентьевской часовни. В отсутствие священнослужителя с благословения церкви Федор исполнял службы и нередко крестил новорожденных младенцев. В XIX в. это была обычная практика — новорожденных крестили миряне, а через год или два заезжавший на несколько дней батюшка завершал таинство миропомазанием.

За многолетний добросовестный труд Федор Волокитин был удостоен Похвального листа: «По Указу Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийское Новоархангельское Духовное Правление с утверждения Его Преосвященства Петра Епископа Нововоархангельскаго Сим Свидетельствует, что служащий Компании Креол Федор Волокитин будучи Часовенным Старостою Атхинскаго отдела на о-ве Беринг в продолжении восемнадцати лет, с 1-го Июля 1847 года по 1 Сентября 1865 года, исправлял сию должность честно, беспорочно и с похвалою. Законами повелено: Свод Законов Т. III «Того, кто получит похвальный лист запрещается понижать должностью» ст. 390 «Получивший похвальный лист занимает в Гражданском обществе первое после членов Магистрата место». В засвидетельствовании чего, на основании Высочайше утвержденнаго доклада Св. Синода в 17-й день Апреля 1868 года пункта четвертаго и дан ему, Федору

• Стрелковый кружок. АКМ ГИ. 4-й слева, верхний ряд – Волокитин Александр Федорович. Фото Ильиной 1937.

• Волокитина Наталья Ивановна (слева), Аксенов Александр Моисеевич, Добрынина Валерия Ивановна. Собрание АКМ. Фото С.В. Маракова

Волокитину сей лист от Ново-Архангельскаго Духовнаго Правления за подлежащим подписом и приложением казенной печати. Тысяча восемсот шестьдесят седьмаго года Марта двадцать второго дня». В июне 1864 г. Волокитин передал священнику атхинской Николаевской церкви Лаврентию Семеновичу Саламатову покорнейшее прошение об увольнении с должности часовенного старосты. Через год просьба была удовлетворена, и должность занял «вольный креол» Иван Иванов, заслуги которого перед островом были намного скромнее.

У Волокитиных была большая дружная семья. Александра Степановна родила 10 детей, 8 из которых дожили до совершеннолетия. Имена большинства из них известны: Любовь (ок. 1849 г. р.), Екатерина (ок. 1850 г. р.), Анна (ок. 1853 г .р.), Елена (ок. 1856 г. р.), Елизавета (ок. 1859 г. р.), Гавриил (ок. 1861 г. р.), Анна (1866 г. р.), Александр (ок. 1868 г. р.) и Федор (1871 г. р.).

Судьбы детей Федора Федосеевича сложились следующим образом:

Люба скончалась в 1880-х гг. и, вероятно, была бездетна. Екатерина (1851–1890) вышла замуж за Феоктиста Ивановича Корсаковского (ок. 1847–1915).

Анна Федоровна (ок. 1853–1916) была замужем дважды. Ее первым избранником стал гражданин Соединенных Штатов выборщик (браковщик) шкур Михаил (?) Роген (Роган). Второй брак был заключен в 1887 г., мужем Анны стал Лаврентий Родионович Будаков (1861–1925).

Елизавета Федоровна обвенчалась с почетным гражданином Георгием Георгиевичем Черных (ок. 1838 – 1888). Креол Георгий Черных, он же Егор Егорович, имел как русские, так ительменские и североамериканские корни. В 1847 г. был командирован с территории Русской Америки в Санкт-Петербург, где проходил обучение в Технологическом институте. Затем вернулся и служил в восточных владениях сперва приказчиком, а с сентября 1860 г. — бухгалтером Кадьякской конторы РАК. За заслуги перед отечеством Черных был удостоен звания почетного гражданина. Почти сразу после распада РАК на территории Штатов была образована торговая фирма, с 1869 г. под маркой «Alaska Commercial Company» арендовавшая пушные промыслы на о-вах Прибылова, и с 1871 г. под маркой «Гутчинсон, Кооль и К°» – на Командорах. Егор Егорович был зачислен в штат и как торговый агент

представлял интересы компании на о. Беринга, как минимум, с конца 1870-х гг..

Гавриил Федорович (ок. 1861 – ок. 1897) был женат дважды. Его первой супругой была дочь петропавловского мещанина Елена Михайловна Коршунова (ок. 1867–1888). Елена приходилась двоюродной сестрой служившему на о. Медном в начале 1890-х гг. священнику Николаю Коршунову. Брак был заключен в 1887 г., но продлился недолго — уже на следующий год Гавриил овдовел, а еще через один женился на медновской креолке Наталье Евгеньевне Артамоновой (ок. 1867 – 1899). Наталья родила ему: Федора (1890–1890), Евгению (1892–1944, в замуж. Колесниченко), Тимофея (1894 г. р.) и Гавриила (ок. 1896 г. р.). Гавриил был женат на вдове Анисье Николаевне Корсаковской, урожденной Шангиной (ок. 1895 г. р.). В середине 1920-х гг. Анисья взяла с собой малолетнюю дочь Евгению (1822–1958) и уехала на о. Медный к Александру Сергеевичу Сушкову (1886 г. р.). После смерти Анисьи Александр не оставил сироту, ее воспитанием занялась его гражданская жена Марфа Ефимовна Панькова. Последние девять лет жизни Евгения Гавриловна жила на о. Беринга.

Александр Федорович оставил после себя яркий след – он первым среди алеутов получил образование фельдшера, но наследников после себя не оставил. Главным продолжателем рода Волокитиных стал младший из сыновей, Федор Федорович. Именно благодаря этой ветви имя Волокитиных было увековечено в Алеутском районе в виде названия улицы.

Волокитин Александр Федорович I (ок. 1868 г.р.).

Сын Федора Федосеевича Александр, он же Александр Федорович I, вошел в историю островов как первый командорский алеут (креол), получивший медицинское образование. (Строго говоря, в 1860-х гг. на о. Беринга служил фельдшером и по совместительству писарем кадьякский креол Николай Александрович Ольгин (ок. 1843 г.р.), но он, по всей видимости, получил образование в Ново-Архангельске).

В 1877 г., сразу после назначения на должность управляющего, Николай Гребницкий обратился к арендовавшей на Командорах пушные промыслы компании «Гутчинсон, Кооль и К°» с просьбой. Он настаивал на том, чтобы «на Командорские острова был приглашен фельдшер и заведена аптека, а также выстроено хотя бы небольшое здание для больницы на случай появления заразных болезней». Компания откликнулась на предложение, и весной 1878 г. на острова были завезены медицинские инструменты и лекарства. В этом же году был заготовлен лес для постройки больничного здания. В качестве первого медработника пригласили петропавловского фельдшера Молодых, на тот момент свободного от занятий. Условия договора были очень выгодными – 1 тыс. серебром в год, но всего после двух месяцев работы Молодых был вынужден покинуть острова, поскольку по распоряжению вышестоящего начальства был вновь привлечен на государственную службу и откомандирован в Охотск. Тогда компания решила пригласить фельдшера Берковича, как только в 1879 г. закончится срок его службы, но тот вскоре умер. Нанимать на работу имевшихся в наличии полуграмотных камчатских фельдшеров компания не желала, а приглашать иностранных специалистов не могла по двум причинам: языковому барьеру и сложностям, связанным с оформлением лицензии на врачебную практику. Командоры по-прежнему оставались без медицинской помощи – ежегодные краткосрочные визиты петропавловского окружного врача не решали проблемы. Такие командировки обычно длились 6–7 дней, и большую часть времени врачи посвящали не пациентам, а собственным естественно-историческим исследованиям.

Гребницкий нашел выход из ситуации. Он предложил обучить двух местных жителей — мальчиков в возрасте от 14 до 16 лет — в любой из фельдшерских школ Восточной Сибири. Курс предполагал 2-х – 3-летнее изучение медицинских дисциплин с сопутствующей практикой в госпиталях. Обучение и содержание учащихся оплачивалось из государственной казны. Морской госпиталь во Владивостоке ответил отказом, поскольку при нем отсутствовала фельдшерская школа, а два практиковавших ординатора из-за высокой загруженности были не в состоянии уделять время на обучение подростков. Решено было направить мальчиков в Иркутскую фельдшерскую школу, с тем, чтобы по окончании курса они вернулись на острова и заняли должности фельдшеров. Скорее всего, мальчики уехали на обучение в 1883 г., одним из них был Александр Волокитин, имя второго неизвестно.

Отучившись, Александр вернулся на остров и занялся медицинской практикой. Со второй половины 1890-х гг. помимо фельдшеров на Командорах стали работать приезжие врачи. На какое-то время Волокитин отошел от дел, но в октябре 1918 г. после отъезда фельдшера Антона Михайловича Ткаченко вновь занял эту должность.

• Волокитин Павел Федорович, алеут секретарь райкома ВЛКСМ, с 1933 инструктор райкома ВКП(б), с 1950 инструктор Алеутского райкома ВКП(б), зав. районного Дома культуры, работает в отд. зверокомбинате. НВФ

• Февраль 1933 г. Студенты ДИТ.Н.С. Алеуты Ножиков Александр и Волокитин Павел (верхний ряд?); эскимос Бычков Иван; гиляк Пендик Клынген; ительмен Слободчиков Фрол

По воспоминаниям Валентины Терентьевны Вожиковой, Александр Федорович принимал у себя на дому. Для приема была отведена отдельная комната — «очень чистая». Если пациент был не в состоянии прийти на прием, он сам приходил на дом. При необходимости ему ассистировали повитухи: Екатерина Петровна Григорьева и Агния Ивановна Ножикова.

В 1891 г. Александр Федорович женился на Александре (ок. 1873 – 1917) — дочери петропавловского мещанина Николая Константиновича Гарднер. В 1893 г. Александра Николаевна родила сына Сергея, но малыш умер от менингита в том же году. По всей видимости, других детей у Александра не было. В 1918 г., через год после смерти супруги, Александр обвенчался со вдовой Татьяной Александровной Корсаковской, урожденной Зайковой (ок. 1879 г. р.). На момент заключения второго брака «молодожену» уже стукнуло 50 лет. В таком возрасте оставалось только воспитывать пасынка — сына Татьяны Александровны, Сергея (Ивановича) Григорьева (ок. 1910 г. р.)

Александр Федорович был человеком грамотным и наблюдательным. В 1910 г. он предоставил Е.К. Суворову «ценные сведения» о климатических особенностях Командорских островов (другими информантами ученого были два командорских священника и два фельдшера). Вне всякого сомнения, он пользовался большим уважением односельчан и своеобразной симпатией администрации. Вот какое замечание оставил в своей рабочей тетради Николай Гребницкий, удрученный пьянством надзирателя и караульных в пасхальные дни 1896 г.: «Полагаю нанять за Надзирателя Ал. Волокитинова — испробовать его. Лентяй он большой, да и пьяница». Между строк читается усталый вздох — всем хорош, но будет ли работать как должно?...

Федор Федорович Волокитин (1871–1938).

Федор был младшим сыном Федора Федосеевича и несмотря на то, что лишился отца в юношеском возрасте, сумел перенять большую часть его лидерских качеств. Отличительной чертой Волокитиных было умение ладить с людьми, они всегда оказывали серьезное влияние на формирование общественного мнения, задавали островному сообществу некий нравственный ориентир. Не удивительно, что в годы становления советской власти Федор, его брат и старшие сыновья выступили в роли неформальных лидеров. К их мнению от-

носились с большим уважением: могли спорить, не соглашаться, но обязательно прислушивались.

Сегодня сложно себе представить, насколько это было тяжелое время. Проблемы зародились еще в конце 1890-х и с каждым годом нарастали, как снежный ком. К бытовой неустроенности, браконьерству и эпидемиям добавилась полная некомпетентность нового управляющего: в 1916 г. за неимением более достойной кандидатуры уездным комиссаром избрали бывшего помощника начальника полицейского управления, в прошлом выпускника Иркутской духовной семинарии и учителя медновской одноклассной церковно-приходской школы Иннокентия Михайловича Громова. В 1917 г., чтобы хоть как-то снять напряжение, областной совет утвердил в должности комиссара Временного правительства Александра Ивановича Черского. Но Черский жил на о. Медном, а затем и вовсе отбыл в Приморье, поэтому полномочия уездного управляющего с Громова сняты не были.

В июне 1919 г. делегаты от сельских обществ Никольского и Преображенского прибыли во Владивосток в Управление рыбными и морскими звериными промыслами. Среди активистов был и Федор Федорович Волокитин. Алеуты жаловались, что присланное представителями меркульевкой («колчаковской») власти продовольствие оказалось крайне недоброкачественным, жители бедствуют и не получают жалование в полном объеме:

«— Александр Иванович, вы помните — в прошлом году Ничкевич у нас забрал мотор от катера для ремонта? — обратился к нему [А.И. Черскому] Федор Волокитин.

— Как же, помню. Я еще подумал тогда: ну вот, теперь на Беринге будет свой катер, вам легче будет.

— Нам до сих пор его не вернули. 19 тысяч рублей заплатили за ремонт и все впустую. Мы уже говорили Лаврову об этом. Мнется, ничего определенного не говорит. Пропили они этот мотор что ли? Ведь нам без него, как без рук.

— Ладно, Федор Федорович, я поговорю с управляющим. Мотор будет. Еще что у вас?

…Алеуты горько усмехнулись, а Федор Волокитин сказал:

— Александр Иванович, надо бы как-нибудь убрать от нас этого колчаковца. Иначе ему плохо будет. Возвратились бы вы к нам, а? У нас все очень жалеют, что вы уехали».

Делегатов внимательно выслушали и направили на Командоры ревизионную комиссию. Но через год и без того непростая ситуация ухудшилась на порядок. Летом 1920 г. добытая пушнина была вывезена с острова, но отправленные в обмен на нее товары первой необходимости погибли во время аварии охранного крейсера «Командор Беринг», севшего на мель возле м. Лопатка. В результате Командоры остались без снабжения. Зима 1920–1921 гг. выдалась невероятно тяжелой: «доведенное до крайности, …население отказывается сдать пушнину …и, произведя предварительно самочинный убой котиков, в 1921 г. продает шкурки зверей на американскую шхуну…». В эту же зиму на о. Медном при невыясненных обстоятельствах был убит А.И. Черский.

Приемником И.М. Громова был назначен П. Храмов, но ситуация не улучшилась. Предпринятая в 1922 г. попытка реформировать хозяйство провалилась. Одной из причин стал контракт, заключенный особоуполномоченным Временного правительства в Охотско-Камчатском крае Х.П. Биричем с японской фирмой «Нихов Моохи». Другой — полная политическая неразбериха. К примеру, по научению камчатских представителей советской власти на время краткосрочных заходов на острова «меркульевцев» алеуты выдвигали «своих нужных людей» из расчета, что власть скоро опять переменится. Эти шаги, в свою очередь,

не оставались без ответа: беринговцев «подвергали пыткам», а медновцев «увозили на Камчатку». Третьим бедствием были японские браконьеры. Поэтому, завидя пароход, который мог быть одним из «меркуловских либо японских судов», алеуты-коммунисты «по всем правилам партизанства» оперативно покидали селение и «уходили в сопки», где, вооружившись винчестерами и винтовками, занимали боевую позицию «…и, только убедясь, что корабль не имеет каких-либо военных заданий, …спускались с гор и принимались за работу по выгрузке».

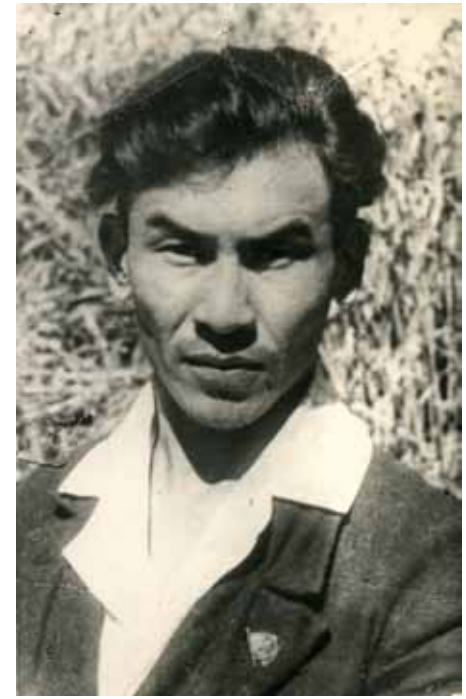
Старожилы надолго запомнили один из таких заходов. В мае 1922 г. к о. Беринга подошел пароход «Взрыватель». На нем «для восстановления порядка» был направлен заведующий училищами Камчатской области П.Я. Сусляк. Стояла ненастная погода: густой туман, переходящий в мелкий бус, плотно обволакивал спящий поселок. Едва забрезжил рассвет, к устью речки Гаванки причалила шлюпка. Капитан быстрыми шагами направился к ближайшему дому — дом старой американской постройки стоит на острове до сих пор — дверь открыл Терентий Алексеевич Ладыгин. «Немедленно организуй, чтобы все коммунисты сейчас же ушли из села», — времени на разговоры не было. На судне имелся полный список командорских коммунистов, которых в этот заход планировали насильственно вывезти на Камчатку. Жена промысловика, Юлия Сергеевна, тут же бросилась оповещать соседей. И как раз вовремя — едва жители успели уйти, «порядок» был «восстановлен»: красный флаг сброшен, и поднят флаг Временного правительства… А еще под угрозой оставить остров без продовольствия за бесценок сдана пушнина.

14 сентября 1922 г. на Командоры зашел пароход «Инабасан-Мару». Наученные горьким опытом промышленники, главным образом коммунисты, «боясь репрессий, ушла с оружием в с. Саранное, дабы оказать сопротивление в случае нападения». Главным организатором «командорских партизан» стал фельдшер Александр Федорович Волокитин I. Но на этот раз на борту был новый начальник промыслов Колтановский, сменивший Храмова. Он приказал старшине сообщить беглецам, чтобы те не боялись насильственных действий и немедленно возвратились в с. Никольское. Вскоре алеуты вернулись, и приступили к выгрузке.

Все это время бездумного разрушительного гражданского противостояния фактическим руководителем и идейным вдохновителем беринговцев был Федор Федорович Волокитин, его соратником — брат Александр Федорович, и помощником — старший сын Александр.

Как и свой отец, Федор Федорович был человеком грамотным и достаточно образованным. Именно Федор стоял у истоков организации районной газеты «Алеутская звезда». Первые номера газеты, выпускаемые в 1930-х гг., были самиздатовские. По внешнему виду это была обычная стенгазета, редактировал ее Федор Федорович.

Общественная жизнь не помешала Федору обзавестись большой дружной семьей. Анна Ивановна (ок. 1874 г. р.) родила не менее 10 детей: Ивана (1898 – 1903), Александра (1900–1955), Елизавету (1902–902), Марию (1904 г. р.), Иннокентия (1906–1940), Сергея (1908–1910), Павла (1912 г. р.), Елену (1915 г. р.), Георгия (1917–1941) и Ефросинью

• Волокитин Павел Федорович. Собрание АКМ

• Волокитин Иннокентий Федорович 1930. Собрание АКМ.

(1920 г. р.). Иван, Елизавета, Сергей и Ефросинья умерли в младенчестве, Мария также прожила недолго. След в истории островов оставил сам глава семейства и его сыновья: Александр, Иннокентий, Павел и Георгий.

Братья Волокитины

Улица имени Братьев Волокитиных закладывалась в селе Никольском в 1980-х гг. К сожалению, далеко не все жители острова Беринга сегодня знают, кто такие эти «Братья» и что они сделали для района.

Из шестерых сыновей Федора Федоровича выжили четверо: Александр (1900–1955), Иннокентий (1906–1940), Павел (1912 г. р.) и Георгий (1917–1945). Каждого из них командорцы сочли примером для подражания.

8 марта 1923 г. на островах была официально установлена советская власть. Председателем командорского сельского революционного комитета (ревкома) избрали Александра Федоровича Волокитина. 8 октября 1925 г. постановлением губернского бюро РКП(б) было утверждено бюро ячейки компартии о. Беринга, в его состав вошли К.В. Кулагин, П.П. Удачина и Паньков, секретарем — все тот же Волокитин. В более поздних партийных документах фигурирует не только Александр, но и его брат Иннокентий. Женой Александра стала вдова Михаила Удачина, урожденная Анна Александровна Корсаковская (1901– 937). Их дети: Степан (ок. 1923 – 1941), Илларий (1925–1962, также известен как Корсаковский), Гастон (1933 г. р.) и Анна (1937 г р., в замуж. Голых).

Павел Федорович, как и старшие братья, посвятил жизнь борьбе за правое дело. Это поколение не просто верило в светлое будущее, оно строило его своими руками. До войны Павел работал в райкоме комсомола. В 1945 г. в составе 101 стрелковой смешанной дивизии принимал участие в Курильской операции. В послевоенные годы исполнял обязанности председателя райисполкома. Работал в зверокомбинате, в 1964 г. исполнял обязанности бригадира отделения. Павел был близок с Анной Федоровной Паньковой, Анной Илларионовной Галецкой, урожденной Бадаевой (в 1931 г. родилась Зоя), а затем — с медновчанкой Натальй Ивановной Дуришиной (1912 г. р.). К последней жене он и переехал жить на соседний остров.

Иннокентий, по всей видимости, в свое время был секретарем ячейки РКП(б) на о. Беринга, а незадолго до смерти — председателем Алеутского районного Совета Народных Депутатов.

Младший брат Георгий тоже сражался с японцами на Курилах. Но ему вернуться было не суждено — 18 августа 1945 г. в возрасте в 24 лет он сложил свою голову на далеком о. Шумшу.

Судьба их единственной сестры Елены сложилась непросто. Это была тихая незаметная женщина. Она вышла замуж за приезжего рабочегоНиколая Мироновича Шатравкина (ок. 1910 г.р.), но прожила недолго. В конце 1940-х гг. шестерых детей Елены определили в один из петропавловских детских домов как сирот. Скорее всего, все они носили фамилию матери.

ВОРОБЬЕВЫ

Старинная казачья фамилия. Воробьев Алексей, служилый человек, сборщик ясака, бит кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников Харчинского бунта.

Но не проняло: через 30 лет история повторяется:

В Нижнекамчатске снаряжается в промысловый «вояж» судно «Прокопий и Иоанн» лальского купца Терентия Чебаевского: «Мореходом и передовщиком на судне состоял казак Алексей Воробьев, плававший не раз вдоль Алеутской гряды. Правой рукой у него был Соловьев, получивший впоследствии печальную известность, как “истребитель алеутов” под кличкой “Соловей”. Вышли в море в 1760 г. Зверствовали на о. Кыска. Впоследствии отданы под суд. Следствие и суд длились до 1774 г. Все подсудимые были приговорены к “наказанию” оставлены на поселение на Камчатке, т. е. фактически оправданы».

Позже Воробьевы служили в Сомовском полку (Камчатский гарнизонный батальон). Есть сведения за 1812 г.: Воробьев Василий Ефимович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 33 года.

Позже Воробьевы переведены в мещанское сословие: Воробьев Алексей, петропавловский мещанин, 1893, 28 лет.

Часть Воробьевых, как и Брагиных, осела в Гижиге: в 1907 году Воробьев Иосиф Иванович — гижигинский мещанский староста, Воробьев Николай Иннокентьевич — гижигинский мещанин.

ВСЕВИДОВЫ

Патриархом этого камчатского рода был, по всей видимости, один из двух промышленников Всевидовых — либо «пермянин» Петр Всевидов, либо тотемский купец Андрей Всевидов, приказчик московского купца Рыбинского. Оба они занимались организацией промысловых экспедиций из Нижнекамчатска в Русскую Америку.

Об Андрее Всевидове писал в свое время участник первой русской кругосветки, историограф российского флота Василий Берх:

«1746. Второе (*после экспедиции Емельяна Басова* — С.В.) судно принадлежало какому-то Андрею Всевидову и имело 46 человек промышленников и 8 козаков. О путешествии сем нет никаких известий, а надобно только заключить по вышеприведенному описанию о Медном острове, что он провел там первую зиму; ибо по северо-западной стороне онаго есть гавань, именуемая Всевидовскою. В описании о Медном острове сказано, что 2-го марта 1747 года упали с утеса промышленники Юрлов и Вторых, и ушиблись до смерти. Всевидов возвратился в июне 1742 года, но не известно, с каким грузом».

А о плавании Петра Всевидова сохранился в архивах локумент:

1758 г. декабря не ранее 7. — Из рапорта Нижнекамчатской приказной избы в Большерецкую канцелярию о плавании П. Башмакова на судне «Св. Петр и Павел» в 1756–1758 гг. на Алеутские острова и открытии островов восточнее Ближних.

А в приобщенных при вышеописанном репорте копиях с репортов, поданных от казака Лазарева и купца Серебреникова Нижняго острога в приказную избу 3 написано:

Прошлого де 756 году сентября 24-го дня по силе данного ему из Большеретской канцелярии указу и Нижняго острога ис приказной избы наставления вышеписанного купца Серебренникова на судне с протчими бывшими на том судне и со определенным от компании передовщиком пермянином Петром Всевидовым с товарыщи из устья реки Камчатки в морской вояж благополучно вступили и следовали, во-первых, для поиску незнаемых морских островов и на тех живущих неясашных народов, к приводу их под высокосамодержавную ея и[мператорского].в[еличества]. руку и в ясашной платеж. Но точию за поздым осенним времянем, а особливо от случившихся противных ветров и презельных штормов по изысканию морских островов и незнаемых народов время не допустило и склонило теми препятсдвиями ко отданному по силе Правительствующаго сената указу иркуцкому купцу Емельяну Югову Командорскому морскому острову, которой состоит прямо Камчатскаго устья, на которой октября 4 дня судном благополучно прибыли и находились на оном острову чрез зиму июня до 10 числа 757 году, но токмо де на оном острову промышленниками, реченного Серебренникова судна бывшими, никаких зверей не упромышленно, кроме одного — к пропитанию человеческому коров морских, нерп, сивучей, а из кож их обуви шили.

А июня 10 дня 757 году паки с того острова судном отправились в морской вояж для поиску неведомых морских островов и народов, а при отправлении оного судна бывшия при оном вышеозначенной передовщик Всевидов с товарыщи по согласию их приняли на то судно компании бывшаго камчатского купца Ивана Красильникова от разбитого судна для вывозу в Камчатку двух человек руских: Федора Савельева, Емельяна Посникова со упромышленными ими на том острову земными зверьми, коих имелось 182 песца, и следовали паки в полуденную сторону, в которой обыскать нечего не могли. И те промышленники, Всевидов с товарыщи, имели судном возврат в полуденную сторону и находились в мореплавании июля до 12 числа, и тамо к состоящему незнаемому морскому острову прибыли 4, и стали на якорь. И выезжал к тому острову вышеписанной Всевидов с помянутым числом людей для взятья воды. И по выезде на берег прибыли к ним того острова живущие незнаемые народы и препядствовали им своим ружьем и угрожением стрел, однако ж от них в настоящее действие не произошло, и по отбытии их с того острова с водою к судну прибыли от тамошних народов в байдарках немалое число людей, которые де и учинили своим языком разговор чрез немалое время, а какие между ими разговоры происходили неизвестно, и между тем у того острова от немалой скорби присудствия Верхняго Камчатскаго острога Кирчаницкаго (*Кирганикского* — С.В.) острошка новокрещенной камчадал Федор Чюркин, по-иноземчески Гришка, умре.

И за многолюдством тамошних народов реченной Всевидов с товарыщи судном пристать к тому острову смелости не возимели, а июля дня паки от того острова к другим, которые видимы были до 4-х, точию и к тем за противными ветрами и от морскаго волнения штормами пристать никак не допустило и склонило судном от тех островов

чрез три порядочныя ж острова и с которых к незнаемому морскому острову 5 июля 25 дня пришли. И прибыли с того острова незнаемыя народы и чинили своим языком разговор, а что, про то неизвестно ж, и бывшия на судне предъявленной Всевидов с товарыщи общекупно вознамерились на том острову зимовать, на котором, обыскав гавань, и вошли судном августа 24 дня 757 году благополучно.

И по общему согласию следовал тот Всевидов августа 30 дня байдарою в 11 человеках на другия острова, которые находятся в недальном растоянии, и на обысканныя напред сего мореходом Петром Башмаковым островах для призыву неясашных тамо живущих народов под высокосамодержавную ея и. в. руку в ясашной платеж, для промыслу морских и протчих зверей, в коих и продолжал генваря до 5 дня 1758 году, а прибыл к судну обратно, но токмо де он, Всевидов с товарыщи, в ясак привесть никого не мог.

А по прибытии ево к судну следовал он, Лазарев, во оной же байдаре в 11 человеках на протчия острова для такого ж призыву в подданство под высокосамодержавную ея и.в. руку неясашного народа в ясашной платеж, на которых де за незнанием их языку по силе данного ему наставления привесть в ясашной платеж никак не мог... А в бытность его с ним, Всевидовым с товарыщи, вывезено для разсмотрения тех народов по их названию байдарка малолетних ребят, да при том же оных народов стрелы, которыми бросают с руки дощечкой и во время мореплавания в байдарках носят они на головах, а какого древа неизвестно, одна шапка, которые при том репорте в приказную избу, також и данную шнурованную книгу, в коей ничего не вписано, объявили, кои при особливом репорте в Большерецкую канцелярию декабря 7 дня 758 году присланы».

Именем одного из Всевидовых назван вулкан на о. Умнак и один из островов Алеутской гряды (52°59′с.ш, 168°28′з.д.).

Мы на знаем причины, по которым семья кого-то из Всевидовых осталась на Камчатке — это могла быть вязано и с гибелью патриарха рода во время кораблекрушения (которые были довольно часты) и смерть в результате бунта алеутов или по болезни, особенно от цынги (как случилось, например, с патриархом рода Удачиных).

Последнее упоминание об этой фамилии на Камчатке: Всевидова Мавра Михайловна, вдова мещанина в Нижнекамчатске, 1812 г., 60 лет.

Вулкан Всевидова – стратовулкан в штате Аляска, США, один из 6 наиболее активных вулканов Алеутских островов. Его вершина является самой высокой точкой на Умнаке, одном из восточных островов Алеутов. Его симметричный конус резко возвышается над окрестностями. Последнее извержение было вызвано землетрясением, прошедшим 9 марта 1957 года, а само извержение началось 11 марта и окончилось на следующий день.Известны другие его извержения: в 1250, 1450–1455, 1490, 1500, 1530, 1757 и в 1957 годах.

ВЫХОДЦЕВЫ

31 августа 1903 года (о чем есть соответствующая запись в архивных документах) камчадал Камаковского селения Гавриил Петрович Кузнецов 1881 г.р. женился на дочери Камаковского камчадала (так в документе, а на самом деле дочери крестьянина из Нижне-Камчатска) Федора Выходцева восемнадцатилетней Прасковье.

Прасковья Федоровна родилась 16 октября 1885 года. Ее родители — крестьянин Нижне-Камчатского селения Федор Павлович Выходцев и его жена — Варвара Васильевна. Крестная — жена нижнекамчатского крестьянина Стефана Сновидоа Анна Карповна.

Свидетели при регистрации брака: со стороны жениха — камчадалы селения Камаковского Алексей Стефанович и Прокопий Романович Рсторгуевы, со стороны невесты — сын заштатного псаломщика нижнекамчатской церкви Иван Георгиевич Сновидов и еще один камаковский Расторгуев — Петр Степанович.

16 сентября 1904 года родился Константин Гаврилович Кузнецов. Обратим внимание на его крестных — крестьянин Нижне-Камчатского селения Яков Иванович Портнягин и жена крестьянина Нижне-Камчатского селения Серафима Мартимьянова Петрова.

2 декабря 1907 года родилась будущая жена Константина Гавриловича — Анисия Ивановна, дочь камчадала Камаковского селения Ивана Автономовича Расторгуева. Крестные — крестьянин Федор Матвеевич Щегорин и жена крестьянина Нижне-Камчатского селения Серафима Мартимьяновна Петрова.

То есть у будущего жениха с невестой была одна и та же крестная. Или одна судьба.

Прасковья Федоровна Выходцева, вероятно, была последней носительницей этой фамилии.

Когда-то очень известной на Камчатке фамилии — так как Федор Алексеевич Выходцев в начале 1800-х представлял на полуострове Российско-Американскую компанию, будучи ее комиссионером.

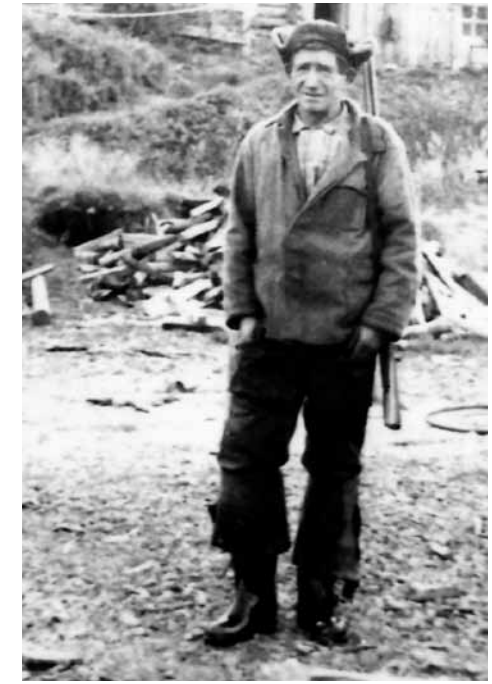
Он был выходцем из города Рыльска, откуда родом был и сам Григорий Иванович Шелихов, чьими трудами и была в конечном итоге создана эта компания, акционерами которого стали представители царствующего дома Романовых.

Сохранились любопытные исторические детали о рыльских Выходцевых: «1722 года октября по его императорского величества указу в канцелярии ведомства свидетельства душ в расположение на полки от кавалерии Нижегородского полку господина полковника Андрея Ивановича Чернышева города Рыльска посадский человек Герасим Никитин сын Выходцов сказал по заповеди святого евангелия: живет он Герасим в приходе церкви Преображения Господня в своем дворе, в городе Рыльске имеет промысел: покупает на продажу рыбу и мед и продает в Рыльске...», «Фотий Лукьянов Выходцев, город Рыльск, купец…», «Николай Павлович Выходцев 1845 года рождения, купец 2-й гильдии, голова города Рыльска»

Новые подробности мы находи на сайте «Камчадалы.ру»:

«Большую роль в общественной и духовной жизни Рыльска играли купцы первой гильдии Выходцевы. Об их богатстве и крепкой христианской вере говорит тот факт, что еще в 1769 г. Яковом Борисовичем Выходцевым в центре города была построена каменная двухэтажная Преображенская церковь. Она была сооружена вместо сгоревшей во время рыльского пожара 1720 г. деревянной церкви, построенной князем Василием Шемякой. Перед церковью располагалась административная площадь. В 1769 г. в стороне от этой площади Федор Александрович Выходцев построил великолепный двухэтажный дом, украшенный колоннадой со стороны фасада и двора, с хозяйственными постройками и высокой каменной оградой. В этом здании сейчас находится Дом детского творчества и детская библиотека.

Брат Федора Александровича, Иван Александрович Выходцев владел одним из старейших каменных домов Рыльска, некогда принадлежавших воеводе. Здание, построенное еще по радиально-кольцевой планировке города на ул. Репинской, впоследствии было продано Выходцевым рыльскому купцу А. А. Бондареву,

• Глава семьи – Василий Терентьевич Медведев, линейный обходчик, охотник-промысловик, последний (вместе с женой Галиной Константиновной Кузнецовой) житель села Камаки

• Дочери Галины Константиновны Медведевой (Кузнецовой). Стоят (слева направо) Валентина (Неупокоева), Тамара (Иванова), Татьяна (Стасюк), Сидят Вера Веремчук, Галина Константиновна, Татьяна (внучка, дочь Тамары)

• Единственный сын Галины Константиновны – Владимир Медведев с сестрами

• Они же – в день восьмидесятилетия Галины Константиновны

а когда тот построил себе новый дом на ул. Преображенской, его приобрела дворянка Вера Андриановна Пузанова. Этот дом замечателен тем, что в 1709 г. в нем останавливался царь Петр I.

Одним из украшений города является и дом на углу улиц Преображенской и Выходцевской, в котором некогда был Дом ребенка, а до 1960-х гг. размещались райкомы партии и комсомола. Дом тоже слегка утратил свою былую красоту: демонтирован прекрасный балкон, которым любовались все прохожие. В настоящее время здесь находятся администрация города Рыльска и городская дума.

Купеческому роду Выходцевых принадлежал и воеводский дом (так называемый «Дом Шемяки»), где сейчас находится ЗАГС. Еще ранее Выходцевы владели зданием воеводской приказной избы, которое сохранилось до наших дней. Оно одноэтажное, выполнено из кирпича на известковом растворе, имеет мощные стены и сводчатое перекрытие.

Купцы Выходцевы (как и Филимоновы) занимали почти целый квартал в нашем городе и оставили нам в наследие прекрасные дома, которые с каждым годом все более ветшают, теряя былую красоту. Многие из них уже снесены, а на их месте построены серые здания-коробки из силикатного кирпича.

Выходцевы состояли в благотворительном обществе. Они вносили отчисления на образование, жертвовали средства на содержание богадельни при Вознесенской церкви, делали взносы на Преображенскую (Спасскую) церковь. Кроме того, Выходцевы входили в состав городской Думы, где решали жизненно важные для нашего города вопросы. Так, в 1840 г. депутат городской думы Борис Выходцев участвовал в решении вопроса о приведении в порядок и ремонте переправы через реку Сейм. На заседании Рыльского уездного собрания 23 сентября 1901 г. рыльским городским головой Н.П. Выходцевым было предложено ходатайствовать перед губернским земством о строительстве постоянной переправы и перестройке мостов через Сейм. Николай Павлович жил в здании, которое сейчас занимает Дом детского творчества. Старый дом своих предков он перестроил и содержал в исключительном порядке

• Василий Терентьевич Медведев с мамой – Варварой Никифоровной Медведевой (Бойчук)

• Старшие дети – Володя и Тамара с родителями (1950)

В очерке «Рыляне в Русской Америке» мы находим следующие сведения о камчатских Выходцевых: «Мещанин Фёдор Алексеевич Выходцев, происходивший из рыльской купеческой семьи служил приказчиком Г.И. Шелихова на Камчатке в 1780-90-х гг., был комиссионером РАК в Петропавловске и на всех постах отличался «склонностью к мошенничеству» из-за чего не раз попадал под суд и был даже лишён купеческого звания. Его сын Пётр, рождённый в браке с камчадалкой, также состоял на службе РАК и в 1825 г. был назначен помощником правителя Атхинской конторы. Затем он служил письмоводителем на Уналашке и в Ново-Архангельске, однако «небрежностию своею к исполнению обязанности и нетрезвым поведением допустил весьма многия там беспорядки». В итоге Пётр Фёдорович был в 1847 г. отрешён от должности, а в 1849 г. вообще выслан вместе со своим семейством на Камчатку».

Комендант Камчатки, генерал-майор А.И. Кошелев дает Федору Алексеевичу Выходцеву в 1806 году после того, как в НИжнекамчатске против Кошелева образовался заговор (подробности в моей книге «Встречь солнцу»), еще более жесткую характеристику: «…был много раз за мошенничество и злоупотребления под судом, приговорен к лишению купеческого звания и исключению из числа добрых людей, к тюремному заключению и неоднократно приговорен к публичному бесчестному наказанию, дурного поведения и подлого характера, всегда уклоняющийся к мошенничеству, делал в торговле всегда злоупотребления».

По сведениям, датируемым 1812 годом, Выходцев (Выходцов) Федор Алексеевич. Купец в Нижнекамчатске, 44 года (1768 г. р.). Жена Мария Семеновна (44). Дети: близнецы Петр и Степан (15), Ирина (11). (*Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4*).

А эти сведения, по всей видимости, об одном из близнецов — сыне Федора Алексеевича и его внуке: Выходцев (Выходцов) Федор Петрович, умершего Нижнекамчатского мещанина Петра Выходцева сын, 14 лет. Сестры: Анна (10), Юлия (7). (*Исповедальная роспись*

• Галина Константиновна с Валей, Верой, Татьяной и Володей (1959 г.)

• Золотое детство: Татьяна с подругами (1962 г.)

• Вера с мамой (1974 г.)

Селение Камаки, на р. Камчатке, в 60 верстах от устья; 10 дворов, жителей 74. Альбом Сильницкого, 1901 г.

• Вера с мамой (1958 г.)

Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

В 1865 году мы находим Выходцева Федора Петровича уже среди петропавловских мещан, «платящих государственную подать» (*РГИА ДВ, ф. 1029, оп.1, д. 119, л. 3–4*).

И вот, наконец, сведения об отце Прасковьи Федоровны: Выходцев (Выходцов) Павел Федорович. Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 23 года. Жена Пелагея Семеновна (22). Брат Алексей (19). (*Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4*).

Была еще одна ветвь Выходцевых: Вихотцова (Выходцева) Анна Гавриловна, вдова государственного крестьянина в с. Нижнекамчатске. Внук Петр (15). (*Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4*).

Но фамилия эта на Камчатке не сохранилась, хотя есть слабенькая надежда: некий Выходцев (из этой ли династии?) Арсений женился в 1920-х гг. (в 22 года) на мильковчанке Елене Мальцевой (17 лет).

Но, кажется, нам удалось выяснить, о какой камчадалке — жене Выходцева — идет речь в очерке «Рыляне в Русской Америке». В нашем альбоме «Тайны камчатских имен. Большерецкий острог» в очерке о Логиновых потомок этого рода Светлана Узлова пишет о сестрах своей прародительницы Ксении Ивановны Логиновой: «Про сестер же известно, что старшая вышла замуж за комиссионера Американской компании». Ксения Ивановна родилась в 1807 году. Близнецы Петр и Степан родились в 1793 году. То есть мужем старшей дочери Ивана Михайловича Логинова мог быть комиссионер Российско-Американской компании Петр Федорович Выходцев, который служил на Аляске, в 1749 году из Америки был, будучи отрешенным от должности, выслан на Камчатку, где и умер.

Об истории фамилии Кузнецовых, которые породнились с Выходцевыми, мы будем рассказывать в этом же томе, и там представим мужскую их ветвь.

А в этом очерке мы представили потомков Галины Константиновны Кузнецовой, внучки Прасковьи Федоровны Выходцевой — последней представительницы камчатской ветви рыльских купцов Выходцевых.

• Сестры Медведевы – Татьяна Васильевна Стасюк, Тамара Васильевна Иванова, Вера Васильевна Веремчук

Иван Козыревский

1. Проклятие рода Козыревских

Во время войны между Россией и Польшей, в 1654 году, под Смоленском попал в русский плен Федор Иоаннович Козыревский и был сослан в Сибирь, на Лену. Здесь он, не дождавшись прощения, женился в 1667 году, а к 1674-му имел уже троих сыновей — Петра, Семена и Дмитрия. В этот год вызвали Федора Иоанновича в Москву и объявили, что ссылка его кончилась и он может возвращаться на свою родину, в Литву. Но годы, проведенные в России, уже сделали свое дело, и Федор Иоаннович не помышлял уже ни о каком другом крае — Сибирь стала родиной для него самого и его детей. И потому бил челом Федор Иоаннович перед царем Алексеем Михайловичем с просьбою оставить его в Сибири и взять на государеву службу. Царь по достоинству оценил этот поступок и поверстал Козыревского в казаки в чине сына боярского — то есть поставил его выше сотника. И с этой поры началась у Федора Иоанновича и его семьи беспокойная перекочевка от зимовья к зимовью, из острога в острог, с волока на волок — туда, куда назначали его якутские воеводы приказчиком — ответственным за сбор ясака в казну царя Алексея Михайловича. Жили они то на Вилюе и Алдане, то на Олекме, пока не был назначен Федор Иоаннович в верховья Лены на Чечуйский волок.

Вот здесь-то и обрушились на род Козыревских первые удары судьбы, и повисло проклятие над ними, переходя из поколения в поколение, пока не низверглась вся лавина этих несчастий, приписанных всему роду на столетия, на одного Ивана, внука Федора Иоанновича…

А началось все с того, что постоянная нехватка денег в семье подтолкнула Федора Иоанновича к мысли заняться кое-какой торговлей, в первую очередь казенным вином. И… проторговался казак — долг за ним скопился огромный по тем временам —50 рублей — пятилетнее жалованье. Заплатить его было нечем. Над семьей нависла угроза долговой расправы. А тут еще и дети, выросшие при кабаке, пристрастились к чарке с хмельным. Особенно старший, Петр. Федор Иоаннович, в надежде, что семья облагоразумит сына, женил Петра. В 1690 году родился Иван… Но Петр не только не бросил пить сам, он пристрастил к вину и жену Анну. Через год родился у них еще один сын — но и он не внес особых перемен в жизнь своих родителей.

И тогда Федор Иоаннович решился на последнее средство — он бил челом якутскому воеводе, чтобы тот отпустил его по старости в монастырь, а на его место взял бы сына Петра. Бессилен оказался Федор Иоаннович перед пороком сына и теперь надеялся лишь на то, что суровая казачья служба исцелит Петра, вернет его к трезвой жизни…

Воевода внял просьбе Федора Козыревского и приказчиком Чечуйского волока стал Петр Федорович, а отец его постригся в монахи и стал теперь иноком Авраамием. Но это было все, что смог сделать Козыревский-старший, — остальное осталось по-прежнему. И продолжалось до 1695 года, пока на богомолье, в заимке Киренского Троицкого монастыря, в пьяной драке не убил Петр Федорович жену свою Анну и не бежал с малолетними детьми от суда и следствия в глухую тайгу верховий Лены…

Наступило страшное время для них всех — семья влачила жалкое, полуголодное существование. Петр был лишен чинов и исключен из казачьих списков — клеймо «убийца» было выжжено теперь на его имени, чести и совести… Вот тогда и началось прозрение Петра. Позднее, тяжелое, страшное…

А тем временем уже и до Москвы докатилась эта весть о грехопадении сына боярского Петра Федоровича. Из Сибирского приказа писали: «Буде явится, что он без причины ее убил и в том повинится, и за то его казнить самово смертью, велеть повесить в той же монастырской заимке, а буде по розыску явится, что он убил жену за какое воровство и его смертью не казнить, бить нещадно, что он, не бив челом, самовольно жену свою убил…»

Не выдержав таежного заточения, Козыревский пришел в Якутск с повинной. 2 июля 1700 года воевода Траурнихт начал производить расследование этого убийства, и свидетели единодушно показали, что во всем виновата была сама Анна, ее пьяное буйство и неистовство.

Третьего июля пытали Петра. А на следующий день был вынесен приговор — бить Петра Федоровича кнутом на торговой площади Якутска, а затем отпустить на свободу под ручательство казаков.

Что ожидало его теперь? Трудно сказать. Возможно, что он и сам этого не знал. А тут и подвернулся сотник Тимофей Кобелев, назначенный приказчиком Камчатки на смену Потапу Серюкову. Козыревские, известные грамотеи, были в чести у казаков, и потому с согласия Кобелева 28 июля 1700 года рождается под пером опального Петра Федоровича эта челобитная царю Петру, сыну покойного Алексея Михайловича.

«Великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя Руси самодержцу бьет челом холоп твой, наверстанный казак Петрушка Козыревский. Милосердный великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержец, пожалей меня, холопа своего, вели, государь, меня в Якуцком поверстать в казачью службу на убылое место и послать меня послужить тебе, великому государю, на новую Камчатку реку. Великий государь царь, смилуйся».

Пока челобитная шла в Москву и возвращался ответ в Якутск, воевода Траурнихт на свой страх и риск принимает решение — не послать, а сослать Козыревских на Камчатку. Без всяких средств к существованию, ибо положенный казаку для похода аванс был конфискован у Петра воеводой для погашения старого долга Федора Иоанновича…

В сентябре 1700 года отряд сотника Тимофея Кобелева вышел в дальний путь на край земли, и лишь летом 1701 года пришли камчатские казаки в долину древней реки Уйкоаль, которая звалась теперь Камчаткою и где заложил в 1698 году атласовский казак Потап Серюков первое русское поселение на полуострове — Верхнекамчадальский, или Верхнекамчатский, острог.

Петру Федоровичу выпала немалая честь — он возводил укрепления второго острога — Нижнекамчатского, откуда шли казаки собирать ясак для царя по окрестным рекам и восточному побережью Камчатки. Он первым вышел и на реку Коль, которую затем сын Иван назовет в честь отца Козыревкой. И большая жизнь суждена была в будущем Нижнекамчатску. Но не узнал об этом Петр Федорович — в 1704 году он отправился сопровождать с приказчиком Зиновьевым государев ясак в Якутск, а на обратном пути «в Камчат-

ку» вместе с новым приказчиком Федором Верхоту-ровым-Протопоповым, выйдя уже на восточное побережье Камчатки, узнали от местных коряков о небольших морских островах, богатых моржовыми коргами — лежбищами, и пошли в море открывать для России новые замли, и… не вернулись назад Верхотуров и Козыревский с товарищами. А острова те так с той поры и зовут на Камчатке Верхотуровыми…

2. Камчатский бунт

После смерти Петра Козыревского камчатским приказчиком Василием Колесовым поверстан на «убылое» место пятнадцатилетний Иван, и в тот же год большой отряд казаков во главе с пятидесятником Ламаевым был послан приказчиком на юг Камчатки, в «Курильскую землицу». «Землица» эта занимала огромную часть полуострова — почти до реки Большой на западе и Авачинской губы на востоке. Населяли ее воинственные племена курилов — потомков двух народов: айнов и ительменов. Сами себя они называли «кура» — человек. В 1706 году одна из групп ламаевского отряда под командованием казака Михаила Наседкина вышла на Камчатский Нос — мыс Лопатку, — и отсюда увидели русские землепроходцы, что и дальше в море, на полдень от Носа, через «перелив» лежит неведомая земля.

Мы пока не знаем, но, может быть, был среди этих казаков и юный Иван Козыревский… Тогда многое можно было бы понять в его последующих поступках, даже то, что и по сей день еще не объяснено.

А в 1707 году приказчиком Камчатки становится Владимир Владимирович Атласов. Почти десять лет, со времени своего знаменитого похода, не был он больше на этой земле, присоединение которой к России обессмертило его имя и осыпало самого Атласова царскими милостями. Ему был жалован чин главного приказчика Камчатки и немалая по тем временам награда — набрать товаров на сто рублей. Сумма большая — если помните, то лишь половина ее превратила в кошмар жизнь целого семейства Козыревских на Чечуйском волоке. Столь же роковыми оказались эти деньги и для самого Атласова — он всласть погулял на них, возвращаясь в Якутск, пограбил со своей вольной ватажкой дощаники — баржи купеческие, так что после этого в Якутске не почести ожидали разбойного атамана, а суд да тюремные нары.

Спасло Владимира Владимировича лишь то, что привез он тогда с Камчатки в Москву настолько богатый ясак, что ни один из последующих камчатских приказчиков не в силах был перекрыть этих его «сороков»… А царь ждал от Камчатки многого — ведь шла Северная война, врастал в невские болота Санкт-Петербург, гремели пушки, и шли открывать для России ворота в Балтийское море русские полки… Царю необходимы были эти драгоценные меха, чтобы покупать, создавать, копить силушку немалую, богатырскую. А их давала только Сибирь. А потому так много надежд возлагал государь на Камчатку. Это-то и спасло Атласова от тюрьмы — ему велено было возвращаться «в Камчатку» и вину свою перед царем искупить службой верной, ясаком богатым, землями новыми… Но все это предоставлялось ему на самых жестких условиях. Вот читаем у Крашенинникова:

«… В помянутом же 1706 году Атласов освобожден из-под караулу и отправлен из Якутска на Камчатку приказщиком с теми же преимуществами, которые даны ему были в 1701 году, чтоб иметь ему полную власть над служилыми, и винных, смотря по делу, батогами и кнутом наказывать; а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить, и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, обид и налогов никому не чинить, и против иноземцев не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему предписана».

И в 1707 году появляется Атласов на Камчатке, чтобы в точности исполнить царский указ и заслужить прежнюю милость царя.

Но сделать это было непросто. Из первого камчатского похода Атласов действительно привез немало. Но ведь он и был первым — ему не налог платили, а дарили ительмены и курилы — коренные жители полуострова — шкурки соболей, лисиц, морских бобров в знак уважения и дружбы, доверия и мира. Местные жители до прихода Атласова никогда и не добывали пушных зверей — потому что этот мех не представлял здесь никакой практической ценности — и дарили щедро, отдавая, может быть, все, что было запасено у них для украшений или что специально добыли для своего белого друга и его собратьев. Атласов прошел немало камчатских верст, и везде его встречали гостеприимно, с открытым сердцем и одаряли тоже от всей души… И возвращался с Камчатки Атласов, не отражая по пути нападений воинственных северных племен, и ни одна шкурка не была похищена или отбита у него в тундре коряками или чукчами…

Но теперь времена были совсем не те, хоть и прошло с тех пор всего лишь каких-то десять лет.

Северная дорога была почти полностью перекрыта. Коряки, истребив отряд сына боярского Верхотурова-Протопо-пова в 1706 году, напали вслед за этим на отряд служилого Шелковникова, осадили Акланский острог и держали его в плотном кольце до следующего года, пока к чуть живым от голода акланцам не пришли на выручку казаки из Анадырской крепости.

Не была уже спокойной и сама Камчатка. Центральная ее часть — долина реки Камчатки, где Атласов и заключил в свое время договор о дружбе и вечном союзе с Россией с верховным вождем-тойоном Камчатки Иваром Азидамом, — была по-прежнему мирной. Но совсем другая картина была на побережьях полуострова и на юге.

Авачинские камчадалы не признавали ничьей власти — ни Азидама с Уйкоаль-реки, ни Петра… Курилы были то в дружбе с русскими, то нападали на отряды сборщиков ясака… На Западной Камчатке также один год не был похож на другой — если на Гыгреке (с той поры и по сей день она зовется Воровской) жил разбойный, непокорный, бунтарский люд и казаки в здешних местах не столько о сборе ясака радели, сколько о сохранении «живота» своего, то на других реках казаков встречали где с почетом, где со страхом, но везде с миром…

Так что ситуация была очень даже не простая уже сама по себе, а тут еще царская воля! Поэтому приказчик нервничал, да и тюрьма якутская озлобила Атласова против людей достаточно. И потому, не разбираясь особо в тонкой политике камчатских ка-

заков о замирении с воинственными Курилами (а сам Атласов утверждал в свое время, что это самое воинственное племя Сибири) и проторении дороги к Носу для плавания к «незнаемой» земле за «переливами» и «приводу под высокую державную руку новых ясашных плательщиков», пошел Атласов на юг военным походом, чтобы напомнить курилам о былом и заставить подчиниться если не воле своей, то силе… Да, он перестал быть стратегом и дипломатом, думал лишь о том, как вернуть прежнее расположение к себе царя Петра и думного дьяка Виниуса из Сибирского приказа, а Камчатка не была уже прежней, и думать нужно было прежде всего об этом…

И закатилась в том походе былая слава Атласова-атамана. Не принес ничего хорошего ни русским, ни курилам тот поход — столкнулись между собой две силы, и четыре года не было больше между ними мира. И о каких новых землях могла пойти речь, когда русские не способны оказались удержаться даже на реке Большой — дважды за эти годы укреплялись они в Большерецком остроге и дважды сравнивали острог с землей курильские воины.

Так что не только прибавки ясачной не получил на Камчатке приказчик Атласов, но и «смуту великую» здесь посеял и настроил против себя не только камчадалов, но и казаков камчатских.

И не остановился на достигнутом — дело дошло до того, что казак Данила Беляев всенародно обвинил Атласова в присвоении им черно-бурой лисицы, которая по царскому указу принадлежала казне, — приказчик, рассвирепев, зарубил палашом казака.

Не в бровь, а в глаз было то обвинение — за 1707 год «скопил» Атласов 1200 соболей, 400 красных лисиц, 74 морских бобра…

Возненавидели на Камчатке Атласова крепко. Он отвечал всем тем же. А особенно почему-то невзлюбил молодого Ивана Козыревского — не раз в «смыках» (кандалах) его в казенке под караулом держал, порол до крови в непонятной звериной злобе своей. Что же хотел выбить-вытравить из непокорного отрока Атласов? Не мечту ли заветную о походе за «переливы», ту самую, что таил в себе и Атласов, надеясь заплатить царю открытием новых земель за все свои злодеяния и преступления, совершенные теперь уже на Камчатке.

Но неужели столь уж опасен был для Атласова какой-то мальчишка? Вполне возможно, даже очень опасен — ведь Козыревский был обучен грамоте. Может быть, это был единственный грамотный на весь полуостров, и через него, стало быть, проходили все бумаги, а значит, он мог знать и о царском указе и мог бы при случае разжечь казаков на смуту и поход… Атласов же придерживал острова про запас. Потому, видно, и прятал он в казенке от казаков несносного мальчишку-грамотея.

В конце 1707 года казаки, возмущенные правлением Атласова, сместили его с приказа, арестовали и посадили в тюрьму, но, обманув всех, тот бежит из Верхнекамчатского острога, где была приказная изба, в Нижнекамчатский и, затаившись, живет теперь здесь без власти и уважения. Приказчиком же был избран пятидесятник Ламаев, тот самый, который водил казаков в поход на курильские земли.

Но теперь путь на Камчатский Нос закрыт — курилы настроены были враждебно. Да и казаков не разжечь на этот поход — слишком уж рискованная затея. Нужно было ждать своего часа…

В 1710 году на Камчатку один за другим прибывают еще два приказчика. И себе же на погибель они, как и Атласов, были алчными, жестокими, творящими произвол и беззаконие. Что-то неописуемое происходило в это время на Камчатке — приказчики друг друга не признавали и ненавидели, каждый из них стремился набить свои собственные дорожные мешки дорогой пушниной и всячески помешать сделать то же самое другому, стравливали между собой камчатских оседлых (кто уже здесь и семьями обзавелся) и пришлых из Якутска казаков — для оседлых весь этот разбой приказчиков мог обернуться местью камчадалов, а пришлым терять было нечего — урвали побольше да ушли себе обратно в Якутск… Но в конце концов всеми этими сварами, стычками да науськиваниями подписали приказчики сами себе смертный приговор. В январе 1711 года верхнекамчатские казаки снова поднялись на бунт, приговорив всех троих ненавистных им приказчиков к смертной казни. Справив кровавую тризну в Верхнем остроге, они отправились в Нижний — за Атласовым.

И вот на этом их пути и встретился возвращающийся из Нижнекамчатска и ничего не знающий еще о бунте Иван Козыревский. Он тут же был арестован, ограблен, хорошенько избит за сопротивление и насильно захвачен бунтовщиками с собой в Нижний острог.

Тут-то ненависть Козыревского к Атласову перевесила на чаше весов, и обиды на верхнекамчатцев за грабеж и побои показались мелочью по сравнению с тем, что он может теперь сполна отомстить Атласову за все его прошлые злодеяния. Так Иван Козыревский примыкает к бунту, против своей воли подчиняясь неистовой силе того неподвластного ему рока, который управлял уже его судьбой и толкал на такие поступки, изменить которые никто уже был не в силе. И более того — нижнекамчатские события будут теперь разворачиваться по его, Козыревского плану: бунтовщики войдут в дом к Атласову с лжечелобитной, написанной Иваном, и, когда Владимир Владимирович возьмет ее в руки, чтобы прочесть, это и послужит сигналом для выбранного заранее палача…

Теперь никто не стоял уже на пути Ивана к его тайным замыслам. Обеспечена была и дальнейшая поддержка казаков: обагрив свои руки кровью, бунтари задумывались теперь о том, что их ждет за все это и ни последует ли указ царя о смертной казни для них самих за учиненный в Камчатке разбой. Тяжелые были эти мысли, и нетрудно было подсыпать на эти угли пороху. И потому все, кто был причастен к бунту, точно за соломинку, ухватились за этот давно вынашиваемый избранным ими есаулом Козыревским план замирения с Курилами и похода за «переливы» к «незнаемым» землям.

Тогда же царю была сочинена и послана челобитная, в которой казаки уверяли, что приказчики камчатские убиты за то, что не позволяли казакам выполнить указ Петра об открытии новых земель за Камчатским Носом, и клялись, что не пожалеют сами живота своего и присоединят к владениям России эти острова.

3. Курильские острова

1711 год. 26 сентября. «Державнейший царь, государь милостивейший! В нынешнем 711 году, в Верхнем и в Нижнем в Камчадальских острогах, прежде бывшие прикащики от нас, рабов твоих, побиты, а за что они, прикащики; побиты, и в той своей страд-ничьей вине подали тебе, великому государю, за руками две челобитные в Верхнем Камчадальском остроге прикащику служилому человеку Алексею Александровых апреля в 12 день. И за такую свою страдничью вину пошли мы, раби твои, вышеписанного месяца из камчадальских острогов служить тебе, великому государю, на Большую реку, умирять изменников, которые в прошлом 707 и 710 годах тебе, великому государю, изменили и ясачное зимовье и острог на Большой реке сожгли, а твою, великого государя, сборную ясачную казну разграбили и прикащика со служилыми людьми побили…

…А в прошлом, государь, в 706 году, будучи в Камчадальских острогах, прика-щик Василий Колесов посылал в поход служилых людей в Курильскую землю для умирительства на немирных иноземцев. И будучи служилые люди в Курильской земле, от Курильского острогу видели за переливами землю по Пенжес-кому морю, на той земле не были, и, какие люди тамо прибывают и какую битву имеют и какими они промыслы промышляют, про то они в достаток, служилые люди, сказывать не знали. А в нынешнем, государь, в 711 году мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту курильскую землю край Камчадальского Носу ходили, а где прежде служили люди у Курильского острогу были, и от того их места до самого краю Камчадальского Носа 2 дни ходу, и с того Носу мы, раби твои, в мелких судах и байдаром за переливами на море на островах были и до той земли доходили, где велено нам, рабам твоим, по твоему, великого государя, указу, проведать и дать той земле особый чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым переливом на первом берегу, на усть Кудтугана реки, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крупной. И к бою ратному тамошние курильские мужики досужи, и из всех иноземцев бойчивее, которые живут от Анадырского по Камчатскому Носу. И божиею помощью, у них, курильских мужиков, 10 человек побили, а иных многих испереранили и 3 карбаса морских у них отбили. И на том их острову соболей и лисиц не живет и бобрового промысла и привалу не бывает, и промышляют они нерпу, а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьяго перья».

Но этого показалось мало, и в «отписку» лихо присочинили — проверь-ка, дескать: «А за другим переливом на другом острову, на Ясовилке реке, живут иноземцы езовитяне, и собралось их многое число, а бою с нами они не дали, а чрез толмач под твою высокосамодержавную руку ласкою и приветом призывали. А они, иноземцы, нам, рабам твоим, сказали, что мы здесь живучи ясаку платить никому не знаем, и прежде до сего с нас ясаку никто не бирывал, соболей и лисиц не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего прихода бобры, и те бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные ткани пестрые и ныне де у нас дать ясаку нечего, а впредь ясак тебе, великому государю, платить хотят ли, про то нам, рабам твоим, не сказали. И стояли против нас своим великим войском изоружены, на битву с нами были готовы. И мы, раби твои, стояли на той их земле двои сутки, а дать бою с ними за своим малолюдством и за скудостию пороховую не посмели и себе от них опасли. И с той их земли мы, раби твои, в новопостроенный земленой острог на Большую реку пришли сентября в 18 числе и тому, государь, учинили за руками чертеж. И ныне мы, раби твои, против твоего, великого государя, указу, каков был дан указ прежде бывшим прикащиком и проведении в Курилской земле в Камчадальскому Носу на море за переливами землю проведали. А которых прошлого 710 году, мы, раби твои, Апонского государства жителей у немирных иноземцам на Жупановской реке по бобровому берегу отбили, и они сказывают, что де от вышеупомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море близь де Матмайского города и Апонского государства, и об том Матмайском и Апонском государстве радетельное свое тщание к службе твоей, великого государя, мы, раби твои, приложим и чрез дальнюю видимую землю проведать впредь обещаемся.

…Вашего величества нижайшии раби служилые люди: Данило Яковлев сын Анцифоров, Иван Петров сын Козыревской…»

Но грехи земные цеплялись уже за Козыревского, точно колючие семена череды: на допросе одного из бунтарей-первопроходцев, Григория Переломова, появилась эта вот, тоже впоследствии роковая для Ивана Петровича, запись: «…де он, Григорей, с убойцами своими со служилыми людми написали великому государю в челобитной своей и в чертеже, что были на другом морском острову, и то де они, Григорей с товарищи, написали в челобитной и в чертеже своем ложно» (Памятники Сибирской истории. Т. 2. С. 536).

Не были они на Парамушире — и весь сказ. Думали, что канет выдумка в Лету, но не получилось. Хотелось повторить поход летом 1712 года, покорить недоступные острова и дойти до «Апон-ского» государства, как царю своему в том клялись, но пошел зимой 712-го Данила Яковлевич Анциферов с большим отрядом большерецких казаков в поход на авачинских камчадалов, чтобы привести и этих непокорных «иноземцев» под «высокую руку» Петра, да заманили его с товарищами хитростью авачинцы и погубили всех до единого… Так что не с кем было Козыревскому идти на Курилы — болынерецкому гарнизону самому бы удержаться здесь, на границе с «Курильской землицей».

А тут и приказчик Колесов прибыл на Камчатку из Якутска с наказом провести со всей строгостью следствие по камчатскому бунту и казнить «смертию» всех повинных в убийстве приказчиков. И открылась тогда вся правда о курильском походе. Но оценил по достоинству значимость этого землепроходческого подвига Василий Колесов. Сам он только что вернулся из Москвы, где был царем за службу верную, за ясак богатый, доставленный самолично Колесовым в столицу, за вести добрые о землях «незнаемых», лежащих в полуденной стороне от Камчатского Носа, жалован во дворяне по «московскому списку» и награжден щедро. А тут, на Камчатке, — пожалуйста! — курилы, от которых сам Колесов получил в 1706 году богатый ясак только после похода Ламаева, сейчас сами платят исправно. Чья заслуга? Есаула Козыревского «со товарищи». И острова те морские ими же и открыты, чертеж «учинен». Так что не казнить, а миловать нужно, награждать и продолжать начатое дело — дойти походом до «Апонско-го» государства, как то Козыревский и предлагает. А что до «смертоубийства», то приказчики покойные своекорыстия ради

забыли о долге своем перед истекающей кровью и потом земле Русской, радея о своем богатстве, а не о казне государевой. И нахапали изрядно — при разделе их имущества каждому из 75 бунтовщиков выпало из той добычи по 60 соболей, 20 красных лисиц и по два бобра. Потому Колесов суд свой вершил так — приказал выдать ему для казни лишь тех, кто исполнял приговор и чьи руки потому были обагрены кровью. Тех он и казнил. А остальных, частью поротых, частью клейменных и штрафованных, послал с оштрафованным же Козыревским в новый поход на Курилы.

Тринадцатого апреля 1713 года на небольшом морском судне отряд из 55 служилых, 11 камчадалов и японца Сана, судно которого в 1710 году заброшено было штормом на Камчатку, отправился в море. Вот теперь и был покорен Парамушир, Онекотан, собраны первые сведения о других островах гряды, о Японии, составлен чертеж островов и привезен Василию Колесову подробный «доезд» (корабельный журнал), которым потом пользовались Миллер, Евреинов, Шеста-ков, Беринг, Крашенинников, Кириллов, Страленберг...

«Ученые не только проявили огромный интерес к материалам Козыревского, но и полностью доверяли им» *(Дивин В. А.* Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971. С. 29). То есть Иван Петрович исправил допущенные им ошибки и более уже не Повторял их.

Это было огромное открытие тех лет, и потому не было нужды преувеличивать его значимость — да и дело по бунту закончилось почти для каждого из них благополучно.

Но не знал, не догадывался, не подозревал и не предполагал Козырев-сига, что все еще для него только начинается и пойдут теперь годы, помеченные в календаре его великой судьбы черными метками того родового проклятия.

4. Духовный приказчик

Жадность камчатских приказчиков была известна. И потому есть все основания сомневаться в том, что лейтмотивом камчатской трагедии была эта самая ненасытная жадность приказных людей. В те годы, как мы знаем, сибирская пушнина определяла во многом могущество Государства Российского, потому не мудрено, что именно она же , мягкая рухлядь, определяла в самой Сибири имущественные дела не только властвующих, но и всех остальных, живущих здесь. Поэтому мнение историка Окуня, который считает, что одной из причин камчатского бунта был протест казаков не против самого факта накопительства приказчиками мехов, а против несправедливого раздела этих «трофеев» между всеми, достаточно верное. Но тогда мотивы бунта видятся уже совсем под другим углом зрения. И нужно признать, что совсем не малую роль в этих событиях сыграли и эти «незнаемые» острова — то есть возможность списать самый тяжкий грех открытием и присоединением к России новых земель.

Мы не знаем, как сложились на Камчатке личные дела следующих после казненных приказчиков — Василия Севастьянова и Василия Колесова. Один был страшно перепуган бунтом и поспешил убраться с Камчатки подобру-поздорову, а второй был занят следственными делами, так как одновременно с делом Козыревского с товарищами он рассматривал еще одно — о самовольном захвате власти в Верхнекамчатске казаком Константином Киргизовым (кстати, смягчающих обстоятельств в деле Киргизова Колесов не обнаружил и приказал его казнить)...

Но на смену Колесову пришел Иван Енисейский, а он-то всего за год правления собрал для себя здесь преогромную дань: 6000 соболей (150 сороков), 1070 лисиц и 200 бобров. Чтобы представить все это, давайте сравним «трофеи» Енисейского с ясаком, доставленным в Москву Василием Колесовым, — тот привез Петру 88 сороков и 14 соболей (3534 штуки), 5 черно-бурых лисиц, около 900 сиводушек и простых лисиц, 93 морских бобра. Так что куда там царю Петру до Ивана Енисейского! И куда там подавно Владимиру Атласову, убитому якобы за припрятанную чернобурку и награбленные 30 сороков соболей, четыре сотни лисиц и 74 морских бобра!.. Но ведь Енисейский ушел с Камчатки не только живым, но и в паре с «правдоискателем» Колесовым, который год еще жил на Камчатке, дожидаясь Енисейского, не рискуя пробиваться одним своим отрядом через опасную корякскую тундру. К слову сказать, я не думаю, что Енисейский любил делиться — что-то непохоже.

И совсем уж, казалось бы, нестерпимым был приказчик Алексей Петриловский, пришедший на Камчатку в 1715 году. Но и здесь до нового «смертоубийства» дело тоже не дошло. Почему? Наверное, потому, что грехи теперь покрывать было уже нечем. Так что, безусловно, Курильские острова сыграли в той печальной истории далеко не последнюю роль, особенно, конечно, в решении самого Ивана Петровича Козыревского о присоединении к отряду Анциферова. И потому это вот новое время на полуострове, без мятежей и бунтов, по-новому высвечивает и эту связь двух великих исторических фигур — Атласова и Козыревского, и то, что гордиев узел их противоречий был завязан все же на этих вот островах, и узел этот можно было только разрубить — иной развязки, по-видимому, не видел ни тот, ни другой. Впрочем, это уже другой сюжет.

Вернемся к приказчику Петрилов-скому. Он «процарствовал» два года, и каждый день его правления был подчинен одной только цели — скопить как можно больше пушнины. Петриловский не стеснялся в средствах: узнав, что отряд Колесова — Енисейского разгромлен в Аклане коряками, он выменивает у них часть отбитого ими у казаков ясака и присваивает его. В руках приказчика была и камчатская торговля. Цены он сразу вздул такие, что народ волком взвыл. За фунт табака, например, требовал 60 соболей — и попробуй откажись, не купи, когда есть указ царский...

Но и этого ему было мало — в своих мечтах он прибирал к рукам и мягкую рухлядь, накопленную на Камчатке старожилами казаками. Нужен был только повод. Но тот, кто ищет его, всегда найдет.— и в числе самых первых жертв Петриловского оказался Козыревский. Петриловский. обвиняет его в смерти трех камчатских приказчиков и начинает новое следствие по этому делу. И тщетно пытается доказать бывший есаул, что за участие в убийстве Атласова разбирался уже по его делу приказчик Колесов и снял вину за мореходческий подвиг, совершенный во славу России. Но Колесов был мертв. Да и наплевать было Петриловскому на то, оправдан или нет Козыревский, убивал тот или не убивал приказчиков. И на дыбе, и на правиле, и прижигая тело казака каленым железом, и срывая щипцами ногти с пальцев, он требовал только одного признания:

— Укажи, где твои потайные амбары с пушниной… После Енисейского ты оставался за приказчика, и, как нам известно, занимался ты здесь грабежом. .. Знаем, что привез ты и с тех полуденных островов…

И вслушивался, не слетит ли с запекшихся губ его жертвы желанное слово. Дождался-таки Петриловский — открыл Козыревский часть своих тайников. Но Петриловский' и в мыслях не имел отпустить на свободу своего узника — знал незаурядные его способности разжигать людские сердца гневным и страстным словом своим. Боялся Петриловский, что и его может постичь участь тех, следствием по убийству которых он якобы занимался.

Но где-то дал промашку приказчик и не успел довести до конца задуманное — Козыревский дал обет постричься' в монахи, и пришлось выпускать его на волю.

Так стал Иван Козыревский иноком Игнатием.

А Петриловский разорял уже других и скоро имел в своей собственности 5669 соболей, 1545 красных и 161 сиводушных лисиц, 169 выдр, 207 морских бобров и, кроме того, огромное количество меховых лоскутов и меховой одежды.

И главную долю всех этих богатств он «вымучил» из казаков, применяя кнуты, батоги, пытки, заковывая в кандалы и забивая в колодки, сажая в тюрьму…

Так что чувствовал себя Петриловский на Камчатке как рыба в воде и не очень-то боялся «охочих до бунтов» казаков-камчатцев. Это-то и странно… А впрочем — еще раз вспомним, что Курильские острова уже были открыты…

Но возмездие все же пришло. Правда, со стороны. В 1716 году на лодии «Восток» казачий пятидесятник Кузьма Соколов и мореход Никифор Тряска проторили дорогу из Охотска в Болыперецкий острог по Охотскому морю. Узнав на Камчатке о всех злоупотреблениях пятидесятника Петриловского, Соколов сместил его с должности, посадил под караул, а имущество конфисковал в казну. На следующий год бывшего приказчика на лодии доставили в Охотск, а оттуда отправили на суд в Якутск.

Вероятно, не последнюю роль в этом смещении ненавистного Петриловского сыграл и инок Игнатий. Не случайно же, что в 1717 году он прибирает к своим рукам духовную власть над всей Камчаткой, собирает своих друзей по несчастью — насильно, как и он, постриженных в монахи, разоренных и доведенных до отчаяния Петрил овским — и строит недалеко от Нижнекамчатска, на реке Ключевой у Горелой Сопки, Успенскую пустынь. Здесь монахи выращивают ячмень и рожь, в устье реки Камчатки, на островах, была устроена у них заимка и солеварня. Сам Козыревский в 1718 году получает от якутского архимандрита клобук и рясу, то есть утверждается духовным приказчиком Камчатки.

И потому он снова в центре всех событий, происходящих на полуострове.

А здесь многое изменилось с тех пор, как была открыта морская дорога на Камчатку. Во-первых, ясак теперь беспрепятственно поступал в казну. Во-вторых, наладилась регулярная доставка на Камчатку продовольствия и боеприпасов. В-третьих, приказчики менялись аккуратно в срок — с очередным приходом казенного судна из Охотска.

Казалось бы, все это должно было способствовать тому, чтобы поступление ясака из Большерецкого порта в Охотск год от года возрастало. Напротив, количество его резко упало. Оно и понятно — пушной зверь на Камчатке был уже основательно повыбит. Но якутскому воеводе до этого не было дела, и он слал на Камчатку приказчиков со все новыми и новыми инструкциями, полагая, что ясак уменьшается только из-за казачьего нерадения и воровства, а также из-за нежелания камчадалов платить царю пушной налог по «причине природной склонности к бунтам и разбоям». Потому-то в этих инструктивных наставлениях рекомендовалось проводить в отношении «инородцев» политику «кнута и пряника» — защищать от обид и разорения казачьего, с одной стороны, а с другой — «сыскивать в ясак захребетчиков и подростков».

То есть политика эта прежде всего была направлена против «домовитого», выражаясь языком Дона, камчатского казачества, против старожилов, против тех, кто породнился уже с местным населением. И эта политика, естественно, порождала свои плоды.

В 1718 году приказчиком одного из казачьих острогов был назначен Василий Качанов. Первое, что тот сделал, — выпустил на волю заложников-аманатов Купку и Киврю с реки Воровской, и они тотчас подняли и возглавили бунт… Затея стоила немалых жертв с обеих сторон, и потому приказчик был отстранен казаками от должности, сам посажен в аманатскую казенку и «мучен вилами».

Прибывший на место Качалова сотник Максим Лукашевский доносил в 1720 году в Якутск, что он живет «в великом сомнении для того, что они возмутители и «мятежники в указе великого государя не берегут», что казаки на Камчатке и прежде убивали прикащиков, мучили и арестовали Алексея Петриловского, мучили в 1719 году сына боярского Василия Качалова и едва не заморили его в аманатской казенке и что если возмутителей не переселить из Камчатки, то и впредь они будут отказывать прикащикам в повиновении и будет в службе великого государя всякое непоспешание…» *(Андриевич В. К.* История Сибири. Ч. 2. СПб., 1889. С. 113).

Как видите, очередная зацепочка за убийство Атласова. И читаем там же далее: «Лукашевский указывал на монаха Игнатия Козыревского как на ловкого коновода всех возмущений камчатских казаков. По его извету Козыревский был допрошен в 1720 году сотником Иваном Уваровским и отправлен затем в Якутск».

Академик Берг в своем труде «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» акцентирует внимание на причине очередного ареста Козыревского и нового следствия по забытому уже делу: «…в 1720 году мы его застаем в Болыперецке… Здесь Игнатий, будучи на постоялом дворе, повздорил с одним служилым человеком, укорявшим его, что от него де и прежние приказчики на Камчатке убиты. На это монах Игнатий говорил такие возмутительные и похвальные (т. е. наглые) речи: «Которые де люди и цареубийцы, и те живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке прикащиков убивать». Отправляя за эти слова Игнатия за караулом в Якутск, закащик Камчатского наряду (так назывались управители, назначавшиеся по острогам приказчиками) Максим Лукашевский в своей отписке якутскому ландрату Ивану Ракитину прибавлял! «А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение. Да и преж сего в убойстве прежних прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липинд он монах Игнатий был первым, да и в отказе Алексея Петриловского и Василия Качалова от приказов возмутителем был он же, монах Игнатий Козыревский».

Добавим только, что и этот сотник Лукашевский за злоупотребления своей властью на Камчатке позже будет отдан под суд. Так что враги у Козыревского на Камчатке пока одни и те же.

5. Якутск и Москва

Следствие было закончено в пользу Козыревского. Более того, в награду за курильский поход он получил 10 рублей — годовое казачье жалованье — и был определен строителем Покровского монастыря около Якутска *(Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Т. 1. С. 27). Одно время Козыревский даже замещал архимандрита Феофана в монастыре — то есть был в чести.

Но в 1724 году вследствие ревизии сибирских дел, вызванной преступлениями Гагарина (бывшего губернатора Сибири. — *С. В.)*, всплывает опять дело о камчатском восстании 1711 года. Козыревский был посажен под стражу, но бежал и подал якутской воеводской канцелярии челобитную, что он знает пути до Японского государства и просит отправить его по тому делу в Москву. В 1726 году в бытность Беринга в Якутске к нему явился монах Игнатий с чертежами и развил ему свои планы насчет Японии, но Беринг нашел их несостоятельными и даже отказал Козыревскому в его просьбе быть ~~принятым~~ в экспедицию. Затем предприимчивому монаху удалось в следующем году устроиться в партию казачьего головы Афанасия Шестакова, отправлявшегося на северо-восток Азии «для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев». Козыревскому было поручено плыть вниз по Лене и выйти в море для открытия земель против устья этой реки. В Якутске Игнатий построил за свой счет судно «Эверс» и на нем в августе 1728 года отправился вниз цо Лене… Козыревский дошел на «Эверсе» до Сиктаха на Лене и здесь зазимовал, «Раньше историки ошибочно считали, что в 1728 году Козыревский до океана не дошел и зимовал в Сиктахе на Лене. Из новых свидетельств явствует, что до зимовки в Сиктахе «Эверс» побывал «на Северном море окиане». В январе 1729 года Игнатий вернулся в Якутск, и весной судно его изломало льдом», — так описывает этот период в жизни Козыревского академик Берг.

Период очень тяжелый, когда тень Атласова снова заслонила ему путь в полуденные страны, к «Апонскому» государству. И «Эверс», как указывают многие исследователи, снаряжался Козыревским для плавания через Северный Ледовитый океан в Тихий — на Камчатку, Курилы и в Японию… Но судно было отобрано у Козыревского и приписано к экспедиции как казенное. Тут еще незавершенное следствие, которое тоже неизвестно чем для него может кончиться… Так что период этот был очень даже тяжелый. И когда Игнатию стало окончательно ясно, что пути на Камчатку из Сибири у него нет, что сибирские власти не забудут и не простят ему камчатских бунтов, он отправляется в Москву, к императрице Анне Иоанновне, за поддержкой.

Его встретили с почетом — в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется даже сообщение о первооткрывателе Курильских островов. Ему оказываются милости и даже уже поговаривают о возможности экспедиции в Японию, об организации которой и хлопочет Игнатий.

Но… «он пожаловался на тобольского митрополита за то, что тот его послал в «Учрежский монастырь на безвыходное пребывание». Синод послал запрос в Тобольск. И оттуда… тобольский митрополит Антоний сообщил…» *(Полевой Б.* Первооткрыватели Курильских островов. С. 48).

Вот письмо Антония. Письмо-приговор.

«В указе ея императорского величества, каков от святейшаго правительствующаго Синода сего 1731 года июля 17 отправлен, а в Тобольску сентября 1 числа получен, ко мне нижеимянованному написано. По ея де императорского величества указу и по определению святейшаго правительствующаго Синода, велено о пришедшем в прошлом 1730 году в Москву из Камчадальской землицы монахе Игнатии Козыревском в доме моем справиться, не имеется ль до него, Козыревского, каких подозрительных дел и по тем не учинено ль ему когда какого публично на теле наказания, и в Москву он отпущен ли, и буде отпущен, откуда и зачем, и пашпорта он для проезда в Москву от меня требовал ли, и ему тот пашпорт дан ли, и в котором году, месяце и числе, и какова тот Козыревский состояния человек, и где в котором году пострижен, и кем и по какому указу, и, учиня б оную справку, прислать в святейший правительствующий Синод при доношении немедленно. И за означенной ея императорского величества указ благопочтенне ответствую.

На вопрос 1.

В прошлом 1724-м году по учиненным в Москве в бышшем Преображенском приказе привезенному в тот приказ из Якутска Троицкой церкви попу Семену Климовскому в важных делах распросах он, поп Климовский (как о том из того приказу марта 11 дня оного 1724 году в московскую синодального правления канцелярию доношением, а из той канцелярии того ж году от апреля 2 дня отправленным ко мне его блаженныя и вечно достойныя памяти императорского величества указом объявлено), во втором расспросе показал, знает де он неисправные церковные дела города Якутска Спасского монастыря за архимандритом Феофаном и за закащиком того ж монастыря монахом Игнатием Козыревским и о том де донесет он святейшему правительствующему Синоду. А в третьем распросе во оном же приказе на означенного Козыревского между других дел показывании объявил: как де он, Козыревский, был в казачьей службе и посылай был из Якутска на Камчатские остроги и в тех де острогах якутския казаки, в том числе и оной Козыревской, побили до смерти трех человек прикащиков, которые де посланы были из Якутска для сбору ясака, а имянно: Осипа Миронова (Миронова-Липина. — *С. В.)*, Петра Чирикова, Володимера Отласова».

Удар был рассчитан точно. А чтобы Козыревский не смог отвести его, Антоний дополняет: была, дескать, челобитная от тех бунтовщиков, где они пытаются оправдаться и взвалить всю вину на убитых приказчиков, но грош цена той челобитной: «А в челобитной прочих (пришлых. — С. *В.)* казаков, которые в душе с оными Анциферовым и Козыревским не пошли и к бунту их не пристали, доказывается, что оне тех прикащиков убили нарядным делом и пожитки их все побрали и по себе разделили, а назывались де Анциферов атаманом, а Козыревский ясаулом. А тех убитых прикащиков оные, к бунту не приставшие, не токмо никаким неисправлением и разорением их не порекли,

но и одобрили, что они в сборе в казну императорского величества ясаку и во всем деле своем были исправны и радетельны.

Да онеж де, бунтовщики, и у них служилых, которые к бунту их не пристали, наготовленные себе в путь для отвезения собранной императорского величества ясачной казны в Якутск кормовые запасы все пограбили, а судовые припасы, паруса и снасти драли и резали. А таким де своим бунтовством оную ясачную казну на Камчатке остановили».

И далее Антоний свидетельствует в том же духе против Игнатия: понес ли какое наказание за тот бунт Козыревский — «неизвестно»; отпускался ли в Москву — нет, уехал без спросу, без соизволения митрополита, без «пашпорту»; да и вел себя монах в якутских монастырях непристойно — таинственные присяги давал читать и переписывать, «изворовал» из венечных пошлинных денег пять рублей двадцать два алтына две деньги (обратите внимание, какая скрупулезная точность!) да из казны одной монастырской «сто и больше» и из другой «рублей на триста» (а здесь что-то очень уж приблизительно — видимо, приврал святой отец).

Митрополит, правда, вроде бы и признает, что в некоторых своих «винах» Козыревский оправдывается, но: «И хотя по означенным показаниям он, Козыревской, своеручно написанным ответствием приносил некакие и выправки, обаче без совершенного изеледования, верить ему в том невозможно, а совершенно изеледовать не допустил нижеявленный случай: понеже он, Козыревской, указом ея императорского величества от тобольской губернской канцелярии обязан в партии быть при вышепоказанном Шестакове показания ради новых землиц и морских островов и народов».

Лукав был Антоний. И письмо выдает, как он вил свои лисьи петли, стежки-дорожки: то митрополит каждую мелочь несколькими свидетельскими показаниями подкрепит, то вдруг обрушивает на голову Козыревского такой валун, что хоть сразу того в петлю и на погост: «А от других слышно о нем, что он, Козыревской, с отцом своим Петром в прошлых давних годех с Москвы сослан в Якутск в ссылку, и якобы чернил и бумаги им давать не велено».

Единственно, наверное, в подписи под этим письмом не солгал Антоний: «Святейшества вашего всегдайшний богомолец и слуга… недостойный митрополит Тобольский Антоний.

1731. Октобрия 1».

И началось пятое уже по счету расследование дела по участию Козыревского в убийстве трех камчатских приказчиков.

А потом посыпались приговоры. Синод лишил Козыревского «священства и монашества», передав после этого его дело в Юстиц-коллегию.

В январе 1732 года там было решено: «Растригу Козыревского казнить смертью». Затем внесена поправка: «…не чиня той экзекуции», передать дело в Сенат.

16 февраля 1732 года, уже в Сенате, смертный приговор подтвержден вторично.

Козыревский обращается с прошением о помиловании к императрице, в котором указывает на различные свои заслуги, в том числе и на присоединение им к России северных Курильских островов.

Ответа не поступило. Больного Козыревского содержали в подземной сырой камере бывшего Преображенского приказа в ручных и ножных кандалах как опасного государственного преступника. Все это ускорило трагическую развязку — 2(13) декабря 1734 года Иван Петрович Козыревский умер в тюрьме…

Так ушел из жизни этот человек. Но остались на карте открытые им Курильские острова — выстраданный всей жизнью дар Ивана Козыревского Российскому государству.

ГЛОТОВЫ

Это фамилия знаменитого камчатского морехода Степана Гавриловича Глотова (см. очерк «Степан Глотов»), которая перешла в духовное наследство к камчадалам, но, к сожалению, не сохранилась по причинам вполне типичным для того времени: поселения, в которых они жили, перестали существовать. Глотовы — камчадалы-аборигены — были жителями Щековского острожка. В исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 г. в Щековском острожке значатся «камчадалы и домашние их — 15 душ обоего пола, в том числе всего шесть мужчин». Православные аборигены носили фамилии Мешковых, Глотовых, Креницыных, Поповых. Но уже в середине XIX в. К. Дитмар, дважды проезжавший здесь, записал: «На северном берегу находятся остатки Щековского острога, теперь совершенно оставленного, но впору процветания Нижнекамчатска он представлял богатое и очень людное место».

Не сохранились и фамилии жителей этого острожка, переселенных в Ушки.

Степан Глотов

Гвозденник «Святой Иулиан»

Московскому посадскому Ивану Никифорову, хотя и не имевшему собственных средств для организации промысловых экспедиций за бобровым мехом на Алеутские острова, суждено было вписать очень важную страницу в летопись славных событий по покорению Великого океана: он построил на Камчатке первый промысловый бот «Святой Иулиан».

До него на промыслы выходили на шитиках, которые, как мы говорим, «шились» прутьями, китовым усом или ремнями, а Никифоров построил «гвозденник», то есть судно на гвоздях, с деревянными креплениями. Гвозденники были крупнее и надежнее, да и выходили на них в море уже не тридцать промышленников, а вдвое больше…

У Никифорова были золотые руки, но не было золотых червонцев, и потому он вынужден был сдать «Св. Иулиан» в аренду Никифору Трапезникову.

2 сентября 1758 года первый в истории Камчатки промысловый бот вышел в открытое море. Мореходом на «Св. Иулиане» был яренский посадский человек Степан Глотов.

Лисьи острова

Нижнекамчатск, 1762 год.

«В прошлом 758 году сентября 2 числа… вступили… из Нижнекамчатского устья в открытое Тихое море в морской вояж для изыскания новых островов и народов под препровождением оного судна ево Глотова благополучно. Точно во время начатого

того вояжирования в мореходном от осенних начавших погод занесло в девятые сутки к близь лежащему от называемого Командорского острова (к) Медному небольшому острову ж, где по благодати божией, пристав, зимовали и довольствовали себя, вопервых, пропитанием, заготовляя оное к будущему вояжу для поисков дальних незнаемых островов.

А потом упромышленно ими бобров, маток и кошлаков 83 да песцов голубых 1263, кои все во одежды и одеяла испошиты. А понеже при мореплавании от Камчатского устья, по выкиде судна на оной Медной остров, от предписанных жестоких в море осенних волнениев бывшие два якоря оторвало и унесло в море, для чего они с прочими компанейщики со общего согласия, для спасения судна и людей, чтобы во время намеренного в море островов поиска не погибнуть безвременно, взяли с Командорского острова разбитого пакетбота бывшей Камчатской экспедиции лежащего железа полоскою и в деле яко то в буотах и крюках, по весу 15 пуд и сковали через немалой труд два якоря, которые и ныне при том судне имеются, то что у обоих их по одной лапе во время волнениев же оторвало.

И при перезимовке на Медном острову и по промысле на пропитание морских коров, нерп и сивучей, мяса сушеного наготовя, в наступившее 759 году лето августа с 1 числа вступили паки в морской вояж к поиску и окончанию намеренного пути. И с того августа 1-го числа плыли, не касаясь, ко известным морским же Алеутским островам между север и восток и в том плавании благополучными погодами продолжали времени даже сентября до 1-го числа.

А в том числе, по дарованию господню и по высокому ея императорского величества счастию, благополучным путешествием прибыли на остров, лежащий в северо-восточной стороне и, усмотря судну удобное к отстою место, пристали между лежащее к полдням того острова каменье на мягкой песок без всякого о берег судну повреждения. А тот остров называется по названию тамошних народов Умнак, который у них почитается над вторым медальным островом же главным и первым». (Это были крупнейшие острова Алеутской гряды — Умнак и Уналашка.)

Шлюп «Нева» Юрия Лисянского на реде Новоархангельска (Ситка)

«*… На оных двух островах имеются звери: бобры морские, лисицы чернобурые, бурые, седые, крестовки и красные разных доброт*».

(И потому впоследствии прозвали эту группу островов Лисьими островами. Промысел был удачен — 1389 бобров и 1648 лисиц на сумму более 130 тысяч рублей).

«*И с того отправления маия з 26-го августа по 31-е число того 762-го году обратно к Нижнекамчатскому устию, быв в пути, имели превеликие недостатки в воде и в пище, так что и последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли…*».

А вот каков итог этого вояжа, по мнению одного только исследования: «Плавание Глотова относится к одному из самых замечательных плаваний того времени в сторону Америки. Глотов проник дальше всех других мореходов на восток, прошел вдоль всей Алеутской гряды, сделал замечательные открытия, описал открытые земли, организовал составление карт, при этом сохраняя мирные отношения с местным населением» (Зубикова З.Н. Алеутские острова. — М, 1948. — С.24).

Бухта Бечевинская

В то время как Степан Глотов обновлял гвозденник Никифорова-Трапезникова, в Охотске иркутский купец Иван Бечевин задумал построить бот «еще пуще «Иулиана». Но пока ладили плотники новый бот — одиннадцати саженей (23 метра) по килю, пока освещали охотские попы его и рекли «Святым Гавриилом», самого Ивана Бечевина пытал на дыбе печально известный в Сибири ревизор Крылов, вымогая припрятанные купцом деньги за тайные винокуренные дела и кабацкие сборы.

13 декабря 1759 года, не выдержав адских мучений, Иван Бечевин умер в Иркутской тюрьме.

«Св. Гавриил», готовый к плаванию, ждал команды, отстаиваясь в устье реки Белоголовой. Вместо хозяйской воли пришел официальный указ: «Судно взять в казну и отправить на три года на промыслы».

Мореходом на «Св. Гавриил» был назначен Гавриил Пушкарев. Что известно о нем? Очень мало. Рядовой участник Второй Камчатской экспедиции. Неудачливый покоритель (вместе с Дмитрием Пайковым) на «Св. Владимире» Земли Штеллера в 1758 и 1759 годах. Вот, вроде бы, и все.

А жаль. Хотелось бы знать больше, чтобы больше понять. Ведь, говоря словами З.Н. Зубковой (с. 27), «судно «Гавриил» и его плавание имеют свою особую историю. Плавание «Гавриила» связанно с усилением… направления в деятельности купцов (промышленников)… ставящего себе целью покорение островов вооруженной силой».

Первыми, как мы помним, в этой «деятельности» были члены экипажа шитика Михаила Неводчикова. Помним и о том, как наказала их за это судьба.

Проследим теперь за «Св. Гавриилом».

24 августа 1760 года бот пристал к берегу одного из заливов острова Атту (Ближние Алеутские острова, открытые в свое время Неводчиковым), но там не задержался и отправился дальше. 25 сентября прибыл на Атху (Андреяновские острова). Здесь Пушкарев встретился со своими старыми знакомыми — членами экипажа бота «Св. Владимир». Дмитрий Пайков уже было собирался покинуть негостеприимный остров: накануне алеуты по неизвестным причинам убили у него двенадцать человек. Приход «Св. Гавриила» изменил планы морехода. Решено было организовать «складственную компанию». Это значило, что половина людей со «Св. Владимира» переходила на «Св. Гавриил», и наоборот. Каждое судно в дальнейшем вело независимый промысел, а добыча делилась поровну.

В1761 году суда пошли на восток. «Св. Владимир» дошел до острова Кадьяк, где небыли еще русские. «Св. Гавриил» попал сначала на Умнак, но, встретившись здесь с Глотовым, отправился дальше, пересек Исанотский пролив и пристал к «материку» берегу Америки — Аляске, которую принял за большой остров. Здесь также еще не бывали русские промышленники. Но ни на Кадьяке, ни на Аляске у промышленников ничего не вышло. Я цитирую З.Н. Зубкову: «Дружественные отношения с жителями в январе 1762 года сменились враждебными и снова по старой причине насилия над женщинами партии промышленников, во главе которых стоял сам Пушкарев. В результате восемь промышленников были убиты и столько же ранено. В виде мести промышленники убили семерых алеутских заложников (аманатов). Это был первый случай убийства заложников. В результате вооруженных столкновений «Гавриил» снялся с якоря и 26 мая 1762 года отправился в обратный рейс. Зайдя снова в Умнак, Пушкарев захватил не менее 20 алеутов, в большинстве девушек».

Ситка. Вид со стороны русского кладбища

С этим грузом и отправился «Св. Гавриил» на Камчатку, но 25 сентября потерпел крушение в одной из бухт Шипунского полуострова, которая по сей день зовется Бечевинекой.

Сам Пушкарев остался жив. Бежал с Кадьяка и Дмитрий Пайков. И потому все, кто шел вслед за ними, не могли рассчитывать на хороший прием аборигенов.

Кадьяк

Не успел Глотов поставить на ремонт «Св. Иулиаиа», как соликамский купец Иван Лапин и лальский Василий Попов вверяют ему своего «Андреяна и Наталию».

И снова море, хотя только закончились тяжелые испытания, многомесячная болтанка, голод, цинга, физическая усталость, тоска по родной земле, от которой был оторван несколько лет… Но страсть первооткрывателя переборола, и Степан Гавриилович повел «Андреяна и Наталию». Как и в первый раз, он прошел все известные доселе острова Алеутской гряды и ушел далеко вперед. И если в первый раз он совсем немного не дошел до побережья, до Аляски, то на этот раз прошел стороной и высадился на острове Кадьяк.

Аборигены встретили русских враждебно: засыпали стрелами. Пришлось отпугнуть их ружейным огнем. Они отошли, но вскоре на «Андреяне и Наталии», вытащенном на берег, обнаружили серу и сухую траву — островитяне готовились сжечь судно. Видя, что и это им не удалось, они снова напали на промышленников — в атаку ринулось более двухсот человек, прикрываясь от пуль деревянными щитами. Нападение было отбито, но через месяц, под прикрытием еще более толстых щитов, островитяне снова попытались нанести удар.

Вообще не в правилах Глотова было устанавливать отношения с местными жителями при помощи оружия, тем более, что имел он богатейший опыт в общении с воинственными племенами Умнака и Уналашки, где заслужил любовь и уважение аборигенов.

Стал искать он такого же пути в установлении контактов и с жителями Кадьяка. К весне между ними завязалась уже бойкая торговля.

На Камчатку Глотов вернулся в 1766 году с большим количеством пушнины.

ГОЛЫХ

Самые первые сведения об этой камчатской фамилии, которые мы обнаружили, относятся к 1773 году, когда был сформирован отряд зверопромышленников для плавания на боте «Святой Евпл» на Алеутские острова, в составе которого был Кирило Петров Голых — Нижнего уезда деревни Ключевской крестьянин.

Последующие данные только подтверждают тот факт, что Голых — русские старожилы, крестьяне селения Ключевского.

Так в списке награжденных медалью «За усердие» на Андреевской ленте «По вызову, посланному по распоряжению Г. бывшаго Камчатскаго Военнаго Губернатора Контр-Адмирала Завойко, явились для защиты Петропавловского Порта в случае нападения неприятеля в 1855 году и во время пребывания Англо-Французской Эскадры в Авачинской губе находились в окрестностях Порта готовые к отражению неприятеля, ежели бы он сделал попытку идти во внутрь страны, и

помогали вывозкою казенного имущества» есть имя ключевского крестьянина Андроника Голых (32-х лет).

В начале XX века вышел в свет еще один документ, обнаруженный в Камчатском архиве:

Голых Августа Петровна. Род. 17 ноября 1914 г. Родители — камчадал Камаковского селения Петр Васильевич Голых и законная жена его Соломония Петровна. Восприемники — камчадал Камаковского селения Иван Автономович Расторгуев, жена крестьянина Василия Петрова — Серафима Иннокентьевна Петрова. Свящ. Гер. Коллегов. (*Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1909 год, ГАКК*). Судя по всему, крестьян Голых постигла та же участь, что и многих крестьян из сел Ключи и Мильково, которые были переселены на новые места, где прежде проживали аборигены и где они были записаны в камчадалы. По крайней мере, нам не приходилось прежде (просматривая церковные документы 1812, 1852 гг.) встречаться с фамилией камчадалов Голых в селении Камаки.

Соответственно к природным ключевским крестьянам относится и ее брат: Голых Ксенофонт Петрович, род. 17 октября 1917 г. Родители — Камаковского селения гражданин Петр Васильевич Голых и законная жена его Соломония Петровна. Восприемники — Нижнекамчатской Успенской церкви вр. и. д. псаломщика Василий Алексеевич Петров, внука священника Геронтия Коллегова девица Александра Павловна Коллегова. Свящ. Гер. Коллегов. (*Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1917 год, ГАКК*).

Эти наши выводы отчасти подтверждают и исследования Владимира Ксенофонтовича Голых, президента Усть-Камчатской районной Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Голых Владимир Ксенофонтович, отец Голых Ксенофонт Петрович — 1918 г. р., Камаки, дед — Голых Петр Васильевич («по рассказам отца, приехал осваивать Камчатку», т. е. В. К. Голых подтверждает, что его дед Голых Петр Васильевич не является уроженцем села Камаки. — *С. В.*), г. р. 1858. Женился на камчадалке, бабушка – Голых Саломонида (по другой версии Соломония) Петровна (г. р. 1863 — Ключи, г. с. — 1943, Камаки). Дядя — Голых Петр Петрович, 1910 г. р. Тетя — Снофидова Анна Петровна, 1916 г. р.

В эти же годы в Ключах благополучно проживали их родственники: Голых Петр Андроникович, Ключевского селения крестьянин,

1893 г., 49 лет. Жена его Матрона Михайловна — 49 лет. Дети их: Соломония — 8 лет, Параскева — 4 года, Анна — 8 месяцев. (*Выписка из исповедальной росписи Ключевской церкви за 1893 г., ГАКК*).

ГРИГОРЬЕВЫ

На Камчатке проживают представители разных самостоятельных ветвей фамилии Григорьевых.

Григорьев Елисей, алеут. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за отличие и заслуги по обороне Командорских островов в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

ГРЕБНИЦКИЕ

Старинный дворянский род Гребницких больше известен в Польше, Белоруссии и на западе России, нежели на Дальнем Востоке. Одно из имений находилось в поселке Оболь (Витебская обл., Беларусь), также известна усадьба неподалеку от Невеля (Псковская обл., Россия). Но имел ли управлявший Командорскими островами Николай Александрович Гребницкий кровные узы с представителями данной ветви, остается загадкой.

Гребницкий Николай Александрович (1848–1908).

Гребницкий занимал пост Управляющего Командорскими островами с 1877 по 1907 г. Сложно переоценить роль этого человека в процессе формирования нового, рационального подхода к пушному промыслу в тихоокеанском регионе конца XIX — начала XX вв. Исторический парадокс заключается в том, что наш герой одновременно достаточно известен, и при этом почти не знаком мировому сообществу. О Николае Александровиче сохранилось больше легенд и

• Гребницкий, 1883 г. Сем.арх. Куликовой

домыслов, нежели реальных фактов. К примеру, в историческом романе Валентина Пикуля «Богатство» он фигурирует под вымышленным именем «Губницкий». Несмотря на легкое искажение фамилии, прототип вполне узнаваем — место действия, разворачивающиеся события и должность «управляющего островами» не оставляют сомнений. Легким росчерком пера писатель представил Гребницкого в образе циничного дельца. Не удивительно, что по сей день многие наши современники, едва заслышав имя, восклицают: «Ну как же! Это тот самый, что с «американского разбоя имел миллионы долларов, которые и рассовал по швейцарским и лондонским банкам»[1]?». Да, это — «тот самый», и в то же время совершенно другой человек.

Исследования последних лет показали, что «вилла» бывшего Управляющего оказалась не в Сан-Франциско, а в деревеньке Кузнецово Крестецкого уезда Новгородской губернии. С каждым новым шагом образ продажного чиновника таял, вместо него появлялся блестяще образованный энергичный человек с глубоким пронзительным взглядом, всю жизнь разрывавшийся между необходимостью решать нескончаемые административные проблемы и желанием заниматься вопросами академической науки. Авантюрный жизнелюб с неизменным легким налетом иронии в уголках губ. Личность, безусловно, сложная и многоплановая.

Николай Александрович родился 26 ноября[2] 1848 г. в селе Кончанском Боровичского уезда Новгородской губернии (родовом имении князей Суворовых). Родителями значатся «дворовые люди» Александра Аркадьевича Суворова-Рымникского: Александр Яковлевич и Анна Михайловна.

О детстве Николая мы знаем очень мало. Жил ли он в Санкт-Петербурге или на Новгородчине, сказать сложно. Известно лишь, что 23 декабря 1858 г. опекунша записала мальчика в столичное мещанское общество[3]. По всей видимости, регистрация была приурочена к предстоящему поступлению в среднее учебное заведение. В 1867 г. Гребницкий окончил полный курс находившейся на Васильевском острове Ларинской гимназии. Одаренный и любознательный воспитанник подавал большие надежды, и за успехи в учебе был награжден серебряной медалью[4].

Примечательно, что в дошедших до наших дней официальных бумагах фамилия «Гребницкий» впервые появляется только в 1859 г. Если бы не чудом сохранившаяся метрика, можно было бы предположить, что родителями Николая были небогатые мелкопоместные дворяне, статус которых в России приравнивался к мещанскому. На деле генетическое родство с имеющим польские корни старинным родом Гребницких не выглядит столь очевидным и требует отдельной доказательной базы. Не исключено, что мальчик являлся внебрачным ребенком одной из высокопоставленных особ и имел влиятельного покровителя в дворянской среде. Эту версию косвенно подтверждает тот факт, что во всех более поздних документах ровным счетом ничего не говорится ни о его родителях, ни о месте, ни даже о времени рождения. В послужных списках статского советника Николая Гребницкого значится лишь то, что он происходит «из податного сословия»[5], включавшего, между прочим, не только мещан, но и незаконнорожденных.

Сразу после окончания гимназии юноша поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Гребницкий являлся одним из активных членов университетского Общества Естествоиспытателей природы, президентом которого был Карл Федорович Кесслер. К середине второго курса он успел создать серию

1 Пикуль, с. 231.
2 Здесь и далее дореволюционные даты приводятся по Юлианскому календарю (как в первоисточнике). Дата рождения высечена на надгробной плите, обнаруженной Татаренковой Н.А. в 2013 г.
3 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3531. Л. 5. Свидетельство из Санкт-Петербургской Мещанской управы.
4 Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. Прил., с. 16.
5 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 12. Д. 1132. Л. 3 об., 136 об. и др.

иллюстрированных лекций по морфологии животных. Материал уже был готов к печати, но так и не увидел свет, по всей видимости, из-за внезапного ареста автора.

Начало 1869 года ознаменовалось волнениями в среде воспитанников высших учебных заведений всех крупных городов России. Собираясь друг у друга, студенты критиковали существующие порядки, лишавшие их права иметь собственную кассу и обсуждать накопившиеся проблемы в стенах учебных классов. Не меньше возмущало и наличие постоянного полицейского контроля. Шумные сходки в Петербургском университете закончились отчислением девяти зачинщиков, что в свою очередь вызвало новый взрыв негодования. Как итог, сорок студентов университета были арестованы, заключены в Петропавловскую крепость и в скором времени высланы административным порядком «по месту проживания». В числе отчисленных арестантов оказался и Николай Гребницкий[1].

Жесткий запрет покидать пределы Великого Новгорода перечеркнул не только возможность продолжать обучение в столичном вузе, но даже заниматься научно-исследовательской деятельностью в районе расположенного в непосредственной близости от города Ильмень-озера. Несмотря на ходатайство Совета Петербургского университета о восстановлении студента, разрешение продолжить учебу пришло лишь в сентябре 1870-го. Дорога в крупные города была заказана, и молодой ученый выбрал «для продолжения курса наук» недавно открывшийся на базе лицея Новороссийский университет города Одессы.

Николай закончил вуз 23 декабря 1872 г. и получил степень кандидата естественных наук. В следующем году были опубликованы два его серьезных труда: «Материалы для фауны Новороссийского края» и «Предварительное сообщение о сродстве фауны Черного моря». Примечательно, что Гребницкий был одним из первых, высказавших предположение о связи Черного моря с Северным морем и Ледовитым океаном в период более ранних геологических эпох. Ученому были хорошо знакомы многие передовые теории своего времени. В более поздних работах он опирался не только на сочинение Дарвина о происхождении видов, но также на труды Менделя, что весьма показательно, поскольку работа в те годы была мало известна мировому

1 Татищев, л. 173-176, 303 об.

сообществу, ее можно было прочесть лишь в оригинале на немецком языке.

Следующие два года Гребницкий посвятил изучению гидробионтов Черного моря, параллельно занимаясь преподавательской деятельностью. Но семейная драма изменила планы. Дело в том, что 23 января 1870 г., еще находясь под надзором полиции в Великом Новгороде, Николай Александрович заключил брак с Екатериной Ивановной Писаревой[1]. Речь идет о младшей сестре известного революционера-публициста Дмитрия Писарева. Это была умная, искренняя, открытая девушка, трагически ушедшая из жизни в Женеве летом 1875 г. Какими бы сложными не были отношения молодых супругов, скорее всего, именно эта утрата побудила Гребницкого оставить привычные стены и отправиться искать счастья в далекую Сибирь.

1 ноября 1875 г. он прибыл учителем математики в мужскую гимназию города Иркутска. Преподавательская деятельность, хотя и приносила стабильный доход, не слишком соответствовала интересам и амбициям молодого ученого. Сделавшись действительным членом Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, Николай Александрович оставил педагогическую деятельность и принял участие в правительственной экспедиции, посвященной изучению Южно-Уссурийского края. Он блестяще справился со всеми поставленными задачами: анализом экономической ситуации, изучением особенностей заселения и природопользования и сбором статистических сведений[2] и 14 марта 1877 года был зачислен в основной штат Главного Управления Восточной Сибири. В скором времени он дал согласие отбыть в самую отдаленную точку России, и был командирован Управляющим на Командорские острова.

Гребницкий занимал вверенный ему пост ровно 30 лет (уволен 26 мая 1907 г. по состоянию здоровья). За время безупречной службы он зарекомендовал себя не только как дальновидный администратор. Являясь кандидатом естественных наук, он сумел грамотно организовать и регламентировать промысел пушного зверя: установил жесткие недвусмысленные правила охоты, минимально ущемляющие интересы местного населения, организовал регулярные запуски зверя (временное

1 ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. Л. 31.
2 ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 240.

запрещение охоты с целью восстановления численности), всеми силами способствовал пресечению браконьерской деятельности иностранцев в Российских территориальных водах. Помимо исполнения прямых обязанностей Гребницкому приходилось решать самые разнообразные задачи — от снабженческих до педагогических и даже фельдшерских.

Николай Александрович не единожды принимал непосредственное участие в дипломатических переговорах с Соединенными Штатами, Японией и Великобританией по вопросам эксплуатации и охраны тихоокеанских вод. В 1906 г. был назначен представителем от Министерства Внутренних Дел в образованное при Главном Управлении Землеустройства и Земледелия Особое Совещание, созданное для обсуждения вопроса о заключении рыболовной конвенции с Японией (в соответствии со ст. XI Портсмутского договора 1905 г.). Позже Гребницкий выступал консультантом уполномоченного при заключении самого договора. Затем по распоряжению Министра Торговли и Промышленности принимал участие в заседании Особого Совещания по рассмотрению вопросов о горном и золотом промысле на Чукотском полуострове. По распоряжению Приамурского генерал-губернатора принимал участие в совещании по вопросу о закрытии porto franco на Дальнем Востоке[1].

По собственной инициативе Управляющий организовал на островах регулярные метеорологические наблюдения. За это 18 июля 1901 г. был утвержден корреспондентом Николаевской Главной Физической Обсерватории с правом ношения на правой стороне груди особого нагрудного значка. (Речь идет об одной из старейших метеорологических обсерваторий России, основанной в 1849 г. по приказу Николая I в г. Санкт-Петербурге. Сегодня это Главная геофизическая обсерватория имени А.И. Воейкова).

Гребницкий проводил ботанические, зоологические и антропологические сборы, и в 1893 г. был награжден золотой медалью Бэра[2], а 1896 г. был избран членкорреспондентом Зоологического музея Академии Наук. Сегодня его научные коллекции хранятся в разных музеях мира, а имя увековечено в видовых названиях целого ряда животных.

8 мая 1883 г. Николай Гребницкий женился во второй раз — на дочери действительного статского советника Елизавете Николаевне

1 ПФА АРАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 1. Л. 14-17.
2 ПФА АРАН. Ф. 2. Оп. 1892. Д. 8. Л. 19-24.

• Гребницкие Вера, Николай, Александра, Мария, Елизавета Николаевна, Софья. 1904. Сем.арх. Куликовой

Гирс[1]. Венчание проходило в Иркутской Преображенской церкви. В браке у них родилось семеро детей: Николай (1885 г. р.), Александра (1887 г. р., родилась на о. Беринга), Вячеслав (1888 г. р.), Вера (1890 г. р., родилась на о. Беринга), Софья (1892–1957), Елизавета (1894–1895) и Елена (1907 г. р.)[2]. Старшую девочку — внебрачную «алеутку» Марию — взяли на воспитание.

В 1893–1894 гг., когда дети начали подрастать, семья приобрела небольшое «именьице» в деревне Кузнецово Крестецкого уезда Новгородской губернии. Это был добротный загородный дом, или, как ее называли сами Гребницкие, мыза.

И вот уже от зажиточного Гребницкого-«американца» не осталось и следа. Вместо «капиталистической акулы» в уютном кресле сидит немолодой, но по-прежнему энергичный интеллигент, душа компании и отец большого семейства. Последние дни Николай Александрович провел в своем загородном доме, где и скончался от порока сердца, полгода не дожив до своего 60-летия. Его судьба была непростой, а жизнь яркой и насыщенной. Он начинал как никому не известный безродный провинциальный юноша, но к финалу подошел состоявшимся политиком и мужем.

Звание потомственного дворянина было закреплено за Николаем Гребницким и членами его семейства постановлением Правительствующего Сената 16 декабря 1899 г. Также за заслуги перед отечеством он был награжден: орденом Св. Владимира 4 степени (15 мая 1883 г.), орденом Св. Станислава 2 степени (19 января 1891 г.), Св. Анны 2 степени (1 января 1898 г.) и медалью в память царствования императора Александра III (26 февраля 1896 г.).

Обнаруженное в 2013 г. захоронение своим благородством и подчеркнутой сдержанностью подтверждает описанный образ Николая Александровича. А выгравированная на надгробном камне цитата из Писания — «Больши сея любове никтоже имать да кто душу свою положитъ за други своя» — резюмирует итог жизни.

Гребницкая Елизавета Николаевна (ок. 1865 – 1928).

Родилась в Томске, скончалась в Санкт-Петербурге в возрасте 63 лет. Вторая супруга Николая Александровича Гребницкого. Дочь Александры Петровны и действительного статского советника Николая Александровича Гирс. (Род Гирсов ведет начало из древнего шведского служилого сословия, со временем возведенного в дворянство. Россия стала для них родиной XVII в., в это же время же началось стремительное обрусение рода. На протяжении XVIII–XX вв. многочисленные представители Гирсов снискали широкую известность как русские дипломаты, администраторы, военные, писатели и ученые).

Елизавета Николаевна пережила мужа на 20 лет. Воспитала шестерых собственных детей и одну приемную девочку-алеутку, внебрачную дочь Николая Александровича. В 1880-х гг. жила на Камчатке и на о. Беринга, затем вместе с детьми переехала в Новгородскую губернию. В 1893–1898 гг. большую часть времени проводила в своем загородном доме в селении Кузнецово-Матвейково. Нередко выступала в роли восприемницы (крестной матери) мещанских и крестьянских малышей. Позже семья перебралась в Петербург. Как правило, часть времени проводили в столице, часть — в загородной мызе на Новгородчине.

После смерти любимого мужа всегда строгая и педантичная Елизавета Николаевна еще много лет посещала навсегда опустевший для нее дом и старое дворянское кладбище.

Пожизненный член Общества изучения Амурского края.

Савич Мария Николаевна (ок. 1883 – 1950-е ?).

Мария была внебрачной дочерью управляющего Командорскими островами Н.А. Гребницкого. К сожалению, выяснить имя ее матери так и не удалось.

1 ГАИО. Ф. 50. Оп. 9. Д. 110. Л. 285 об.-286.
2 ПФА РАН. Ф. 851. Оп. 1. Д. 1; ГАКК. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 10. Л. 228 об.-229; Д. 14. Л. 214.

Девочка была вывезена с острова и воспитывалась в семье Николая Александровича и Елизаветы Николаевны почти как родная. Для младших детей Маня была и сестрой, и нянечкой. Внучка Гребницких Вероника Николаевна Журавлева (1921–2015) вспоминала старый семейный снимок: уже достаточно взрослая девушка сидит в детской компании и читает книжку. Опрятная и строгая, в красивом платье с кружевами. На этот раз она была не просто доброй наставницей — свирепствовала корь, и Маня выполняла роль сиделки при больных братьях и сестрах. «Алеуточку» все очень любили, она отличалась от остальных — была мягче, добрее, мудрее. «Любимая тетя Маня», «необыкновенной мужественности и доброты человек» – такие воспоминания сохранились о ней в семье.

Наверное, именно эти качества импонировали Антону Савичу (ок. 1883 – 1916). Потомственный дворянин, сын Предводителя Новгородского губернского дворянства действительного статского советника Ивана Яковлевича Савича (? – 1894) не понаслышке знал о Командорских островах и добыче котиков. Его отец, являясь членом Петербургского отделения Волжско-Камского банка, стал одним из соучредителей арендовавшего с 1891 по 1901 г. пушные промыслы на островах «Русского товарищества котиковых промыслов». Старший брат Антона, «причисленный к Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов» Константин Савич (? – 1895) посещал Командоры в 1893 г. Результатом визита стал полнокровный труд, анализирующий экономическую ситуацию в регионе. Средний брат Яков Иванович, являясь крупным банкиром, был одновременно членом правления Камчатского Торгово-Промышленного Общества. К сожалению, последствия русско-японской войны пагубно сказались на морском промысле, и братьям пришлось оставить котиковый промысел.

Свадьба Антона и Марии состоялась приблизительно в 1909 г. Но романтическая история началась намного раньше — на снимке, сделанном в Одессе в конце 1902 г., запечатлена влюбленная пара, их лица светлы и счастливы. Скорее всего, венчание проходило в Петербурге (соответствующую запись найти не удалось). В метриках 1911 г. девушка уже записана как «жена дворянина Мария Николаева Савич». Значительную часть времени молодая семья проводила в Новгородской глубинке — невдалеке от Кузнецовской мызы Гребницких расположено село Каёво, там находилось имение Савичей. Но счастье

длилось недолго — Командоры сильно подорвали здоровье Антона, он страдал туберкулезом легких, лечился в Ялте. В апреле 1916 г. его не стало.

В браке родилось двое сыновей: старший Яков (ок. 1910 – 1943) и младший Константин.

Якова помнили по прозвищу Куня. Он был «синеблузником» – так называли сатирический агитационный театральный коллектив, созданный в 1923 г. на базе «живой газеты» Московского института журналистики. Юноши и девушки выступали на самых разных сценах, в том числе в Театре Юного Зрителя, за что их нередко сравнивали с бродячими актерами. Репертуар отражал злободневные проблемы и охватывал все сферы жизни — от политической пропаганды до бытовых сценок. Как и своя мать, Куня был душой компании. Но началась война. На тот момент Яков работал в одном из театров союзных республик (возможно, в Ашхабаде). Оттуда его призвали на фронт. В 1943 г. старший сын Марии погиб (пропал без вести) в боях под Сталинградом.

Судьба Константина складывалась неоднозначно. Он имел судимость. Мать последовала за ним в Абакан (?), и несколько лет провела там. Серьезный урок заставил пересмотреть жизненные приоритеты. По всей видимости, Константин стал сотрудником НКВД, но доподлинно это неизвестно, поскольку отношения с родственниками (кроме самых близких) он не поддерживал.

Одно время Мария Николаевна почему-то жила в Мурманске. Но ее последние годы прошли в Москве. Здесь же работал ее сын. По всей видимости, похоронена она была также в столице.

Говорить о том, что Николай Александрович официально удочерил внебрачную дочь было бы опрометчиво – в списке детей Гребницкого Мария не значится. В то же время в одной из новгородских метрик в роли восприемников крестьянского мальчика деревни Пепелово указаны «усадьбы Кузнецово сын землевладельца Николай Николаев Гребницкий и сестра Мария». Отчество Марии записано неразборчиво, с исправлением «Ивановой» на нечто неопределенное, возможно, провинциальный писарь сделал его по «простоте душевной».

Как бы то ни было, Мария Николаевна унаследовала потомственное дворянство, но не по отцу, а по мужу. Таким образом, она стала единственной российской алеуткой, получившей этот титул.

ГУСЕЛЬНИКОВЫ

На Камчатке, по сообщению С. П. Крашенинникова, был служилый человек Тимофей Гусельников. Фамилия в дальнейшем здесь не сохранилась. Но любопытна история происхождения фамилии сибирских землепроходцев Гусельниковых.

На другой стороне Северной Двины, вблизи Телегова, находится бывшая Юрьев-Наволоцкая волость. Здесь деревня Омельяновская — родина братьев Гусельниковых. Выходцы из крестьян, братья Гусельниковы из Юрьева Наволока в середине XVII века были известны в Московском государстве в числе северян, осваивающих Сибирь, хотя и не полностью порвавших связь с деревней. Василий Федотович Гусельников в 1654 году был таможенным головою в Архангельске. А началось все с того, что Василий Гусельников — (по прозвищу «Скорая запись» — нанялся в приказчики к богатому московскому купцу Афанасию Левашеву. Его деятельность была настолько заметной, что уже в 1630 году он был включен в состав гостиной сотни и среди торговых людей на Мангазее занимал одно из первых мест. Одновременно он состоял и на государственной службе — был казачьим десятником.

Братья Василия — Афанасий и Гурий — также преуспевали в торговых делах Сибири. Племянники — Михаил Стадухин и Михаил Стахеев — землепроходцы. Михаил Стадухин в 1643 году поставил зимовье на Колыме, Нижне-Колымский острог (это примерно в 20 км от современного Нижне-Колымска). Интересно, что Семен Дежнев во время своего исторического похода шел на коче Гусельникова.

В то время Василий Скорая запись не был таким богатеем, каким он прослыл впоследствии, когда помогал деньгами и людьми мореходам, снаряжавшим плаванья на Северо-Восток. О Василии Скорой записи много сказано в статье профессора С.В. Бахрушина «Торговые крестьяне в XVII веке» (*РАНИОН, Институт истории, «Ученые записки», т. V, 1929, с. 246 и др.*).

С.В. Бахрушин установил год смерти Василия Федотова Гусельникова (1654). Скорая запись умер «у государевых дел», купчиной торговой сотни. Перед смертью Гусельников принял имя Вассиана, постригшись в монахи. Афанасий и Гурий, братья Скорой записи, тоже бывали в Сибири, возили в Мангазею хлебные запасы, скупали соболей. У них были свои морские кочи. Гусельниковы должны были знать Дежнева, Хабарова, Стадухина и других устюжан, своих земляков, еще с 30-х годов. В 1649 году, через год после Дежнева, Михаил Стадухин и Василий Бугор сделали попытку повторить его поход, но в сентябре вернулись на Ко-

лыму, не сумев пройти на Анадырь морем. Даже короткое знакомство с родом Гусельниковых позволяет сказать, что они внесли заметный вклад в освоение Сибири, хотя и преследовали при этом свою цель — обогащение.

Несмотря на крупные доходы, получаемые с сибирских торгов, Гусельниковы продолжали жить в своей деревне. И только Афанасий Федотович под конец приобрел дом в Великом Устюге, в районе поскотины и кирпичных сараев, и тратил свои огромные средства на постройку и украшение собора Прокопия Праведного. Кроме того, он приобрел деревню Ивашево, что за рекой Сухоной, против Устюга. Доходы от деревни тоже шли в кассу Прокопьевского собора. Такова краткая история о Гусельниковых, простых крестьянах, ставших купцами и видными людьми государства Московского.

Семену Дежневу не удалось морское плаванье 1647 года. Торговые люди Нижнеколымска подали таможенному целовальнику Петру Новоселову челобитную, просили отпустить Федота Алексеева Попова и иных на «новую Анадырскую реку». Проглядев челобитную своим единственным глазом, Новоселов узнал, что приказчики хотят, чтобы с ними пошел Семен Дежнев для «государевых всяких дел». Дежневу дали «наказную память». Четыре коча вышли в море. Каких мест они достигали, неизвестно, но вскоре Дежнев и Федот Попов вернулись на Стадухинскую протоку, горюя о том, что путь на заветный Анадырь был закрыт великими льдами. Но добытчики «рыбьего зуба» не унывали и ждали времени, когда морская дорога освободится от крепких торосов. И время это наступило.

В 1648 году на Колыму морем пришел боярский сын Василий Власьев, один из главных разоблачителей преступлений воеводы Головина. С ним прибыл таможенный целовальник Кирилл Коткин, сменивший Новоселова-Кривого. Подготовка морского анадырского похода перешла в их руки. Устюжские богачи Федотовы Гусельниковы принимали большое участие в поисках новых земель. Удивительно, что в 1648 году, после того, когда в Устюге Великом раздался колокольный сполох и посадские люди вместе с судовыми ярыжками кинулись разбивать дворы купцов, Гурий Федотов Гусельников был привлечен к следствию как подстрекатель мятежа. Но это никак не отразилось на его брате. Василий Скорая запись, находясь при архангельском корабельном пристанище и при других торгах, менял соболей на фряжские вина, продавал «рыбий зуб» за «арапские» золотые. Когда нижнеколымцы стали готовиться к плаванью на Анадырь, гусельниковские приказчики немедленно примкнули к Федоту Алексееву Попову и Дежневу.

Тут откуда-то появились беглые молодцы из ватаги Василия Бугра — служилые Иван Пуляев и Павел Кокоулин. Иван Пуляев до службы в Якутске и побега оттуда жил на устье Куты, где приторговывал бревнами. У него брали строевой лес для казны. При постройке кочей для анадырского похода Пуляев был очень полезным человеком. Прост на вид коч, но построить его было не легко.

Деревянный кит собирался из досок. Жилами его были ивовые корни, суставами — большие деревянные гвозди. Серебряным тундровым мхом конопатили щели меж досок, покрывали их смолой-живицей. На кочах под парусами ходили только при попутном ветре. Если не было доброго ветра, мореходам приходилось натруживать ладони громоздкими веслами. И вот шесть новых кочей стоят на Колыме, и обитатели острога готовятся к проводам смелых мореходов. В челобитной Семена Дежнева от 1662 года сказано ясно, что на шести кочах с ним вместе отправились девяносто служилых, промышленных и торговых людей.

Торговыми делами в походе ведал Федот Алексеев Попов. Дежнев должен был смотреть за сбором ясака, искать новых «неясачных людей», а со своих спутников брать десятую долю добычи в государеву казну. Считают, что Герасим Анкудинов был помощником Дежнева, и это, пожалуй, похоже на правду. Дежнев потом писал о Герасиме как о служилом человеке, но не о своем начальнике. А сам Дежнев считал, что он служит уже, по крайней мере, со времени своих колымских подвигов «приказным человеком вместо атамана». Федот Попов со своей ясырной якутской женкой плыл отдельно от Дежнева, Герасим Анкудинов тоже находился сам по себе на одном из кочей. С Дежневым же было двадцать пять человек. Подняты каменные якоря, скрипят тяжелые весла, и 20 июня 1648 года все шесть деревянных китов медленно идут вниз по Колыме до моря. Там они, качаясь, зарываясь в океанские волны, поднимаясь на синие хребты океана, начинают свой путь к Ониану...

(*http://www.v-ustug.ru/books/PP/14.html; http://lib. rus.ec/b/94796/read*)

• Великий Устюг. Михайло-Архангельский монастырь – старейший на Русском Севере: основан в 1212 году, в княжение ростовского князя Константина Всеволодовича, монахом Киприаном

ДОБРЫНИНЫ

Камчатские Добрынины ведут свой род от уроженца села Петровский Завод Верхнеудинского уезда Забайкальской области Николая Михайловича Добрынина (ок. 1885 – ок. 1949). Николай Михайлович приехал на Командорские острова в 1915 или 1916 г. В это смутное для страны время он состоял на службе Департамента земледелия в должности промыслового стражника о. Медного. В 1924–1929 гг. Добрынин исполнял обязанности промыслового надзирателя и значился как промдосмотрщик, старший досмотрщик, промнадзир. Через пару лет его должность стала называться более прозаично — «завхоз». П озже, когда старая терминология вышла из употребления, островитяне окрестили старика «первым пограничником».

Однофамилицы Николая Михайловича служили на территории Русской Америки еще во времена Российско-Американской компании. Все известные Добрынины были выходцами из Сибири, но установить, состояли ли они в родственных отношениях с нашим героем, пока не представляется возможным.

В октябре 1917 г. «промысловый стражник» женился на уроженке о. Медного Валерии Ивановне Хабаровой (1897–1984). Поручителями во время бракосочетания были уважаемые жители острова: по жениху — Терентий Алексеевич Ладыгин и фельдшер Василий Амвросиевич Мамлай, а по невесте — Георгий Акилович Попов и Николай Флегонтович Голодов. Согласно метрическим записям, невеста была на 12 лет моложе жениха, но в семье считалось, что разница еще больше — 17 лет.

В скором времени на свет появилась Анастасия (1917–1940). Восприемником (крестным отцом) малышки стал никто иной как сам Александр Иванович Черский — смотритель пушных промыслов и по совместительству уездный комиссар Временного правительства. Спустя два года родился сын Николай. Анастасия умерла при родах в возрасте 23 лет, и Валерия Ивановна воспитала внучку Наденьку как вторую дочь.

• Добрынин Николай Михайлович. 22 апр. 1915. Сем.арх. Добрыниных

На некоторое время Добрынины уезжали в Петропавловск, но в 1939-м вернулись на Командоры. В годы войны Николай Михайлович работал в рыбном кооперативе, его вызывали то на о. Беринга, то на о. Медный, то снова на Беринга.

Добрынина Валерия Ивановна (1897–1984).

Валерия Ивановна родилась 2 апреля (юл.) 1897 г. в семье Ивана Ивановича и Епистимы Яковлевны Хабаровых. Восприемниками (крестными родителями) девочки была настоящая «медновская элита»: старший надзиратель за

пушными промыслами Николай Никитович Лукин-Федотов и жена псаломщика Трифона Хабарова Агафья Прокопьевна Хабарова. Агафья Прокопьевна приходилась родной сестрой священнику Преображенской церкви Николаю Коршунову. Вскоре семья приумножилась, и у Валерии, кроме старшего брата Якова (1896 г. р.), появились Владимир (1899 г. р.), Аркадий (1901 г. р.), Николай (1903 г. р.), Петр (1905 г. р.) и младшая сестра Анна (ок. 1907 г. р.).

Отец Валерии, Иван Иванович Хабаров (ок. 1868 г. р.), был человеком грамотным и уважаемым. А его младший брат, Трифон Иванович, исполнял должность псаломщика Спасо-Преображенской церкви того же острова. Родной дед Ивана и Трифона — креол Яков Петрович Хабаров — в свое время закончил школу Якова Нецветова на о. Атке. Во второй трети XIX в. он читал молитвы, в отсутствие священника крестил детей и вел бухгалтерские дела о. Медного. Дедом Ивана Ивановича по материнской линии был, вероятнее всего, новгородский крестьянин Иван Дмитриевич Козырев.

«Камчадалка» Епистима Яковлевна (в дев. Расторгуева, 1869–1926) слыла женщиной умной и энергичной. В 1892 г. она была удостоена чести стать крестной матерью двойняшек Симеонов Николая Прокопьевича и Екатерины Яковлевны Коршуновых (к сожалению, оба малыша скончались от родовой травмы), в 1893 г. — дочери Калиссы и, по всей видимости, спустя год либо она, либо ее муж стали восприемниками младшей дочери священника (Надпись на обороте фотографии из семейного архива Добрыниных: «На добрую память дяде Ване и тети – крестной матери Липы Хабаровым от любящих племянн(иц) … и Рики Кор(шуновых)»).

• Добрынин Николай Мих. (слева) и Хабаров Николай Иванович

Валерия переняла острый ум отца и расторопность матери. Она трудилась всю свою жизнь. Работала санитаркой: сперва — в больнице о. Медного, затем — на о. Беринга. Несмотря на скромную должность, опытная женщина научилась ставить диагнозы не хуже любого врача и редко ошибалась. За добросовестный труд она была награждена медалью, жаль, только на словах — до острова награда так и не дошла.

• Добрынина В.И. с невесткой Анной Алекс. и внуками Галей и Вовой (на руках)

На о. Медном у Валерии Ивановны был свой просторный дом. В комнатах всегда идеальная чистота: половички белехонькие и — ни соринки. Шкаф, трюмо из красного дерева со множеством выдвижных ящичков, большое зеркало и изумительная фарфоровая посуда — все американского производства (до 1940-х гг. товары из России на Командоры попадали редко, все больше — из Штатов).

• Добрынин Н.Н. с племянницей Надей. Сем.арх. Добрыниных

• Добрынины и Ивлевы. Сем.арх. Добрыниных

Даже «волшебный» сундук: стоит его открыть — и играет музыка. На окошках стояли комнатные цветы. Как-то раз гостившая летом внучка Галя решила помочь любимой бабуле и выставила горшочки на завалинку под дождь — пусть польет как следует. Мимо шел солдатик: «Можно, я возьму?» — «Да забирай хоть все!» Он и унес, сколько смог. Валерия Ивановна приходит с работы, а цветов нет: «Ну, отдала, так отдала», — бабушка никогда не ругалась. Где бы и заплакать, а она улыбнется.

Внуки хорошо помнят бабушкин хлеб — самый вкусный хлеб на свете. Закваску, как и все в селе, Валерия Ивановна ставила сама на привозном хмеле. У доброго человека и сдоба добрая. А это был очень светлый чистый человек.

Добрынин Николай Николаевич (1919–1994).

Николай был вторым ребенком в семье Николая Михайловича (ок. 1885 – ок. 1948) и Валерии Ивановны (1897–1984) Добрыниных.

Отец считал своим долгом дать сыну образование — так уж было заведено. И Николай поступил в петропавловское педагогическое училище. Но проучился там недолго — установленные в коллективе с ярко выраженной женской доминантой порядки, касавшиеся дежурств и уборки помещений, претили самолюбию молодого островитянина. Не приняв местных правил, он ушел и поступил в гидрометеорологический техникум. Выучившись на метеоролога, Николай вернулся на о. Медный и устроился работать на метеостанцию родного острова.

• Добрынин Никол.Николаевич

Николай Николаевич состоял в браке трижды. О первой жене

обычно не вспоминают, но по данным переписи известно, что в 1939 г. Мария Степановна (1912 г. р.) жила на о. Медном с Николаем, 4-летней дочерью Галиной и матерью Домной (Домна Колисна). Общих детей не было. Вторую, а по сути первую, супругу звали Галина Иннокентьевна (в дев. Павловская, ок. 1914 – ок. 1947). Галина приехала на Дальний Восток из Читы. Как и Николай Николаевич, она была метеорологом и работала медновской метеостанции. Но произошло несчастье: в возрасте 33 лет молодая женщина скоропостижно скончалась, оставив троих ребятишек: Валерия (1942 – ок.1975), Ларису (1944 – ок. 1977) и Людмилу (1946 – 2012). В 1949 г. Анна Алексеевна (в дев. Ивлева, 1928 г. р.), не побоялась взять на воспитание осиротевших малышей. Вскоре у супружеской пары родились свои: Галина (1950 г. р.) и Владимир (1953 г. р.). Впрочем, в этой семье было не принято делить на «своих» и «чужих» — все были родными.

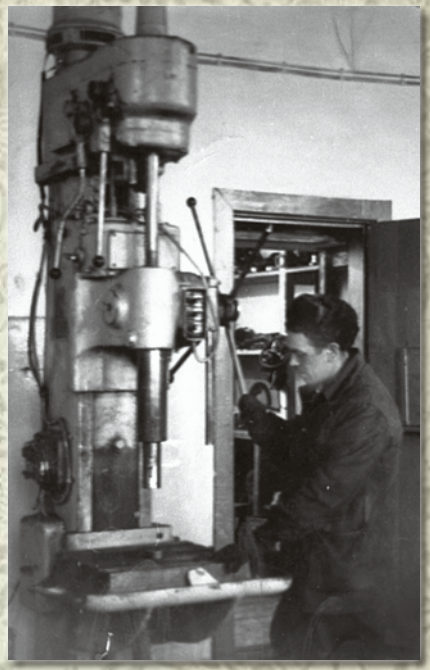
Николай Николаевич запомнился заботливым отцом и отзывчивым неравнодушным человеком. Его любили за прямоту и мягкий «алеутский» юмор, уважали за острый ум. Несмотря на партийную принципиальность, Николай был наделен удивительным природным тактом и мудростью, люди тянулись к нему. В 1949 г. медновчанина избрали председателем рыбного кооператива, и он вместе со старшей дочкой переехал на о. Беринга. Вслед за ним приехала и Анна Алексеевна, сыграли свадьбу. В 1950 г. Николая избрали вторым секретарем райкома партии и направили на о. Медный инструктором. Там родилась Галина. В 1953 г. Добрынина утвердили председателем райисполкома, и семья снова вернулась на о. Беринга. С тех пор они жили в селе Никольском.

• Добрынина-Павловская Г.И. 1940.08.13. Владивосток.

• Добрынина Надежда 1964.

• Добрынин Валерий Николаевич

• 1958. Поход в б. Командор. Сем.арх. Добрыниных

• Добрынин Ник. Ник. (слева) и Калашников. Сем.арх. Добрыниных

Николай Николаевич знал и любил родную землю, болел за нее душой. В 1956 и 1858 гг. он принимал участие в поисках пушек разбившегося в 1841 г. пакетбота «Св. Петр». Одним из организаторов поисковых работ в бухте Командор был Е.А. Самовольский. Несмотря на использование миноискателей, цель достигнута не была: «Много слез мы пролили на могиле Беринга, потому что пушек не нашли. 19.09.1958».

Добрынин не терял бодрости духа даже на пенсии: ходил в походы, нес службу добровольца-пограничника... Семья считает, что энергичного старика погубили не годы, а «перестройка». «Мое поколение было свидетелем принятия Конституции СССР в 1936 г. …Я родился и вырос на Командорах; за этот период произошли огромные перемены …раньше мы мечтали о начальном …теперь …дети алеутов получили высшее и среднее образование, среди алеутов имеются врачи, учителя, капитаны, механики …Так и должно быть», – говорил старый коммунист без тени фальши. Ему, не понаслышке знавшему, через какие страшные испытания пришлось пройти Командорам в первой половине XX в., было нестерпимо видеть, как на глазах рушатся труды многих поколений. Год смерти Николая Николаевича был для многих командорцев годом-крушения-надежд.

Добрынина Анна Алексеевна (1928 г.р.)

Девичья фамилия Анны Алексеевны — Ивлева. Девочка родилась в 1928 г. в пос. Свобода Татарской ССР, в 1937 г. семья переехала в удмуртский пос. Кизнер. Когда началась война, отец ушел на фронт и в первый же год «пал смертью храбрых». Мать с пятью детьми перебралась в Ижевск. Там 13-летняя Анюта вместе с другими сверстниками пошла работать на эвакуированный Тульский оружейный завод. Стояла у станка. Собственного роста не хватало, чтобы сподручнее было работать, под ноги подставили ящичек... Осенью 1943 г., имея за плечами семилетку, поступила в ФЗУ при заводе. Теперь девушка и работала, и училась. С окончанием войны завод перевели обратно в Тулу, а ребят поблагодарили за ударный труд и распустили по домам. В поисках работы Аня поехала к тетке в Берсутский зверосовхоз. Там она устроилась няней к зоотехникам Юлиану Петровичу и Галине Новицким.

В 1947 г. Новицких командировали поднимать пушное хозяйство на Командорских островах. Спрашивают: «Ты поедешь?» — «Без разрешения мамы не могу». На семейном совете решили, что Аннушка может отправляться в дальний путь. Ей было 19 лет, на руках — ни паспорта, ни других документов. В деревне — кому нужен паспорт? Отправилась за метриками — 50 км пешком…

Но приключения только начинались. По дороге на о. Медный у парохода вышел из строя один котел. Кое-как дотянули до о. Беринга. Судно стало на якорь, чтобы провести текущий ремонт, и часть пассажиров сошли на берег. Среди желающих изучить легендарный берег были и Новицкие-родители. Но вдруг погода испортилась, начался шторм. Не закончив ремонтных работ, пароход вышел в море. Тогда капитан, чтобы не подвергать опасности пассажиров и команду, принял решение идти обратно в Петропавловск. Аннушка оказалась на борту одна с двумя малышами на руках. Было страшно, но не растерялась. Когда судно, наконец, вернулось на Командоры, зоотехники были уже на о. Медном и с нетерпением ждали своих девочек.

Галина Новицкая устроилась работать заведующей детским садиком, а бывшая няня стала работать поваром. Жила как все: бегала в сельский клуб на танцы, собирала грибы и ягоды, ждала весточек с «большой земли». А в скором времени встретила свою любовь. С этого момента судьбы Анны Алексеевны и Николая Николаевича слились в одну.

За многолетний добросовестный труд Анна Алексеевна награждена многочисленными Почетными грамотами и шестью медалями, среди которых самая дорогая — «За доблестный труд 1941 – 1945 гг.». Сейчас она живет в пос. Нагорном Елизовского района, а в Никольское приезжает в гости к дочери Галине (в замуж. Толстоуховой).

• Село Никольское. Предположитеьно 1968 год

